

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

XII

Сборник статей

Санкт-Петербург-Иваново
ПресСто
2024

УДК 355.49
ББК 68.54
Е 47

*К 300-летию образования
Российского государственного архива
Военно-Морского Флота*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *В. Г. Смирнов* (научный редактор),
кандидат исторических наук *А. Ю. Емелин* (ответственный редактор),
Ю. Т. Вартанян (составитель)

Е 47 **Елагинские чтения.** Сборник статей. Вып. XII / Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив Военно-Морского Флота. – Санкт-Петербург-Иваново : ООО «ПресСто», 2024. – 196 с. : ил.
ISBN 978-5-6050880-1-1

Двенадцатые Елагинские чтения (26 января 2024 г.) посвящены 300-летию Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Тема данных чтений – «Архив и История» – позволила авторам статей осветить неизвестные страницы истории архива, проанализировать многолетний опыт его взаимодействия с другими учреждениями, а также на нескольких примерах показать широкие возможности документов РГАВМФ в освещении разнообразных тем отечественной истории.

Сборник статей предназначен для специалистов и всех интересующихся историей российского Военно-Морского Флота.

УДК 355.49
ББК 68.54

На обложке:

Император Петр Великий, по воле которого был основан архив Адмиралтейств-коллегии. С литографии В. А. Прохорова, 1852 г.

ISBN 978-5-605-08801-1

9

785605 088011

© Российский государственный архив
Военно-Морского Флота, 2024
© Авторы, 2024

ХII Елагинские чтения – к 300-летию архива

Уважаемые читатели!

В учреждениях и организациях, имеющих многолетнюю историю своей деятельности, с течением времени складываются определенные традиции, которые передаются «от поколения к поколению». Одной из традиций Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), сложившейся в конце XX – начале XXI века, является проведение научных конференций, названных Елагинскими чтениями в честь одного из первых военно-морских историков России – капитана 1 ранга Сергея Ивановича Елагина (1824–1868). Они проводятся раз в два года в конце января, так как приурочены к дате основания архива – 28 (17) января 1724 г.

2024 год стал для РГАВМФ юбилейным – уникальному учреждению истории и культуры, одному из старейших архивов в России исполнилось 300 лет.

В числе мероприятий, запланированных к юбилею, включено проведение ХII Елагинских чтений 26 января 2024 г. Все предыдущие чтения были посвящены различным темам отечественной военно-морской истории. В преддверии юбилея была выбрана тема «Архив и История», позволившая участникам представить с разных точек зрения историю архива, рассказать о многолетнем опыте взаимодействия с другими учреждениями, а также на нескольких примерах показать широкие возможности документов РГАВМФ в освещении разнообразных тем отечественной истории.

Традиционно в Елагинских чтениях приняли участие как исследователи военно-морской истории из сторонних организаций, так и сотрудники архива. Их доклады и представлены в настоящем сборнике материалов.

Главный специалист отдела научно-справочного аппарата РГАВМФ **А. А. Лисицкая** посвятила свой доклад капитану 1 ранга С. И. Елагину. В нем она, в частности, указала, что он не был профессиональным историком, но за непродолжительное время своей деятельности создал крепкую источниковую базу Петровского периода истории русского флота, которая способствовала в дальнейшем активному изучению документальных свидетельств и изданию «Материалов по истории русского флота». Характерно, что С. И. Елагина, в отличие от его предшественников на ниве изучения истории флота, интересовали не столько собственные изыскания, сколько системная работа по выявлению и публикации источников, что позволяет говорить о нем как об основоположнике источниковедения военно-морской истории.

С. И. Елагину пришлось много работать с документами архива, которые многие годы хранились в различных помещениях Главного Адмиралтейства. Ранее неисследованную тему размещения и условий хранения документов в Главном Адмиралтействе в XIX – начале XX в. раскрыла в своем докладе начальник отдела научно-справочного аппарата РГАВМФ **О. А. Зотова**. В нем цитируются следующие слова генерал-адмирала русского флота, великого князя Константина Николаевича: «Я почитаю Архив Морского министерства весьма богатым источником сведений как собственно для флота, так и для разных учреждений морского ведомства...». Следует отметить, что за прошедшие с тех пор почти 170 лет военно-морской архив стал государственным и в своей деятельности давно перешел обозначенные великим князем пределы.

Заместитель директора архива, кандидат исторических наук **А. Ю. Емелин** детально рассмотрел историю появления в архиве личных фондов вице-адмирала С. О. Макарова и адмирала Ф. В. Дубасова. В заключение своего исследова-

ния Алексей Юрьевич добрым словом вспомнил начальника Архива Морского министерства А. И. Лебедева и других архивистов эпохи Гражданской войны, «приложивших колоссальные усилия для сбора и спасения как можно большего числа документов по истории русского флота, а также разнообразных материалов личного происхождения».

Главный специалист отдела организационно-методической работы РГАВМФ **Ю. Т. Варганиян**, в течение нескольких лет скрупулезно изучавшая советский период истории деятельности архива, в своем докладе «Военно-Морской архив: от Ленина до Ельцина (1917–1992 гг.)» коротко изложила результаты своих научных изысканий. В заключение она указала, что после распада СССР в 1991 г. архив (ЦГА ВМФ СССР) перешел под юрисдикцию Российской Федерации, в 1992 г. был переименован в Российский государственный архив Военно-Морского Флота и вошел в сеть федеральных архивов России.

Заместитель директора Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого (ЦВММ), кандидат культурологии **С. Ю. Курнос** представил доклад о взаимодействии архива и музея по реализации выставочных проектов и научно-исторических исследований. В заключение он выразил надежду, что «партнерские отношения ЦВММ и РГАВМФ будут продолжены, и оба учреждения еще не один раз представят широкой публике совместные выставочные и научно-исследовательские проекты». Не приходится сомневаться в том, что так и будет в будущем.

Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) **К. Б. Назаренко** в своем интересном докладе проанализировал связи между РГАВМФ и учеными (преподавателями) исторического факультета (Института истории) СПбГУ. При этом он сообщил и о своих 25-летних «хождениях» в архив, отдавая дань уважения его сотрудникам – бывшим и настоящим.

Доклад московского ученого, доктора исторических наук **А. Ю. Петрова** посвящен опыту взаимодействия Института всеобщей истории РАН и РГАВМФ по изучению истории севера Тихого океана и Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII – первой половине XIX в. Результатом этого взаимодействия стали, в частности, труды такого выдающегося отечественного историка-американиста как академик Н. Н. Болховитинов, которому и была посвящена значительная часть доклада.

Другой столичный участник «Елагинских чтений», кандидат исторических наук **Н. А. Кузнецов**, сделал доклад на тему: «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и Российский государственный архив Военно-Морского Флота: два десятилетия плодотворного сотрудничества». Следует отметить, что сам Н. А. Кузнецов является не только активным научным сотрудником Дома русского зарубежья и постоянным исследователем документального фонда архива, но и непременным участником многих экспедиций – от кругосветной антарктической (на океанографическом судне ВМФ «Адмирал Владимирский») до арктических на гидрографических судах Северного флота.

Доктор исторических наук, профессор РГПУ имени А. И. Герцена **Д. Н. Копелев** выступил с блестящим эссе «У истоков Русского географического общества. Великий князь Константин Николаевич: становление патриота, моряка и географа», в значительной степени написанном с опорой на архивные документы. Его доклад на «Елагинских чтениях» предвосхищает будущие мероприятия по празднованию 200-летнего юбилея генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, намеченные на 2027 год.

Московский ученый, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук **С. Е. Виноградов** сделал великолепный доклад на тему: «Отечественная индустрия военно-морских вооружений

периода 1860–1917 гг. в документах и материалах Российского государственного архива Военно-Морского Флота». В заключение он указал: «Собранные воедино, все эти материалы способны всесторонне осветить картину развития в 1860–1917 гг. производственных мощностей военно-морского сегмента оборонной промышленности России, способных претворить в жизнь планы создания мощного военно-морского флота для отстаивания коренных национальных интересов России и ее народов».

Доктор исторических наук, капитан 1 ранга запаса **Д. Ю. Козлов** (руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН) много лет возглавляет Ассоциацию историков Первой мировой войны. Он тщательно изучал документы РГАВМФ, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), а также немецкого Бундесархива. Это позволило Д. Ю. Козлову сделать прекрасный аналитический доклад на тему: «Некоторые особенности планирующих и директивных документов российского и германского флотов периода Первой мировой войны: опыт сравнительного анализа (по материалам отечественных архивов и Федерального архива ФРГ)».

Надеюсь, что чтение данного сборника позволит вам, уважаемые читатели, открыть для себя ранее неизвестные страницы истории Российского флота. В добрый путь!

*Директор РГАВМФ,
доктор исторических наук,
Почетный работник Морского флота,
капитан 1 ранга в отставке В. Г. Смирнов*

Лисицкая А. А.

**С. И. Елагин – основоположник источниковедения
военно-морской истории**

Военно-морская история является важной составляющей, а также предметом изучения военно-морской науки. На сегодняшний день существует огромное количество методов, техник, взглядов на изучение военно-морской истории, но все они базируются на исторических источниках. Источниковедческие изыскания являются неотъемлемой частью любого исторического исследования и признаком профессиональной культуры историка.

«...источники нам никогда полную картину не рисуют, они всегда дают фрагментарное представление об истории. И для того, чтобы преодолеть это фрагментарное представление, нужны, во-первых, знание источников, и, во-вторых, талант историка, который способен вообразить, как все было, хотя это получается на уровне гипотезы, а не абсолютной точности»¹.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. отечественные историографы стремились разработать научный подход к изучению документальных источников с целью выявления достоверных фактов для своих конкретно-исторических построений. Это выразилось прежде всего в выявлении документов; их публикации; определении принципов и критериев оценки достоверности, содержащейся в них информации; развитии этапов научной критики источников и разработке приемов их исследования.

В середине 1840-х гг. в русской исторической науке совершается методологическая революция, в результате которой появляются новые философские идеи и подходы к историческим изысканиям, и во второй половине XIX в., благодаря трудам таких ученых как С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, Д. Я. Самоквасов, С. Ф. Платонов, происходит становление источниковедения как самостоятельной отрасли научного знания².

В практическом смысле, в становлении источниковедения большую роль сыграла деятельность ведомственных историографов. Занимаясь составлением своих «хроник», они создавали тематические источникивые базы, разрабатывали подходы к обработке документального материала.

Одним из самых цитируемых авторов военно-морской исторической школы является Сергей Иванович Елагин³. Несмотря на то, что он не был профессиональным историком, за довольно непродолжительное время своей деятельности он создал крепкую источниковую базу Петровского периода русского флота, а также разработал и применил на практике методологию архивной эвристической работы, способствующей в дальнейшем активному изучению документальных свидетельств и изданию «Материалов по истории русского флота».

Сергей Иванович Елагин родился 8 сентября 1824 г.⁴ В 1842 г. окончил Морской корпус с производством в мичманы. С 1837 по 1849 гг. ежегодно участвовал в кампаниях на кораблях Балтийского флота. В 1849 г. произведен в лейтенанты. В 1850 г. прикомандирован к Комитету пересмотра Морских уставов, где с октября 1851 г. по август 1852 г. управлял канцелярией. В 1853 г. откомандирован на Черное море, где на корабле «Три святителя» участвовал в переброске десанта из Севастополя к м. Анакррия (близ Поти), произведен в капитан-лейтенанты. С февраля по июнь 1854 г. по поручению вел. кн. генерал-адмирала Константина Нико-

лаевича занимался собиранием портовых постановлений и описанием порядка делопроизводства в Черноморских портах, затем был назначен правителем канцелярии Морского ученого комитета. В 1860 г. по воле генерал-адмирала был откомандирован в Москву, Воронеж, Таганрог, Азов и Николаев для осмотра архивов и извлечения сведений, необходимых для истории флота. В 1861 г. с этой же целью посетил архивы Англии, Голландии, Швеции и Австрии. В 1866 г. произведен в капитаны 1 ранга. Скончался 18 ноября 1868 г.⁵ Награжден орденами: Св. Анны 3 ст. (1851), Св. Станислава 2 ст. (1855), Св. Станислава с императорской короной (1858), Св. Анны 2 ст. (1862), Св. Владимира 4 ст. (1864)⁶.

Работая в Комитете по пересмотру морских уставов, Сергей Иванович проявил склонность к серьезным научно-исследовательским занятиям. Составленные им исторические обзоры, сравнительные характеристики, указатели и объяснения являлись образцом аналитического труда и демонстрировали талант историка. Все это, а также владение несколькими иностранными языками, привлекло внимание вел. кн. генерал-адмирала Константина Николаевича и выдвинуло кандидатуру С. И. Елагина на место ведущего военно-морского историографа.

21 декабря 1859 г. с высочайшего разрешения капитан-лейтенант Елагин приступил к составлению полной истории русского флота. Для работы ему были назначены помощники: Н. А. Коргуев, А. И. Петров, Р. А. Северюков (до 1863 г.), В. Ф. Головачев (после 1863 г.) и ассигновано 5 тысяч рублей в год⁷.

Первоначально Сергей Иванович скрупулезно изучил все опубликованные материалы, предполагая, что на их основе можно создать скелет будущей работы и, впоследствии дополнив его архивными документами, составить наиболее полное представление об истории русского флота. Но его исследования в этой области показали, что все предшеству-

ющие труды имели ряд существенных недостатков, главным из которых было отсутствие в их основе полноценного источниковедческого исследования. Архивные изыскания проводились фрагментарно, источники интерпретировались в рамках заявленной темы, в отрыве от времени и обстоятельств их создания. Отсюда и фактологические ошибки, и некорректные выводы.

С. И. Елагин представил полный, критический анализ всех предшествующих работ, с указанием выявленных ошибок и неточностей, на основании которого сделал вывод о необходимости самостоятельного, полного и систематического выявления архивных источников в соответствии с принятым планом будущей работы, чтобы в дальнейшем, рассматривая их в целом, учитывая время и обстоятельства их возникновения, составить наиболее достоверную летопись событий⁸. Особое внимание он уделял наличию в историческом труде перечня архивных документов со сведениями об их местонахождении (ссылками), избавляя последующих авторов от трудоемких и часто бесплодных архивных изысканий.

Сергей Иванович обращал внимание на важность разделения труда по выявлению и собиранию источников и их разработке. В частности, он писал, что процесс архивных изысканий – незаметный и тяжелый труд, не дающий видимых результатов, но необходимый для создания надежной базы для дальнейших исторических работ. Выявление источников требует аккуратности, педантичности и беспристрастности. В своей работе Елагин строго держался хронологического принципа собирания документов. Только полностью исчерпав возможности выявления материалов одного временного периода можно приступить к следующему. Такой принцип работы дает возможность проследить развитие темы в ее исторической перспективе и в дальнейшем привести к наиболее объективным выводам. По сути, этот принцип был заложен в работу по целевой каталогизации документов для

совершенствования системы научно-справочного аппарата, внедряемой в отечественных архивах век спустя. Разработка же темы должна происходить только после завершения выявления, на основе максимально полного перечня имеющихся документов⁹.

Методика работы, разработанная С. И. Елагиным для составления истории флота (ознакомление с опубликованными трудами, выявление круга архивохранилищ, выявление и анализ документов), как алгоритм, соответствует содержанию современной дисциплины «Архивная эвристика», предназначенной для обучения аспирантов поиску информации в рамках их научно-исследовательских работ.

Выступая с довольно резкой критикой исторических трудов своих предшественников, Сергей Иванович не преследовал цель дискредитации их работ. Его главной мотивацией был поиск истины. Именно поэтому он представлял подробные отчеты о своей деятельности в Морской ученый комитет и на страницах «Морского сборника», предлагая всем заинтересованным лицам ознакомиться с результатами и высказать свои замечания¹⁰. Другой целью доведения до широкой общественности материалов по работе над историей флота было выявление документов из малоизвестных и частных собраний.

Ярый критик в научной работе, Сергей Иванович был удивительно скромным человеком в жизни. Выделяя средства для работы по составлению истории флота, вел. кн. Константин Николаевич освободил Елагина от денежных отчетов и предложил ему самому назначить себе сумму вознаграждения. Елагин по личной инициативе ежегодно представлял подробный отчет о потраченных средствах, а размер своего вознаграждения оставил на усмотрение генерал-адмирала¹¹. В последующие годы, работая и проживая в Главном адмиралтействе, где ему была предоставлена квартира, он отказался от дополнительных комнат, а о неблагоприят-

ных жилищных условиях, таких как холод, протечки, незащищенность от постороннего проникновения в помещения, сообщал как об условиях, губительных для документов.

Занимаясь выявлением документальных материалов, С. И. Елагин уделял особое внимание состоянию архивов, в которых они хранились.

«Убеждение в необходимости хранения и порядочного содержания архивных документов прежнего времени, вошедшее издавна в число государственных принципов, не находило до нашей эпохи (принимая ее в смысле 30–40 последних годов) большого сочувствия не только в ближайших исполнителях, но даже в главных начальниках различных отраслей государственного управления. Сохраняя то, в чем настояла надобность для справок, исполнители, как видно из последствий, относились ко всему остальному с полным равнодушием, тогда как административные преобразования, следовавшие одни за другими, много способствовали бы приведению архивов в порядок и взаимному размену документов по их специальностям. После устройства Главного морского архива, последовавшего в начале второй четверти нынешнего столетия, до вступления в управление генерал-адмирала едва ли возбуждался вопрос о соответствии состояния архива его назначению. Старания генерал-адмирала о сосредоточении в Военно-морском архиве всего, составляющего его неотъемлемую принадлежность, остались без успеха, вследствие чего главный морской архив продолжает оставаться, говоря относительно, бедным документами исторического содержания»¹². Это побудило Елагина весной 1860 г. перенести занятия в другие архивы. 22 июня 1860 г. Сергей Иванович прибыл в Воронеж и приступил к осмотру архива старых дел, хранящемуся в Губернском статистическом комитете. «Подверженный одинаковой с другими участи в этом отношении, воронежский архив старых дел, подлежащих ни одной из современных отраслей государственной

администрации, должен был находиться в совершенном небрежении, что видно из остатка бумаг весьма скудного, сравнительно с тем, чтобы должно ожидать от края, кипевшего усиленною деятельностью в продолжении почти 16 лет. Это доказывается еще и тем, что в воронежском архиве найдены свитки, заключающие в себе оглавления или описи дел, весьма интересных, но самих дел не оказалось. Только с 1849 г. любознательность служивших там лиц, посвящавших свой досуг знакомству с историей края, открыла существование этих дел и начала приводить в порядок остатки, случайно сохранившиеся от невежественных рук и частых пожаров»¹³.

Оценка состояния архивов и хранящихся в них документов послужила главным поводом к наиболее полной публикации выявленных материалов в целях сохранения если не их самих, то информации, в них хранящейся.

Одной из важных проблем источниковедения является правильная интерпретация исторического источника. Как историограф С. И. Елагин не мог не обратить на это внимание. Освещая начальный период истории флота нужно было учитывать, что многие слова в морском деле были заимствованы из других языков и впоследствии адаптированы или потеряли свое значение как устаревшие. Для правильного понимания исторических документов необходимо было разрабатывать морскую терминологию. В своих заметках Елагин отмечал, что несмотря на то, что многие исследователи обращались к этому вопросу, больших результатов достигнуто не было. Необходимо публиковать все материалы листами по мере их накопления, т. к. эти сведения будут полезны не только для будущего морского словаря, но и для историка¹⁴.

Первоначальная программа по составлению истории флота подразумевала разбивку ее на несколько тем: история военных действий; ученые экспедиции, кругосветные плавания и хронологический прогресс гидрографических работ; история крушений, пожаров и прочее; история кораблестро-

ения и устройства морских войск; история морского законодательства и администрация; морская педагогика и литература; иностранные источники. При этом не подразумевалось назначать к разработке каждой темы отдельного работника, т. к. некоторые из тем могут разрабатываться между делом¹⁵.

Так, в процессе работы Елагиным была разработана тема истории флагов, отчет о которой был опубликован в «Морском сборнике»¹⁶.

В [1865] г. Сергей Иванович написал рецензию на рукописную «Историю Гвардейского экипажа», где раскритиковал выбор даты основания этого формирования и привел примеры из написанных историй Конногвардейского, лейб-гвардии Измайловского и других полков, которые начинают свою историю с даты официального учреждения, а петровское время освещают как свою предысторию. Он также составил перечень частных замечаний с комментариями, содержащими ссылки на архивные дела¹⁷.

Согласно принятому плану разработки истории флота, все отдельные, самостоятельные документы должны были быть напечатаны. Так появились «Материалы для истории русского флота» и их первая часть «История русского флота. Период Азовский». Разработка этого периода была крайне важна для С. И. Елагина, так как он считал, что «...этот эпизод, тесно связанный с дальнейшею судьбою нашего флота, интересен по подробностям создания этой важной отрасли государственного строя, и во многих случаях представляет несколько данных для характеристики как государства, так и народа того времени, поголовно принимавшего участие в сооружении флота...»¹⁸. Работа над этими материалами сильно затянулась, что не раз вызывало нарекания морской администрации. Сергей Иванович не позволял себе принять ни одного, даже мелкого события, без критического разбора и оценки материалов, на которых оно основывалось. Его добросовестность, отмеченная еще при жизни, была гаран-

тией достоверности представленных источников. В журнале Морского ученого комитета 12 марта 1864 г. отмечалось, что система труда Елагина признана лучшей, наиболее рациональной, способствующей достижению капитальных результатов и финансирование его работы совершенно оправданно¹⁹.

В 1864 г. «История русского флота. Период Азовский» была напечатана в трех книгах: собственно, историческое изложение и две части приложений, увековечивших исторические материалы, добытые с полусгнивших, едва разбираемых рукописей. Для наглядности публикуемые документы были разделены на отделы и систематизированы в хронологическом порядке.

Такая же система была принята и для разработки последующих периодов. Первые 4 части, увидевшие свет еще при жизни С. И. Елагина, охватывают историю Балтийского флота в 1702–1725 гг. «Материалы» содержат сведения о кораблестроении; плаваниях и боевых действиях кораблей; личном составе; деятельности административных учреждений; гидрографии; дипломатии; флагах и салютах; речном судоходстве и др. Отдельным томом в 1866 г. вышли «Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и морские журналы Н. А. Синявина и графа Апраксина». Извлечения, сделанные С. И. Елагиным с особой тщательностью, представлены в хронологическом порядке и содержат все сведения, касающиеся флота. А немногие сделанные к ним примечания «свидетельствуют об отчетливости труда»²⁰.

После смерти Сергея Ивановича Елагина работы по изданию «Материалов для истории русского флота» были продолжены Ф. Ф. Веселаго, в целом сохранившего характер изложения документов. Последние два тома XVI (1902 г.) и XVII (1904 г.) выходили под редакцией С. Ф. Огородникова и освещали историю флота периода царствования импера-

тора Павла I и первые годы царствования Александра I, относящиеся главным образом к деятельности морского министра П. В. Чичагова²¹.

Информационная неисчерпаемость характерна для всех исторических источников. Каждый из них может выступать единым объектом различных гуманитарных наук и создавать основу для междисциплинарных исследований. Тем значимей сегодня труды Сергея Ивановича Елагина, воспринимающиеся исследователями как первоисточники уже более полутора столетий.

Примечания

¹ *Каштанов С. М.* Важно то, что интересно: разговор с Сергеем Михайловичем Каштановым // Проблемы истории России. Исторический источник и исторический контекст. Вып. 10. Екатеринбург, 2013. С. 20–21. – URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/79592.../pir2013-02.pdf.

² *Русина Ю. А.* Методология источниковедения: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 35.

³ О С. И. Елагине см.: Капитан 1-го ранга Сергей Иванович Елагин. Некролог // Морской сборник. 1869. № 1. 9-я паг. С. 1–7; *Ливенцев Д. В.* Морской ученый комитет 1847–1891 гг. Воронеж, 2002; *Глазунова Л. В.* Роль С. И. Елагина в изданиях Морского министерства // Елагинские чтения. Вып. I. СПб., 2003. С. 5–9; *Герман В. А.* Научная деятельность С. И. Елагина по систематизации и публикации источников отечественной военно-морской истории // Елагинские чтения. Вып. XI. СПб., 2022. С. 164–172.

⁴ Следует оговориться, что распространена другая дата рождения С. И. Елагина – 8 октября 1824 г. Можно предположить, что она берет свое начало из сведений, приведенных в «Петербургском некрополе» В. И. Саитова (Т. 2. СПб., 1912. С. 122). В то же время в деле о поступлении С. И. Елагина в Морской корпус имеется метрическое свидетельство, в котором указано, что он родился 8 сентября, а крещен 15 сентября 1824 г. в Богоявленской церкви Кронштадта (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 3434. Л. 9).

⁵ С. И. Елагин был похоронен на Волковском православном кладбище (Петербургский некрополь. Т. 2. СПб., 1912. С. 122), могила его не сохранилась.

⁶ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 644. Л. 310–313 об.

⁷ Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 853. Л. 19–22 об.

⁸ Там же. Л. 29–43.

⁹ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 619. Л. 9–11 об.

¹⁰ См.: *Елагин С. И.* Отчет капитан-лейтенанта Елагина о поездке летом 1860 г. для осмотра архивов, и вообще о занятиях по истории флота // Морской сборник. 1861. № 1. Часть неоф. С. 200–210; *Елагин С. И.* Отчет капитан-лейтенанта Елагина о занятиях в иностранных архивах летом 1861 года // Морской сборник. 1862. № 1. Часть неоф. С. 227–237.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 619. Л. 16.

¹² Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2359. Л. 43–44 об.

¹³ *Елагин С.* Отчет капитан-лейтенанта Елагина о поездке летом 1860 г. С. 200–201.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 619. Л. 42 об. – 44 об.; Д. 799.

¹⁵ Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 853. Л. 2–2 об.

¹⁶ Там же. Д. 855; Ф. 22. Оп. 1. Д. 47; *Елагин С.* Наши флаги // Морской сборник. 1863. № 10. Часть неоф. С. 229–240.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 125.

¹⁸ История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. III.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2359. Л. 41–67 об.

²⁰ Морской сборник. 1868. № 2. Критика и библиогр. С. 38.

²¹ Морской сборник. 1868. № 2. Критика и библиогр. С. 37–38; Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 225–227.

Зотова О. А.

**Архив Морского министерства в здании
Главного Адмиралтейства: размещение документов
и условия их хранения в XIX – начале XX вв.**

В 2024 г. мы празднуем не только 300-летие со дня основания «адмиралтейской архивы» (ныне РГАВМФ), но и 320-летие закладки Главного Адмиралтейства. Неоднократно перестраивавшееся здание и наше учреждение на протяжении почти двух сотен лет были неразрывно связаны друг с другом. Главное Адмиралтейство было домом и основным местом хранения сокровищ документальной военно-морской истории России.

В статье речь пойдет об архиве во время перестройки Адмиралтейства А. Д. Захаровым в начале XIX в., возвращении документов, их размещении, условиях хранения, проблемах, с которыми сталкивались архивариусы вплоть до переезда в 1926 г. свой новый дом по адресу – улица Халтурина (ныне – Миллионная), дом № 36.

Адмиралтейство – национальный памятник архитектуры, украшающий центр Санкт-Петербурга, величайшее произведение монументального русского зодчества. Это сооружение изумляет своим размахом, величием, цельностью и согласованностью частей, необычайной красотой своего скульптурного убранства. Заложенное как верфь, вскоре превратившееся в крепость, практически сразу Главное Адмиралтейство стало домом для учреждений морского ведомства. Здесь уже в XVIII в. соседствовали канцелярии, общие

присутствия, мастерские, магазины, модель-камера, архив Адмиралтейств-коллегии и т.д. Вместе с тем здесь представлялись и жилые квартиры: соседями в этом большом «муравейнике» были морской министр, товарищ министра, адъютанты, начальник типографии, сторожа и швейцары собора, музея и пр., многочисленные разномастные паспортисты, писцы, курьеры, делопроизводители, младшие чиновники и т.д. Главное Адмиралтейство представляло собой живой организм, ни на секунду не замиравший.

На протяжении всего времени пребывания архива в стенах Главного Адмиралтейства условия для хранения документов были совершенно не подходящими. Об этом мы читаем в донесениях уже первых архивариусов¹. Постоянное состояние строительства/ремонта/достройки/перестройки адмиралтейских зданий шло рука об руку с периодическими реорганизациями морского ведомства, что приводило к быстрому увеличению объема документов, но к слишком медленному увеличению площадей архивохранилищ.

Ходатайства о предоставлении дополнительных помещений и ремонте уже имеющихся комнат продолжали поступать в Адмиралтейств-коллегию на протяжении всего XVIII в., но особых изменений не происходило. Ситуация могла улучшиться при воплощении замысла Андрея Дмитриевича Захарова, который приступил в 1806 г. к перестройке адмиралтейских зданий. Трудно представить себе всю сложность вставшей перед ним гигантской задачи. Нужно было тщательно распланировать сотни помещений громадного здания. К тому же сначала Адмиралтейств-коллегией было решено сделать только новые фасады с небольшими изменениями в расположении комнат, используя большую часть существующих каменных стен. «Таким образом, план и размеры оставались неизменными со времен основания, но Захаров, не смотря на стеснительные условия, гениально разрешил задачу, дав цельный мощный

фасад, широкий по размаху, эпически спокойный по ритму и столь характерный не только для своей эпохи (это один из лучших образцов русского ампира), но так неотъемлемо принадлежащий именно Санкт-Петербургу, ибо он смог в классической архитектуре сохранить зданию характер, формы и даже целые части барокко Петровского времени, причем еще он это сделал не в подражание, а потому что сумел включить в свой фасад старую деревянную башню с золотым шпиром, как бы одев ее новыми более высокими стенами и колоннадой, под которыми прежние части старой башни сохранились доныне»².

Предполагали, что все работы будут проводиться планомерно в пять этапов и завершатся к 1809 г., т. е. через три года³. На это время архиву предстояло переехать, заняв несколько помещений в разных зданиях, и даже в разных частях города⁴.

Сначала освободили три магазина верхнего этажа Главного Адмиралтейства⁵, документы из которого в 1805 г. были перевезены в предоставленные в распоряжение архива шесть комнат второго этажа в доме на Васильевском острове. Ранее здесь размещались временные департаменты Правительствующего Сената. Первый этаж этого здания был отведен Педагогическому институту. Речь идет о так называемом доме архитектора Х. Г. Паульсена (6-я линия Васильевского острова, д. 15).

Основная часть коллежского архива продолжала оставаться в Адмиралтействе до тех пор, пока в мае Экспедиция санкт-петербургских адмиралтейских строений обратилась с прошением о скорейшем освобождении занимаемых помещений⁶. 16 июля 1807 г. Исполнительная экспедиция рапортовала Адмиралтейств-коллегии о том, что надворный советник Иван Давыдов и архивариус коллежский ассессор Николай Васильев для размещения Адмиралтейского архива выбрали дом действительной статской советницы Авдотьи (Евдокии)

Ивановны Молчановой, находившийся в 1-й Адмиралтейской части («дом Молчанова № 71»).

А. И. Молчанова (1786–1823) – дочь генерал-майора, действительного тайного советника, сенатора Ивана Ивановича Кушелева (1751–1817) и Елизаветы Дмитриевны, урожденной Ланской (1764–1822), – получила указанный дом в приданое от матери. Переговоры об аренде помещений проводились с ее супругом – действительным статским советником Петром Степановичем Молчановым. За 1500 рублей в год он готов был предоставить верхний этаж, т. е. 11 покоев⁷. Контракт был подписан 1 октября 1807 г.⁸ и ежегодно продлевался до 1811 г. Сначала архив занимал весь третий этаж, но в 1808 г. по просьбе П. С. Молчанова часть документов была перенесена в комнаты на втором этаже. Всего было занято 10 покоев, из которых восемь выходили на Дворцовую площадь и еще два – на Малую Миллионную улицу (так тогда назывался участок будущей Большой Морской улицы от Дворцовой площади до Невского проспекта)⁹.

В 1810 г. так сложились обстоятельства, что речь зашла о собирании архива Адмиралтейств-коллегии вновь в одном месте – под крышей Главного Адмиралтейства. 29 сентября 1810 г. министр просвещения граф А. К. Разумовский обратился к морскому министру маркизу И. И. де Траверсе: «Милостивый Государь мой, Иван Иванович! Вскоре по вступлении моем в звание министра просвещения (апрель 1810 г. – *О.З.*), ваше высокопревосходительство, в следствие моего личного с вами объяснения, изволили обещать вывести Адмиралтейский архив из настоящего его помещения, в связи Педагогического института, признав причины к тому мною представленные уважительными. Но как донныне не сделано еще по сему предмету никакого распоряжения, то я возобновляю покорную о сем просьбу мою, к коей побуждаю тем более, что его величеству (императору Александру I. – *О.З.*) благоугодно, дабы заведение сие осталось на-

всегда и приведено было бы в возможно лучшее состояние, соответственно цели оно; чему весьма много препятствует архив как потому, что помещается в покоях, необходимо нужных для института по своему положению и по малому числу ныне институтом занимаемых, так и по тому, что служители при архиве находящиеся с семействами своими молодым людям, воспитывающимся в институте, дают повод к соблазну»¹⁰.

С 1805 г. увеличилось количество воспитанников Педагогического института. От руководства института стали поступать жалобы об «умножении числа больных воспитанников», причину чего видели в «испорченности воздуха, происходящей от чрезмерного их стеснения в комнатах»¹¹. Результатом стало приведенное выше обращение графа А. К. Разумовского к маркизу И. И. де Траверсе.

До завершения перестройки Главного Адмиралтейства – 1820 г.¹² – еще было далеко, но с переездом необходимо было торопиться. В ноябре 1810 г. эзекутор Брант докладывал Адмиралтейств-коллегии об отсутствии подходящих для архива помещений. Все было на стадии достройки (не было внутренней отделки, полов, потолков и окон). Решение отложили до следующего года¹³.

Помимо необходимости освободить здание на Васильевском острове, потребовалось вывезти документы и из дома Молчановой. 27 апреля 1811 г. маркиз И. И. де Траверсе сообщил Адмиралтейств-коллегии, что дом Молчановой куплен казной и передан в военное ведомство для размещения канцелярий Генерального штаба, чиновников по важнейшим поручениям, чертежной, инструментальной мастерской и пр. В результате чего требуется «скорейшее изготовление в Главном Адмиралтействе покоев для означенного архива»¹⁴. Вскоре из Министерства просвещения напомнили о своей прошлой годней просьбе. В результате отсутствие помещений, достаточных и полностью подготовленных для хранения документов,

уже не являлось серьезной причиной, способной помешать возвращению архива в Главное Адмиралтейство. Переезд должен был состояться в скорейшие сроки. Было приказано «назначить в Новом Адмиралтейском здании хотя и не отделанные, но способные для хранения дел» помещения¹⁵.

На такую поспешность из Экспедиции Санкт-Петербургских адмиралтейских строений ответили, что в Главном Адмиралтействе свободные покои, которые можно было бы отдать для размещения архива – в восточном крыле на втором и третьем этажах (в документах мы встречаем чаще всего формулировку – средний и верхний этажи), – будут готовы к приему документов лишь к сентябрю 1811 г. Дело в том, что они еще не были отделаны внутри: «не имеют сводов, полов и стукатурки, печей и столярной работы со всем прибором»¹⁶.

Выход нашли и из этой непростой ситуации. Решили, что архив из Педагогического института (очевидно, что Министерство просвещения «давило» сильнее или с ними не было особых договоренностей, как с военными) переедет в два зала, предназначенных для «музеума и ученого собрания»¹⁷. В этом же документе сразу отметили, что «на время можно класть дела и на пол кипами». В начале июля 1811 г. из Экспедиции Санкт-Петербургских адмиралтейских строений сообщили, что в Адмиралтействе готовы помещения для «временного архива»¹⁸. 15 июля документы были вывезены из дома Молчановой¹⁹, 25 июля – из здания Педагогического института²⁰. Вывозили без шкафов, сразу в Главное Адмиралтейство, как и было указано – складывали прямо на пол кипами. Всю мебель доставляли позже.

В 1810 г. торопились не только с возвращением архива Адмиралтейств-коллегии. А. Д. Захаров жаловался, что его стали донимать чиновники морского ведомства запросами об окончании отделки помещений, т. к. трехгодовые контракты на съем частных домов подходили к концу. Несмотря

на заявление А. Д. Захарова о том, что крыло для Адмиралтейств-коллегии будет готово не раньше, чем через три года, 25 мая 1810 г. было велено «отпереть вход в Адмиралтейство со стороны дворца [как] для пеших, для переноски вещей, так и для ежедневного хождения на службу чиновников»²¹. Долгое время им приходилось перебираться через горы мусора по временным мосткам²².

В 1813 г. архив посетил член Адмиралтейств-коллегии вице-адмирал Г. А. Сарычев, обративший внимание на неподобающее хранение документов, о чем он сообщил на заседании Коллегии²³. Повышенная влажность в комнатах привела к тому, что дела сильно отсырели. Архивариусу Н. А. Васильеву приказали просушить документы и готовиться к очередному переезду, который растянулся до 1817 г. Для архива выделили все комнаты второго этажа в правом (восточном) крыле между средним большим выступом и выходящим на Неву павильоном, а также в павильоне три верхние комнаты и две комнаты во втором этаже, по обеим сторонам арки. Подготовка новых помещений растянулась на несколько лет²⁴. Архив Адмиралтейств-коллегии перемещался в них по степени готовности. Дольше всех оборудовали комнаты над аркой павильона, где работы продолжались до 1817 г.²⁵

Из переписки генерал-интендант флота В. М. Головнина и начальника Морского штаба А. В. фон Моллера за 1824–1825 гг. мы узнаем, что в Главном Адмиралтействе оставались помещения, которые «от самого первоначального построения не были никогда исправляемы и находятся в самом ветхом положении». Речь идет о внутренней части восточного павильона. Между двумя корпусами тогда еще проходил ныне засыпанный канал, который и разделял павильоны на фасадную часть, выходящую на Зимний дворец и Сенат, и внутреннюю часть, выходящую на верфь.

Часть архивных дел размещалась в упоминаемом небезопасном ветхом строении внутри Главного Адмиралтейства,

о чем и сообщил 30 апреля 1824 г. В. М. Головнин А. В. фон Моллеру: «В части прежнего каменного построения, соединяющейся с мастерскими внутри главного Адмиралтейства <...>, в коей в верхнем этаже <...> находятся дела архива, осмотром моим найдено: что верхний в ней потолок в совершенной состоит ветхости, и наружные ее стены во многих местах имеются треснувши так что дела хранить в сем месте ходящим за оными угрожает большим опасением. Сия необходимость заставляет дела те переместить в покой, подле оного находящийся, в котором устроены в двух этажах каменные своды, для хранения дел самой безопасной, с перенесением в оной из тех ныне занимаемых полок с их устройством»²⁶.

В предложенные В. М. Головниным покои смогли переместить лишь часть дел. Год спустя история с переездом архива продолжилась. Архивариус Н. А. Васильев просил об отводе еще трех комнат «как для оставшихся за неумещением, равно и вновь поступаемых из разных мест в архив дел». Поручили архитектору А. Я. Фарафонтьеву вместе с Н. А. Васильевым подыскать нужные помещения. А. Я. Фарафонтьев доложил, что нашел два помещения в фасадной части Главного Адмиралтейства «между малою лестницей, ведущей в залу библиотеки, и парадною лестницей», но Н. Васильеву больше приглянулись три пустых покоя во внутренней части восточного павильона Адмиралтейства, находящиеся над блоковой мастерской, которые ранее были заняты корабельными плотниками. Проблема заключалась в том, что в комнатах, выбранных архивариусом, шкафы можно было устроить только по стенам. Эти помещения были настолько велики, что в них нельзя было закрепить шкафы посередине, так как существовала опасность прогиба балок. Очевидно, что архивариуса в первую очередь интересовала площадь помещений. Если ранее он располагал лишь небольшими покоем, то мы можем представить его реакцию,

когда он увидел три больших комнаты. За годы кочевания и постоянных переездов архив первоначально требовалось место для разбора, а уже потом для упорядочивания по полкам²⁷. Возможно, что Н. А. Васильев уже и не надеялся на устройство шкафов и предполагал, что потом разберется с необходимостью размещения дел не только вдоль стен.

Строительное отделение Исполнительной экспедиции решило иначе. Выбранные архивариусом покои нашли неподходящими. Во-первых, потому что они находились между мастерскими, где мог применяться огонь. Во-вторых, потому что «по пространству своему могут быть нужны под другое нужнейшее занятие». На том и порешили, под архив выделили два помещения между лестницами²⁸.

В 1827 г. Адмиралтейств-коллегия была упразднена и ее архив перешел в ведение Морского министерства.

Изучая документальные материалы, мы видим, что архив находился в постоянном состоянии движения, что не могло благоприятно сказаться на его функции как учреждения, призванного обеспечить не только хранение документов. Теснота и состояние имеющихся помещений приводили к постоянному уплотнению. Это приводило к уничтожению дел, чаще всего из-за грызунов, сырости и т.д.

В дальнейшие десятилетия архив ненамного увеличил свою площадь. Опасными соседями долгие-долгие годы были блоковая, машинная и брандспойтовая мастерские, размещавшиеся на нижнем этаже. На втором этаже большая часть помещений этой части Адмиралтейства была отдана под Гидрографическое депо и типографию.

Во всех комнатах, где хранились дела, были устроены деревянные стеллажи. С закрываемыми шкафами было сложнее. Многие из них, которыми удалось снабдить архив в XVIII в., еще до перестройки Адмиралтейства А. Д. Захаровым, были утрачены при переездах. В результате все стеллажи и шкафы были устроены совершенно разнообраз-

но, применительно к занимаемым архивом помещениям²⁹. В воспоминаниях М. Н. Варфоломеева, который работал в архиве Морского министерства с 1897 г., мы читаем следующие интересные подробности: «Все хранилища архива во всех трех этажах были оборудованы исключительно деревянными шкафами или стеллажами, как их еще иначе называют, стояли шкафы поперечно и постеночно. Высота их была разная, приблизительно от одной до трех сажень (от двух до шести метров). Обслуживались они разного рода лестницами, из которых большие поражали своей неудобностью, ввиду чего и служащие избегали пользоваться ими, иногда даже в прямой ущерб сохранности папок, которыми прикрывались дела, так как карабкались прямо по папкам, избегая тяжелых лестниц, так было “удобнее и скорее”, тем более что и сильный холод заставлял торопиться»³⁰.

Подведем промежуточный итог и обозначим, что основные помещения архива (к концу XIX в. в документах часто попадает термин «Главный Архив») находились в восточном крыле, ближайшем к Зимнему дворцу, в той его части (павильоне), которая выходит на Неву. Над аркой на уровне третьего этажа находится круглый зал, а выше – купол, сейчас увенчанный трехцветным российским флагом. В этом зале, имевшем лишь несколько окон в нишах со стороны двора и лишенном отопления, хранились те документы архива, которые не требовали для справок каждодневного обращения архивистов – практически все дошедшие до нас материалы по XVIII в. Среди документов РГАВМФ удалось найти схему расстановки стеллажей в круглом зале. К западу от этого зала, на углу павильона, комнаты второго и третьего этажей принадлежали архиву.

Необходимо упомянуть еще об одном помещении Главного Адмиралтейства, где хранились документы Архива Морского министерства, а именно о зале Адмиралтейств-совета, который до событий 1917 г. находился во втором этаже

здания Адмиралтейства, на том углу, что находится ближе всего к Дворцовой площади. Здесь с давних времен хранилось небольшое количество подлинных рукописей императора Петра Великого. Еще в 1852 г. будущий историк флота Ф. Ф. Веселаго в первой своей книге писал: «В зале Адмиралтейств-совета до сих пор хранятся книги, драгоценные для каждого Русского моряка. Они составлены из листов, на которых наш Великий кораблестроитель, посещая Адмиралтейство, писал свои беглые замечания, приказания, набрасывал пояснительный чертеж для обделки корабельного члена и т. п. В этих книгах, с этими мелочами, до последней степени техническими, осязательно выступает гениальный Петр Михайлов, со своим глубоким, всеобъемлющим знанием и нечеловеческим трудолюбием»³¹.

Во второй половине XIX в. происходят изменения. 22 октября 1857 г. великий князь Константин Николаевич писал вновь назначенному начальнику архива статскому советнику Р. И. Кочетову: «По случаю назначения Вас на настоящее место Ваше нахожу нужным объяснить, что Я вовсе не считаю оное инвалидной должностью, на которой можно ничего не делать, а только посматривать на груды старых дел. – Я почитаю Архив Морского министерства весьма богатым источником сведений, полезных как собственно для флота, так и для разных учреждений морского ведомства, и притом источником, который начальник архива с помощниками должен непрестанно разрабатывать и доставлять из него разными местам и лицам морского ведомства полезные сведения не дожидаясь, чтоб они требовали справок из дел, которые независимо того следует доставлять со всевозможною поспешностью»³². Эта цитата показывает, как великий князь был заинтересован в работе архива, который на тот момент был структурным подразделением Инспекторского департамента. Но в 1860 г. был подчинен непосредственно управляющему Морским министерством.

Архив получил помещения во внутреннем двухэтажном корпусе, шедшем от павильона вдоль канала вглубь территории Адмиралтейства. На первом этаже этого корпуса заняли сразу несколько комнат, в одной из них находилась канцелярия архива, имевшая вход с канала, а на втором – еще три небольших комнаты, обращенные на канал. В башне Адмиралтейства, под шпилем (или, говоря словами тех лет, «под спицем»), одну комнату занимал архив Строительного департамента, документы которого в 1860 г. были переданы Архиву Морского министерства³³, помещение было также «закреплено» за ним. Отдельно – в бывшей кузнице Главного Адмиралтейства – размещались документы упраздненного в 1862 г. Архангельского порта. «Разбросанность» документов уже через два года опишут следующим образом: «такое отдельное хранение этих дел вдали от архива крайне неудобно, ибо нет никакой возможности иметь за ними ежедневный ближайший надзор, и доставание дел из этих отдельных хранилищ для часто требующихся справок, особенно по делам Архангельского порта, для архива весьма затруднительно»³⁴.

В дальнейшем рассредоточение документов Архива Морского министерства будет продолжаться и выходить за границы Адмиралтейства. Вопрос об объединении документов в одном месте будет подниматься не одним руководителем архива, но никому не удастся его решить. Забегая далеко вперед, напомним, что и сейчас РГАВМФ размещается на двух площадках (Миллионная ул., д. 36 и Серебристый бульвар, д. 24, к. 1).

Несмотря на увеличение занимаемых архивом площадей, Р. И. Кочетов столкнулся, как и все до него, с нехваткой места для документов, поступающих в связи с очередной административной реформой. Не остановившись только на подаче ходатайств, он претворил в жизнь следующий план. Ранее архивные документы хранились в связках – стопках дел, перевязанных веревками и имевших этикетки с надписями о

содержимом. Для того чтобы извлечь нужное дело, связки снимались с полок на пол, а потому не могли быть слишком тяжелыми и толстыми. Кочетов отказался от связок, перейдя на складывание дел в стопки, заполнявшие все пространство по высоте полок. Каждая такая стопка для защиты от пыли прикрывалась трехсторонним картонным коробом «с личной надписью»³⁵. Такой способ хранения дел частично сохранялся и в начале XX в.³⁶

Инициатива Р. И. Кочетова позволила высвободить значительное место, но вызвала существенный перерасход средств на заготовку «картонов»: так как заказы оплачивались из сумм, вырученных за продажу дел временных сроков хранения, а работа по перекладке документов затормозила списание и продажу, выручить от покупателей макулатуры нужной суммы не удалось. В итоге на декабрь 1862 г. архив оказался должен Казначейству 5628 руб. 70 коп.³⁷ В феврале 1863 г. для ревизии дел архива назначили особую комиссию под председательством юрисконсульта министерства, действительного статского советника К. С. Варранда³⁸.

Из документов комиссии К. С. Варранда мы знаем, что в ближайших к канцелярии архива комнатах, находившихся на первом этаже внутреннего корпуса, располагались наиболее часто используемые для справок материалы: «дела собственно министерства с 1827 года, шканечные журналы и формулярные списки»³⁹. Отапливались только эти помещения, так как в других, хотя круглые голландские печи в них и имелись, люди бывали не каждый день, а топить печи без присмотра было рискованно; да к тому же «средства архива не позволяют держать столько прислуги, сколько нужно для того, чтобы, кроме других работ, ежедневно напилить и носить дров на 20 печей в три этажа и иметь надзор, чтобы при топке вылетающие их печей от трескающихся еловых дров угли не попали между бумага»⁴⁰. Беспоконным соседом архива, от которого много лет не удавалось избавиться, явля-

лась мастерская мореходных инструментов, располагавшая кузницей и большими запасами сухого дерева. В 1890 г. для нее было построено отдельное здание, но окончательно она была переведена в другое место лишь к 1909 г.

В заключении комиссии К. С. Варранда читаем: «Вообще помещение архива нельзя назвать удобным. Разбросанность комнат в трех этажах много затрудняет все работы. Высота круглого зала и двух комнат в среднем этаже, поставляя в необходимость для доставления дел передвигать тяжелые лестницы на колесах, прибавляет еще затруднение. Недостаток света в задней части зала и в куполе его, а равно во всех комнатах, обращенных на канал, где свет поглощается противостоящею темною стеною главного здания Адмиралтейства, лишает в пасмурные зимние дни возможности без фонаря даже отыскивать дела. В канцелярии архива в конце ноября и в начале декабря месяцев лампы, по отзыву начальника архива, зажигаются с утра»⁴¹. Конечно, эта констатация ничего не изменила, ситуация с освещением оставалась прежней до появления в Адмиралтействе электричества.

В ноябре 1863 г., после кончины Р. И. Кочетова, архив возглавил действительный статский советник Василий Григорьевич Чубинский. За его долгую работу в архиве – почти 30 лет – сменились пять управляющих Морским министерством: Н. К. Краббе, С. С. Лесовский, А. А. Пещуров, И. А. Шестаков, Н. М. Чихачёв.

В. Г. Чубинский столкнулся с теми же проблемами, что и его предшественники. Сохранившиеся его ежегодные отчеты дают нам интересный материал для изучения жизни архива в конце XIX в. Мы видим то, как радел руководитель архива за сохранность документов, удобство работы с ними и за «благообразный вид всего архива»!

В своем первом отчете за 1863 г., описывая состояние помещений, В. Г. Чубинский немногословен. Он ссылается на выводы вышеупомянутой комиссии К. С. Варранда и на то,

что Строительному управлению приказано принять меры к устранению этих неудобств, но пока ничего не сделано и денег для ремонта в 1864 г. не выделено⁴².

С каждым годом руководитель архива становится все более настойчивым. В своих отчетах он упоминает устные и письменные прошения, с которыми обращался по инстанциям. И постепенно происходят некоторые улучшения. В 1865 г. на первом этаже обновляют шесть печей и ремонтируют полы⁴³. Вопрос объединения архива в одном месте вновь поднимали и решили, что т. к. ожидается очередное преобразование министерства, то необходимо подождать. Всем было очевидно, что грядущие изменения приведут к многочисленным перемещениям в Главном Адмиралтействе⁴⁴.

Уже за первые три года на посту начальника архива В. Г. Чубинский понял, что для улучшения положения дел необходимо самостоятельно принимать меры, не ждать исполнения Строительным управлением предписаний Морского министерства. Читая документы, мы понимаем, что не всегда это было гуманно по отношению к самим архивистам. Например, в 1866 г. на устройство трех шкафов были потрачены 140 рублей из сумм архива, «которые должны были идти в раздел чиновникам», хотя Строительному управлению были специально на это выделены средства⁴⁵.

К 1867 г., в ожидании значительной части дел из подлежащих упразднению учреждений, В. Г. Чубинский смог договориться с директором Комиссариатского департамента о том, чтобы тот на время «поделился» с архивом обширным помещением на втором этаже над типографией, которая ранее принадлежала архиву⁴⁶. Также решили, что целесообразно переместить дела Строительного департамента из-под шпиля Адмиралтейской башни в Главный Архив, а вместо них разместить счетные дела и шнуровые книги Комиссариатского департамента. В результате начальник архива впервые за все время его существования отрапортовал о том, что

«все это передвижение дел повело к тому, что для всех учреждений Морского министерства, как существующих, так и закрытых с 1 сего января [1867 г.], в Главном Архиве образовался достаточный запас места, так что не будет затруднения к размещению в нем всех дел, которые будут сдаваемы ныне из всех упраздняемых частей»⁴⁷!

За тридцать лет своей работы В. Г. Чубинский так и не смог добиться объединения всех помещений в единый Главный Архив, ему удалось только несколько расширить его. В 1888 г., в связи с ремонтом потолка морской типографии, все дела из комнаты над ней были перенесены в круглый зал западного павильона Главного Адмиралтейства⁴⁸. Таким образом, в конце 1880-х – начале 1890-х годов Архив Морского министерства некоторое время занимал в Главном Адмиралтействе, помимо прочих помещений, три «ключевые точки», обращающие на себя внимание тех, кто любит здание со стороны, – два круглых зала западного и восточного павильонов, выходящих на Неву, и комнату под шпилем Адмиралтейства. Для проживания и работы эти не отапливаемые и почти не освещенные помещения были совершенно не подходящими, но по логике того времени вполне подходили для размещения документов.

В 1871 г. В. Г. Чубинский впервые описывает неудобство размещения канцелярии, которая была единственной рабочей комнатой, и связанные с этим проблемы: «...о чем до сего времени я не заявлял, находя необходимым прежде всего привести в надлежащее устройство собственно помещение архива. Для канцелярии отведена в нижнем этаже одна только комната, в которой живут и сторожа за невысокой досчатой перегородкой. Вход в эту комнату устроен прямо так сказать с улицы, с канала, без сеней, с одним досчатым тамбуром, никогда не затворяющимся. С другой стороны этой комнаты находится вход в самый архив, так что поминутно являющиеся за делами и справками писаря и сторожа прохо-

дят через канцелярию и производят нестерпимый сквозной ветер. При архиве не имеется того отдельного приспособления, без которого не может обойтись никакое жилье. Неудобства эти могли бы быть легко устранены присоединением к Архиву двух небольших комнат, занятых ныне от инструментальной мастерской кузницей, которая весьма некстати помещена рядом с архивом. В означенных двух комнатах с удобством могли бы поместиться: в одной сторожа, а в другой канцелярия, а ныне занимаемая канцелярией комната могла бы быть обращена под помещение дел»⁴⁹.

Положительного решения по этому вопросу В. Г. Чубинский добьется лишь за два года до ухода со службы, т. е. еще через двадцать лет. Будут даны несколько помещений, за счет чего увеличится количество хранилищ, расширится канцелярия, а также в одной из комнат (точнее в третьей ее части) сделают отдельный кабинет начальника, но возникнут сложности с ремонтом (поклейка обоев, замена полов)⁵⁰.

Ранее мы уже упоминали об опасных соседях архива – кузницах и различных мастерских. В 1886–1887 гг. к ним присоединился Панаевский театр, построенный рядом с восточным павильоном Главного Адмиралтейства, с внутренней стороны (Адмиралтейская набережная, д. 4). Он открылся в 1888 г. По ходатайству В. Г. Чубинского «для большей безопасности архива от пожара со стороны театра в 1888 г. были устроены в окнах нижнего этажа внутренние железные ставни из листового железа, а в 1889 г. такие же ставни были сделаны в окнах 2-го и 3-го этажей со стороны, обращенной к театру». Панаевский театр сгорел в 1917 г. В. Г. Чубинского уже не было в живых, но материалы Архива Морского министерства еще находились в восточном крыле Адмиралтейства и не пострадали.

С уходом в отставку В. Г. Чубинского ситуация в архиве стала быстро меняться к худшему. В преемники ему в октябре 1892 г. назначили статского советника А. А. Ратькова-Рожнова, который констатировал тот факт, что почти все

помещения переполнены делами, и согласился на перевоз части дел в Новую Голландию. Архивисты выбрали здесь помещение провиантского склада, часть которого уже была временно занята архивом Государственного контроля⁵¹. Переезд состоялся в 1895 г. Новый временный дом обрели дела Кораблестроительного и Комиссариатского департаментов и Артиллерийского управления⁵².

27 мая 1900 г. в Новой Голландии произошел пожар. Помещение архива не выгорело, но часть дел пострадала при тушении. Естественно, командование Санкт-Петербургского порта, которому понадобились помещения для хранения спасенного от огня имущества, тут же поставило вопрос о выселении документов из здания – и результат был очевиден⁵³. Они оказались в сарае на территории Новой Голландии и были практически брошены на десяток лет, лишь в 1910 г. изрядно пострадавшие дела вернули в Главное Адмиралтейство.

Почему же состояние архива при А. А. Ратькове-Рожнове сильно ухудшилось? В первую очередь это связано с тем, что архив не контролировался каким-либо учреждением, его начальник подчинялся непосредственно управляющему Морским министерством. До архива ли было адмиралам в пору ускоренного роста флота в канун Русско-японской войны?⁵⁴

Правда, нужно отдать должное: кое-что делалось. В 1903 г. над внутренним флигелем восточного крыла Адмиралтейства был надстроен третий этаж, предназначенный именно для архива. Однако, на время работ документы, которые хранились в помещениях первого и второго этажа того же флигеля, пришлось переместить в помещение манежа Главного Адмиралтейства⁵⁵.

М. Н. Варфоломеев в 1922 г. писал о деятельности А. А. Ратькова-Рожнова в этот период: «Я не буду касаться его архивной деятельности подробно, упомяну только, для обрисовки его, об одном случае.

В 1903 г., в связи с внутренней перестройкой помещения архива (устройство бетонных полов, железных шкафов и пр.), необходимо было часть дел архива временно перенести в помещение так называемого манежа (тоже в здании Главного Адмиралтейства), и вот начальник архива Ратьков-Рожнов, дабы обратить внимание начальства на свою ревностную службу, предлагает служащим архива являться на занятия к 7 часам утра, но дело не в этом, а в том, что выносимые из прежнего помещения архива дела беспрекословно требуют устанавливать на новые места по числу, месяцу и году, совершенно не считаясь с принадлежностью дел к тому или иному учреждению. Все протесты и доводы остались без последствий. Вообразите, что здесь творилось. Все служащие, вплоть до помощника начальника, разошлись, попрятались кто куда. В манеже на полу ряды папок с делами, и по ним ходит начальник со случайно пойманным служащим архива, которого он держит за рукав, и оба отыскивают требуемое дело, причем, если случайно дело и найдется, начальник вытаскивает из кармана новую расписку на требуемое дело, и поиски вновь продолжаются. В конце концов, дела перепутались до того, что ни одного дела найти уже не могли, тогда назначили новую комиссию для приведения архива в порядок (в 1904 г.), и что же, начальник был уволен с производством в тайные советники и с полной пенсией»⁵⁶.

В январе 1904 г. новым начальником архива был назначен действительный статский советник А. Ф. Ланге. Он, осмотрев архив после своего назначения, очевидно, был неприятно поражен картиной хаоса, в котором находились архивные документы по возвращении из манежа в отремонтированные помещения – судя по всему, именно полное смешение дел при перемещении стало причиной снятия с должности А. А. Ратькова-Рожнова. Уже 26 января 1904 г. А. Ф. Ланге написал и. д. начальника Главного морского штаба, что «затрудняется принять архив на свою ответственность без

официального удостоверения его настоящего положения» и просит назначить особую комиссию для освидетельствования архива⁵⁷.

В начале февраля такая комиссия была назначена: возглавил ее контр-адмирал Н. С. Королев, в состав вошли капитан 2 ранга И. А. Миклашевский, младший производитель строительных работ Санкт-Петербургского порта инженер-капитан А. Д. Лебедев, надворный советник М. В. Сперанский и сам А. Ф. Ланге. Многие вызывало недоумение у ее членов в ходе знакомства с архивом, начиная с отсутствия достоверного реестра учреждений, документы которых хранятся в архиве. По мнению комиссии, успешно осуществлявшееся до начала ремонта и перемещения материалов нахождение требуемых для справок дел было залогом исключительно опытности сотрудников – пришедшие же «со стороны» люди не смогут отыскать ничего. Удивление вызвал почти что лишенный освещения круглый зал, пол которого между стеллажами был завален предназначенными к продаже делами с истекшими сроками хранения⁵⁸.

Комиссия, заседавшая несколько дней, долго не могла решить, что именно порекомендовать начальству относительно приведения в порядок дел, перемещавшихся в манеж и при возвращении сваленных в беспорядке (а число их достигало 130 тысяч!). Штат архива состоял из начальника, делопроизводителя и младшего чиновника, которым помогали четыре писаря. На них лежало ведение делопроизводственной переписки архива (включая составление справок и изготовление копий документов), а также огромная выдача дел по требованиям учреждений, их когда-то сдавшим (в год – до 10 тысяч дел!). И это помимо текущего приема новых дел.

Не будем подробно останавливаться на рекомендациях комиссии Н. С. Королева⁵⁹. Обратим внимание на то, что отдельно она советовала вместо открытых полок завести для хранения документов закрытые шкафы⁶⁰. Концепцию таких

шкафов разработал делопроизводитель Архива Морского министерства Ф. А. Ниневе. Он предложил монтировать шкафы целыми большими корпусами, понимая под корпусом конструкцию, имеющую с двух сторон 36 дверей. «Сообразно с помещением Морского архива, каждый корпус шкафов имеет 2 сажени высоты и 17 футов 4 дюйма длины, делится на 4 шкафа, каждый шкаф – на 9 отделений, а каждое отделение – на 8 клеток, или гнезд. Всего же в одном корпусе 4 шкафа, 36 отделений и 288 клеток». По наброскам Ниневе Адмиралтейские Ижорские заводы разработали проект и изготовили один опытный корпус.

При этом архив в 1909 г. получил помещения своих многолетних беспокойных соседей – мастерской мореходных инструментов в первом этаже восточного надворного флигеля. После соответствующего ремонта туда перенесли изготовленный на Адмиралтейских Ижорских заводах первый «супершкаф», там же монтировали новые шкафы по мере их изготовления. В конце 1909 г. часть дел архива перенесли в эти новые шкафы. При этом, в отличие от более ранних переездов, архив своей работы не прекращал.

На смену А. Ф. Ланге вскоре был назначен В. Н. Сипягин – «хороший чиновник, но и только»⁶¹. В 1909 г. настоящую «борьбу за архив» начала Историческое отделение Морского Генерального штаба (МГШ). Сотрудники отделения под руководством Е. Н. Квашнина-Самарина выполняли различные запросы офицеров штаба, в то же время активно собирали документы по действиям флота в Русско-японскую войну (1904–1905 гг.), составляли семитомное описание боевых действий и многотомный сборник документов по событиям 1904–1905 гг., писали статьи и книги. При поддержке начальника МГШ они постарались доказать морскому начальству, что архив должен быть хорошо организованным и при этом научным учреждением. Назначение А. И. Лебедева стало для архива исключительной удачей.

Осмотрев доставшиеся помещения, А. И. Лебедев сел за составление доклада начальника МГШ морскому министру. В этом документе, подписанном вице-адмиралом А. А. Ливеном 11 октября 1912 г., ставился целый ряд важнейших вопросов: об отведении для хранения документов всех трех этажей флигеля, в котором архив в то время занимал первый этаж (для этого требовалось перевести одно из отделений ГМШ и Канцелярию министерства в помещения Главного гидрографического управления, готовящегося к переезду в новое здание на Охте), ремонте флигеля, а в перспективе – рассмотрении вопроса строительства нового здания «согласно всех предъявляемых к архивному зданию требований»⁶².

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., сперва не оказала большого влияния на деятельность архива. Только два года спустя – весной 1916 г. – в связи с ростом в условиях военного времени управленческих структур встал вопрос об освобождении архивом части помещений в Главном Адмиралтействе. Подходящее здание нашлось в Новой Голландии, где рядом со зданием бывшей Военно-исправительной тюрьмы находился достаточно новый двухэтажный кирпичный дом, в котором располагались прачечные, бани, такелажная и столярная мастерские, – его в 1916 г. и выделили для архива. Сперва, однако, предстоял ремонт и основательная перепланировка. Помещения мастерских, занимавшие половину здания, были переоборудованы под архивохранилища, а цейхгауз, бани и прачечные – под рабочие комнаты и квартиры для архивистов. Приказ об организации переезда части архива в Новую Голландию был подписан морским министром 6 июня 1916 г. Он предусматривал перемещение документов коллежского и департаментского периодов (до 1885 г.), а также временное прекращение приема дел от учреждений и исторических занятий исследователей⁶³.

Переломный момент для страны – 1917 год – и последующая Гражданская война внесли серьезные изменения в деятельность архива и жизнь его сотрудников.

27 февраля 1917 г. Адмиралтейство было занято вооруженными войсками под командой генерал-лейтенанта С. С. Хабалова и полицией. В это время в Архиве Морского министерства находились только сторож Ф. Т. Мельников и его супруга – Евдокия Ивановна. Именно они и «проявили полное самообладание и ясное понимание долга службы перед Родиной, отказавшись в отсутствие и без разрешения <...> начальника, открывать архив как в первый момент появления полиции, так и на другой день занявшим Адмиралтейство караулам войск вооруженного народа, предотвратив этим возможность возникновения при перестрелке пожара и уничтожения всего архивно-исторического материала, хранящегося в Архиве Морского министерства и представляющего собою достояние всего народа»⁶⁴.

В самый день переворота уже стало понятно, что грядут колоссальные изменения, которые потребуют от архивистов силы, смелости и терпения. Все предыдущие проблемы вдруг оказались просто житейскими неурядицами. Впереди была неопределенность, голод, бессилие и смерти от истощения... И несмотря ни на что, архив продолжал работать!

В 1918 г. – первой половине 1920-х гг. проходила масса внутренних передвижек и перестановок фондов, расположенных в Главном Адмиралтействе. Поступали документы ликвидируемых учреждений, осуществлялся разбор и инвентаризация неописанных материалов, параллельно проводили «статистические обследования фондов», составляли топографические описи⁶⁵. А. И. Лебедев в отчете за 1918 г. обращал особое внимание на то, что постоянно отменялись ранее отдававшиеся распоряжения о предоставлении тех или иных помещений для архива: «Для иллюстрации не могу не указать судьбу б[ывшего] Военно-морского отдела

по собиранию материалов войны и революции, помещавшегося до февраля 1918 года в помещении Морского Генерального штаба и затем перемещенного в I-й этаж Центрального архива в Главном Адмиралтействе, для чего пришлось очистить целую большую кладовую от всех дел, переставивши их на свободные места и в проходы в других комнатах; затем весной, в виду задержки в освобождении второго этажа, все дела, в количестве более 150 тяжелых ящиков, были перенесены в предоставленные помещения третьего этажа, где и предполагалось окончательно оборудовать помещение этого отдела; все лето и осень в этом помещении производились массовые приемки дел и материалов, но к концу года, в виду распоряжения Морской коллегии о предоставлении этого помещения для Управления по делам заводов морского ведомства, все дела этого отдела должны были вновь быть перенесены третий раз во 2-й этаж, к этому времени освобожденный от разных ликвидационных комиссий»⁶⁶.

Период гражданской войны и начала 1920-х гг. для сотрудников архива был чрезвычайно тяжёл. Суровые морозы, почти полное отсутствие отопления, массовое поступление документов от ликвидируемых учреждений, голод, прекращение трамвайного движения, многочисленные иные бытовые проблемы. Руководству приходилось всеми силами бороться за штаты, пытаться выбивать для служащих пайки, отбивать попытки выселить архив из здания в Новой Голландии, постоянно убеждать кого-то в исключительной важности документальных сокровищ... С 1919 г. архивов формально было два, при чем один из них находился в ведении государства (в лице Главархива, а затем Центрархива), а другой – флота. Объединял эти архивы А. И. Лебедев, руководивший обоими. После сокращения штатов в начале 1922 г. в государственной части архива (которое называлось «2-е отделение III секции Единого государственного архивного фонда») осталось пять сотрудников, в Военно-морском

архиве (подчинявшемся Оперативному управлению Морского штаба Республики) – 15 человек⁶⁷. В 1924 г. морское ведомство приняло решение отказаться от содержания собственного архива, расформировав его и передав все фонды в Центрархив. А. И. Лебедев был освобожден от всех должностей и уволен. Конечно, тут же встал вопрос об освобождении помещений в Главном Адмиралтействе и перемещении фондов в здания, принадлежащие Центрархиву.

Архив покинул Главное Адмиралтейство не сразу. 2 июня 1926 г. началась перевозка архивных материалов на улицу Халтурина (ныне – Миллионную) в дом № 36 (бывшее здание Архива Государственного совета, построенное в 1883–1888 гг. по проекту архитектора М. Е. Месмахера), она продолжалась до 1 октября. На новом месте, отвечавшем «всем условиям архивного хранилища», архив занял все три этажа общей площадью более 1800 квадратных метров. Все материалы, однако, в здании на ул. Халтурина не поместились. Значительная часть дореволюционных фондов осталась в Новой Голландии, откуда в 1931 г. была перемещена в бывшее здание Синода, в приспособленные под архив неотапливаемые помещения⁶⁸.

Несколько десятилетий спустя новый дом будет с любовью назван его сотрудниками «сокровищницей на Миллионной»⁶⁹. И в конце концов, далеко не сразу, но случится то, о чем мечтал каждый архивариус: дела найдут свое место, будут аккуратно упакованы и выстроятся в надлежащем порядке под бдительным взором хранителей. Объединиться документальным свидетельствам военно-морской истории России под одной крышей так и не получится – РГАВМФ и сейчас размещается на двух площадках (ул. Миллионная, д. 36 и Серебристый бульвар, д. 24, корп. 1)

Но два столетия истории архива навсегда останутся связанными с Главным Адмиралтейством, которое по своему предназначению было заложено как место для зарождения флота и как ковчег для сохранения всего к флоту относящегося.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 8–10, 15–17.

² *Лансере Н. Е.* Главное Адмиралтейство и краткий очерк его создания. Л., 1926 г. С. 11–12. См. также: *Пилявский В. И.* Главное Адмиралтейство в Ленинграде. М.-Л., 1945. С. 28.

³ *Пилявский В. И.* Указ. соч. С. 29–31.

⁴ В этом плане архиву повезло больше, чем «старой Модель-камере, т. к. музейное имущество переместили в еще более тесные и неудобные помещения во дворе Главного Адмиралтейства, находившиеся над адмиралтейской кузницей, по соседству со столлярной мастерской. Здесь музей размещался до середины 1818 г., будучи практически недоступным для посещения “морскими чиновниками”, т. е. не отвечая цели, ради которой создавался» (см.: История Центрального военно-морского музея. 1709–2019. СПб, 2019. С. 95).

⁵ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 63. Все дело.

⁶ Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 18.

⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 2684. Л. 38–40.

⁸ Там же. Л. 38–40, 43, 50–51.

⁹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 26.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 194. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Ф. 212. Оп. 11. Д. 2684. Л. 135. В Педагогическом институте архив занимал шесть покоев на втором этаже, их подробную опись см. там же, Л. 160–161.

¹² Здание Главного Адмиралтейство было закончено лишь в 1820 г., а отделано к 1823 г. В 1819–1820 гг. заканчивались штукатурные работы внутри, лепные украшения снаружи и т.д. До 1823 г. продолжалась работа по оформлению церкви Исаакия Далматского, временно перенесенной в Адмиралтейство (См.: *Пилявский В. И.* Указ. соч. С. 30–31).

¹³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 2684. Л. 136–136 об.

¹⁴ Там же. Л. 132.

¹⁵ Там же. Л. 136–136 об.

¹⁶ Там же. Л. 139.

¹⁷ Там же. Л. 143.

¹⁸ Там же. Л. 147.

¹⁹ Там же. Л. 148.

²⁰ Там же. Л. 154.

²¹ *Лансере Н. Е.* Указ. соч. С. 14.

²² Вкратце опишем перестройку Адмиралтейства. Важно отметить, что в 1811 г. скончался А. Д. Захаров. Работу продолжили архитекторы А. Г. Бежанов, Д. И. Калашников и И. Г. Гомзин. Главное Адмиралтейство потеряло главные внешние атрибуты крепости – были снесены бастионы, уничтожены подъемные мосты и наружный Адмиралтейский канал. В 1812 г. император Александр I приказал прекратить строительство всех начатых зданий, в том числе и Адмиралтейства, в связи с начавшейся Отечественной войной. Только в 1814 г. работы были возобновлены. К 1815 г. были завершены самые трудоемкие работы (возведен корпус перед Сенатом и Невский павильон, закончены работы на башне и т.д.). В 1816–1817 гг. велись штукатурные работы по фасаду здания, в первую очередь обращенного к Зимнему дворцу. К 1820 г. основные работы по перестройке Главного Адмиралтейства были завершены (См.: *Пилявский В. И.* Указ. соч. С. 30–31).

²³ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 118. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 199. Л. 1–16 об.

²⁵ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3146. Л. 1–6 об.

²⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 8. Д. 601. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 4–5.

²⁸ Там же. Л. 5–5 об.

²⁹ Там же. Ф. 362. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–11 об.

³⁰ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1686. Л. 3.

Воспоминания М. Н. Варфоломеева полностью опубликованы: Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 240–244.

³¹ *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса. С приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 46.

³² РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 886. Л. 1–1 об.

³³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 44–45.

³⁴ РГАВМФ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 130. Л. 6 об.

³⁵ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2678. Л. 1–1 об.

³⁶ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 41.

³⁷ Там же.

³⁸ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2678.

³⁹ Там же. Л. 14 об.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 109. Л. 7–7об.

⁴³ Там же. Д. 149. 7 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Д. 179. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Л. 7 об.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

⁴⁸ Там же. Ф. 411. Оп. 2. Д. 27. Л. 3; Там же. Д. 33. Л. 4 об. – 5.

⁴⁹ Там же. Ф. 411. Оп. 1. Д. 245. Л. 8–9.

⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 2 об. – 3.

⁵¹ Там же. Ф. 411. Оп. 2. Д. 62. Л. 9; Там же. Д. 66. Л. 3 об., 16 об.

⁵² Там же. Ф. 411. Оп. 2. Д. 66. Л. 16 об.

⁵³ Там же. Д. 128. Л. 1–4.

⁵⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 51.

⁵⁵ В начале XX в. манеж Главного Адмиралтейства использовался для проведения выставок (например, в 1916 г. – выставка «Наши трофеи»), здесь приводились к присяге матросы Гвардейского экипажа, играли в лаун-теннис, репетировали парады воспитанников Николаевского и Александровского кадетских корпусов, совершали богослужения магометан и т. д. Об этом подробнее см.: РГАВМФ. Ф. 944. Оп. 1. Д. 97. Л. 1, 8, 9, 46, 54, 56.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1686. Л. 8-9.

⁵⁷ Там же. Ф. 411. Оп. 2. Д. 185. Л. 1.

⁵⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 51–52.

⁵⁹ Там же. С. 52.

⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 411. Оп. 2. Д. 185. Л. Л. 39 об.

⁶¹ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1686. Л. 9 (из воспоминаний М. Н. Варфоломеева).

⁶² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5537. Л. 146–147.

⁶³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 65–67.

⁶⁴ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 96. Л. 3 об.

⁶⁵ Там же. Д. 230. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Л. 7–7 об.

⁶⁷ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 79–82.

⁶⁸ Там же. С. 90.

⁶⁹ *Малевинская М. Е., Мазур Т. П.* Сокровищница на Миллионной: Очерк. М., 1994. 56 с.

Емелин А. Ю.

**История появления в архиве личных фондов
вице-адмирала С. О. Макарова и адмирала
Ф. В. Дубасова**

Российский государственный архив Военно-Морского Флота заслуженно гордится многими своими фондами и коллекциями, а также, конечно, личными фондами выдающихся деятелей флота. Так, однако, было далеко не всегда. Еще в марте 1899 г. начальник Архива Морского министерства А. А. Ратьков-Рожнов в ответ на один из пунктов анкеты Императорского Московского археологического общества писал: «Документов частных лиц в архиве не имеется»¹. Почему? Потому, что задачи сбора личных архивов никто не ставил. Четко прописывалось, какие именно делопроизводственные документы каких учреждений должны были сдаваться в данный ведомственный архив. О личных же фондах речи не было.

Заметим, однако, что А. А. Ратьков-Рожнов был не совсем прав. Сейчас довольно сложно точно указать, когда тот или иной фонд поступил в архив, но, судя по всему, в то время в архиве уже находились документы, впоследствии составившие фонды вице-адмиралов А. П. Жандра и В. А. Корнилова, а также часть архива светлейшего князя А. С. Меншикова. Но основную часть этих архивов (особенно А. С. Меншикова) составляли служебные делопроизводственные документы.

Тем не менее, интерес к таким материалам начала проявлять комиссия по составлению истории русского флота,

действовавшая под руководством С. И. Елагина (до 1868 г.), Ф. Ф. Веселаго (до 1895 г.), Н. А. Коргуева (до 1900 г.) и С. Ф. Огородникова (до ликвидации в 1907 г.). Большинство исторических материалов, собранных этой комиссией, оказались в Историческом отделении Морского Генерального штаба, а затем стали основой очень популярного у исследователей фонда 315 («Материалы по истории русского флота. Коллекция»).

Ситуация начала меняться, когда после Русско-японской войны в 1906 г. был создан Морской Генеральный штаб (МГШ), а в его составе – Историческое отделение. Трудившиеся в нем энтузиасты – Е. Н. Квашнин-Самарин, Н. В. Новиков, Н. Д. Каллистов, А. И. Лебедев – приложили много усилий к поиску новых материалов личного происхождения, хранившихся в семьях. Но и поступали эти материалы первоначально именно в МГШ. Большой удачей стала организация покупки уже непосредственно для Архива Морского министерства части архива светлейшего князя А. С. Меншикова², ставшей ценнейшим дополнением к уже имевшимся в архиве материалам этого известного военно-морского деятеля периода царствования Николая I.

С началом Гражданской войны, а также связанных с ней голода, красного террора и массовой эмиграции, многим дворянам стало не до фамильных архивов. Именно в этот период Александру Ивановичу Лебедеву, начальнику бывшего Архива Морского министерства, ставшего 2-м отделением III секции Единого государственного архивного фонда, улыбнулась удача – в 1919 г. удалось спасти, среди прочего, архивы адмирала Ф. В. Дубасова и вице-адмирала С. О. Макарова.

Начать эту историю следует с того, что в январе 1904 г. Александра Сергеевна Дубасова, жена вице-адмирала Федора Васильевича Дубасова и сестра убитого в 1902 г. министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина, приобрела дом № 62 по Сергиевской улице (ныне – ул. Чайковского), в

котором уже некоторое время проживала, снимая для своей семьи и прислуги пять квартир.

Адмирал Федор Васильевич Дубасов (1845–1912) вошел в историю флота как герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и один из лучших командующих эскадрой Тихого океана. Во время трагических событий первой русской революции 1905–1907 гг. он, будучи генерал-губернатором Москвы, руководил жестким подавлением восстания на Пресне. Дважды на него устраивались покушения – один раз в Москве 23 апреле 1906 г., второй – 2 декабря 1906 г., в Таврическом саду (дом адмирала был угловым, одним из фасадов выходил на Потемкинскую улицу и Таврический сад). В доме на Сергиевской адмирал скончался от воспаления легких 19 июня 1912 г., но там остались жить его вдова и дочь Ирина (1887–1931).

В известной книге Л. И. Бройтман и А. С. Дубина «Улица Чайковского» (М., 2003) рассказано об истории дома и о покупке его Дубасовыми. Там же сказано, что с 1904 г. в доме проживала вдова погибшего 31 марта 1904 г. в Порт-Артуре вице-адмирала С. О. Макарова Капитолина Николаевна, занимавшая квартиру № 2 из десяти комнат на втором этаже³. Это, однако, лишь частично подтверждается документами нашего архива – в прошении вдовы о приеме сына Вадима в Морской корпус и в его аттестационной тетради на июль 1906 г. и октябрь 1907 г. указан другой адрес: Новый Петергоф, Ольгинская ул., д. 9⁴. В первый раз сведения о планируемом переезде вдовы адмирала в дом Дубасовых на Сергиевской улице можно встретить в письме к ней ее зятя Л. В. Голубева из Мариенбада от 30 августа 1908 г.⁵

К сожалению, документы нашего архива за период Гражданской войны сохранились далеко не полностью. Ценнейшим источником являются ежемесячные отчеты управляющего 2-м отделением III секции ЕГАФ А. И. Лебедева, но в них зачастую информация по одному и тому же вопросу

содержится в различных разделах, без указания, какие события произошли раньше, а какие – позже. Из отрывочных же сведений складывается следующая картина.

Можно предположить, что первоначальная информация о том, что в доме на Сергиевской хранятся личные архивы Дубасова и Макарова, поступила от Капитолины Николаевны Макаровой или ее сына Вадима Степановича Макарова, произведенного в декабре 1915 г. в чин лейтенанта и в июне 1917 г. уехавшего в командировку в США. Единственным свидетельством этого пока является упоминание в одном из документов осени 1919 г. о том, что материалы С. О. Макарова поступали в архив в четыре приема в 1917–1919 гг.⁶ Наверняка, узнав в первый раз в 1917 г. о столь ценных документах, архивисты последовательно предпринимали попытки их получить.

В составленном управляющим 2-м отделением III секции ЕГАФ А. И. Лебедевым отчете за первые четыре месяца 1919 г. указано, что были «подняты и возбуждены» различные вопросы, в том числе «о передаче архивов С. О. Макарова и Ф. В. Дубасова во 2-е Отделение III Секции; о приобретении в Государственный архивный фонд бумаг по истории Пугачевского бунта, писем С. О. Макарова⁷, архива Л. П. Семечкина»⁸. Видимо, в начале лета 1919 г. квартиры адмирала Дубасова с находившимися в ней архивами и библиотеками адмиралов была опечатана инспектором Петроградского отделения Главархива В. И. Ромишевским. Однако, в июле сотрудники жилищного отдела 1-го городского района вскрыли квартиру, не сочтя для себя препятствием печати неведомого им Главархива. А. И. Лебедев, получив информацию об этом, посетил квартиру и забрал оттуда валявшиеся на полу «записные книжки (12 шт.) и копировальные книги (9 шт.) адм. С. О. Макарова»⁹. Кроме того, Лебедев и его сотрудники вывезли «остатки архивного материала из квартиры вдовы адмирала»¹⁰. Можно предположить, однако, что осталь-

ные документы и книги лежали в ином помещении, которое не подверглось разграблению. В том же месяце дочь адмирала Ирина Федоровна Дубасова передала А. И. Лебедеву «бумаги и документы адм. Ф. В. Дубасова (один запертый и опечатанный чемодан)»¹¹.

В следующем отчете написано подробнее: «В течение августа под особым наблюдением отделения был архив адмиралов Дубасова и Макарова, бывший все время в угрожающем положении, так как дом по Сергиевской 62, где он был охранен инспекцией Главархива, был передан общежитию воинов-инвалидов, требовавшего освобождения помещения. В результате улаживания неоднократных конфликтов в последних числах августа весь архив адмиралов и остатки их библиотеки, особенно ценной с научной точки зрения в части, принадлежавшей адмиралу Макарову, были перевезены в экстренном порядке на пяти подводах в помещение отделения»¹².

Несомненно, получение подвод стоило А. И. Лебедеву не меньших усилий, чем выяснение отношений с руководством создаваемого общежития. Стоит отметить, что тогда же, летом 1919 г., А. И. Лебедевым постепенно был вывезен архив вице-адмирала Н. В. Копытова, квартира которого была занята матросами, – но там удалось справиться с помощью ручной тележки¹³.

Почему же родственники адмиралов не передали все документы сразу, а потребовались некие «переговоры», опечатывание квартиры с документами и передача их частями? Можно предположить, что дело тут было связано с позицией членов семей, которые до последнего не хотели передачи в архив личных, частных материалов (например, переписки адмиралов с супругами), а вычленив эти документы из общей массы у них не было сил и возможностей.

Все документы и книги Ф. В. Дубасова и С. О. Макарова перевезли в помещение архива в Главном Адмиралтействе. Работа с поступившими материалами предстояла

большая и интересная. Для начала, нужно было точно разделить – какие документы принадлежали Ф. В. Дубасову, а какие – С. О. Макарову. В сентябре 1919 г. над разделением документов на два будущих фонда работал А. И. Лебедев. Одновременно бывший генерал-майор барон Н. А. Типольт разбирали книги, выделяя попавшие в них документы и передавая их Б. П. Шахову, который уже определял, кому из адмиралов какие бумаги принадлежали. Вскоре вышел на работу прикомандированный к архиву старший архивист С. В. Фарфоровский, находившийся в отпуске после тяжело перенесенного тифа, и материалы, принадлежавшие С. О. Макарову, были переданы для работы ему¹⁴.

Конечно, уже в ходе предварительного разбора стало ясно то, в чем и не сомневались: документы были чрезвычайно ценны. В отчете за ноябрь читаем: «Материал этот, по мере разбора, выявляется, как имеющий большую историческую и научную ценность; из материалов, имеющих большую биографическую ценность, были обнаружены за истекший период:

А) дневники самого С. О. Макарова и жены его К. Н. Макаровой¹⁵, а также письма ее к мужу с 1878 по 1904 год.

Б) письма адмирала З. П. Рожественского;

В) письма Семенова (автора «Расплаты» и др.);

Г) телеграммы, адреса, письма по поводу гибели С. О. Макарова на русском, сербском, английском, французском и др. языках;

Д) вырезки из газет, посвященные деятельности С.О., на всех языках;

Е) материалы о постройке, плавании, научных исследованиях “Ермака”, часть опубликованные, частью не опубликованные.

Разбор этого архивного фонда продолжается¹⁶.

Параллельно шла работа с книгами. Было ясно, что определить, какие книги кому из адмиралов принадлежали – не-

возможно, так как экслибрисов не имелось. В отчете за сентябрь А. И. Лебедев писал: «Вся эта соединенная библиотека обоих адмиралов должна составить особый самостоятельный фонд библиотеки имени адмиралов, причем в инвентаре будут отмечены все подписные экземпляры и имеющие пометки, замечания на полях и т. п. <...> Собственно же разборку библиотечного материала вел лично Н. А. Типольт. Библиотека эта составит свыше 1000 томов крайне ценного военно-морского и исторического содержания»¹⁷.

В октябре 1919 г. Н. А. Типольт закончил распределение книг по тематическим разделам. Из книг «литературно-беллетристического содержания» решено было составить «основной фонд библиотеки частного пользования коллектива служащих отделения»¹⁸. На все книги составлялись карточки. Имелось большое количество книг на иностранных языках, описание которых было закончено Типольтом в январе 1920 г.¹⁹

Скорость проведения работ с фондом Макарова и библиотекой адмиралов резко снизилась начиная с ноября, когда наступили холода – работать в неотапливаемых помещениях, даже в пальто и перчатках, более двух часов в день не получалось. Тем не менее к концу декабря 1919 г. фонд С. О. Макарова был «вчерне разобран»²⁰. В начале 1920 г. С. В. Фарфоровский продолжал работу с материалами о строительстве и первых плаваниях ледокола «Ермак», его чертежами. В феврале им перед сотрудниками архива был сделан доклад «для ознакомления всех с составом фонда, принятым методом работы по разбору и описанию его»²¹. Однако, 15 марта 1920 г. Фарфоровский покинул архив, перейдя на службу в некий «Севрайкультстрой», и работа по описанию фонда была временно приостановлена²². Для ее продолжения в апреле был приглашен бывший капитан 1 ранга Э. Э. Овандер, который, однако, уже 4 мая скончался от воспаления легких²³.

В декабре 1919 г. Б. П. Шахов приступил к разбору части фонда Ф. В. Дубасова, хранившейся «в одном сундуке и

корзине», с целью выделить переписку «частно-семейного характера» для возвращения дочери адмирала, так как это было условием передачи документов в архив. Были ли возвращены какие-то материалы Ирине Федоровне до ее побега через финскую границу – сказать затруднительно. Описание же архива Ф. В. Дубасова было поручено старшему архивисту Владимиру Петровичу Ильинскому – бывшему действительному статскому советнику, чиновнику Главного морского хозяйственного управления, автору ряда трудов об адмирале Ф. Ф. Ушакове.

Уже в январе 1920 г. был закончен черновой просмотр документов Ф. В. Дубасова и начата работа по составлению схемы («детальной предметной классификации») будущего фонда. Несмотря на сложности, вызываемые неразборчивым почерком адмирала и наличием большого числа черновики одних и тех же документов, было ясно: в архив попал «крайне ценный архивный материал обширного и разностороннего содержания, начиная с участия в войне 1877–1878 гг. молодым лейтенантом»²⁴. В марте 1920 г. была закончена работа по извлечению материалов из сундуков и корзин, его черновой систематизации, раскладке по папкам и конвертам и помещению их в шкаф. С 1 мая 1920 г. В. П. Ильинский прекратил работу с документами Ф. В. Дубасова и вскоре покинул архив. Ненадолго его сменил бывший адмирал К. В. Стеценко, который с 16 июня был переведен на службу в Морской комиссариат, а вскоре скончался.

Отсутствие в нашем архиве отчетов за вторую половину 1920 г. лишает нас цельного представления о работах по описанию фондов. Известно, однако, что в первой половине 1921 г. они не проводились. В августе 1921 г. фонды С. О. Макарова и Ф. В. Дубасова, а также их библиотека, были перевезены из Главного Адмиралтейства, где они обрабатывались, в помещение I (Исторического) отдела архива в Новой Голландии²⁵. Можно предположить, что на такую пе-

редачу было несколько причин. Во-первых, это стало следствием чрезмерного уплотнения в апреле 1921 г. фондов II отдела архива, находившегося в здании Главного Адмиралтейства, в связи с возвращением из Москвы ряда центральных учреждений Морского комиссариата, когда архивистам на освобождение восьми помещений было дано 48 часов²⁶. Во-вторых, сотрудники II отдела, хранившего документы преимущественно за период с 1885 г., были просто завалены неразобранными материалами. Управляющий архивом А. И. Лебедев в отчете за май 1922 г. с болью констатировал: «Груды архивного материала, поступившего большей частью в 1918 и 1919 гг., лежат по всем помещениям архива в связках и ящиках в ожидании проверки, приема и разбора»²⁷.

В августе 1921 г. через члена архивной тройки по осмотру бесхозных квартир П. А. Шафранова поступил дополнительный материал, присоединенный к фонду Ф. В. Дубасова²⁸. В том же месяце сотрудники I отдела смогли продолжить работу по описанию документов С. О. Макарова – этим занялись архивист Т. Н. Черепнина и архивариус О. И. Денисова, начавшие с личной переписки адмирала и его жены, а также с приведения в порядок многочисленных газетных вырезок, чертежей, рисунков, карт и планов²⁹. Впрочем, уже в сентябре Т. Н. Черепнина была уволена при сокращении штатов, и работа над фондом в очередной раз остановилась. В сентябре к разбору документов Ф. В. Дубасова, и в первую очередь личной переписки (разбор по корреспондентам), приступил руководитель отдела Г. А. Князев при помощи А. П. Сопетиной. В декабре из-за сокращения штатов все работы по разбору личных фондов были прекращены (лишь во II отделе бывший адмирал А. И. Русин продолжал описание фонда бывшего адмирала К. В. Стеценко)³⁰. Лишь в марте 1922 г. Г. А. Князев смог выделить часть своего времени для продолжения разбора бумаг Ф. В. Дубасова, завершив вчерне подготовку фонда к описанию³¹. В мае 1922 г. от военно-

го моряка Е. Е. Шведе поступили две тетради с записями С. О. Макарова³² – откуда они к нему попали, уже не установить. Описание фонда С. О. Макарова завершила в конце 1922 г. М. Н. Мурзанова³³.

Как мы видим, описанию фондов катастрофически мешала сложившаяся в начале 1920-х гг. ситуация – текучка кадров, неоднократные сокращения штатов, обилие других задач, а помимо этого – произошедшая в 1924 г. смена руководства архива.

В итоге, рано или поздно, худо или бедно, но документы обоих фондов были описаны. В 1920-е гг. личные фонды находились в составе Ленинградского отделения Центрального исторического архива, затем в выделившемся в независимое учреждение Архиве народного хозяйства, откуда лишь в 1939 г. вернулись в наш архив. При этом в фонде С. О. Макарова состояло 545 единиц хранения и 96 килограммов росписи. Так продолжалось до 1971 г., когда была предпринята научно-техническая обработка фонда, благодаря чему мы теперь пользуемся хорошими описями. Опись фонда Ф. В. Дубасова переработке не подверглась, так и оставшись хаотичной, бессистемной. Только текучкой сотрудников и затяжкой с описанием материалов можно объяснить то, что в фонд Ф. В. Дубасова попало значительное количество фотографий великого князя Александра Михайловича, поступивших из его бывшего дворца осенью 1921 г.³⁴

Что же касается отдельной библиотеки адмиралов, то прекрасная идея ее создания не была реализована. Первым препятствием стали сокращения штатов архив вынужденно расстался с Н. А. Типольтом, и с библиотекарями архива А. Г. Колтовской и А. А. Громовой. А вскоре библиотека архива вошла в состав общей библиотеки 1-го и 2-го (военного и морского) отделений III секции ЕГАФ, и лишь в 1930-е гг. «вернулась» в архив. О какой бы то ни было отдельной библиотеке адмиралов как структурной части библиотеки

архива не было и речи. В настоящее время в ходе проверки наличия книг сотрудник научно-справочной библиотеки Р. Я. Павленко выявляет и учитывает все книги с автографами, экслибрисами и дарственными надписями – пока выявлено всего лишь 10 изданий, принадлежавших Ф. В. Дубасову³⁵, и 20 – С. О. Макарову³⁶. Эта работа продолжается.

Остается еще раз вспомнить А. И. Лебедева и других архивистов эпохи Гражданской войны, в тяжелейших условиях тех лет приложивших колоссальные усилия для сбора и спасения как можно большего числа документов по истории русского флота, а также разнообразных материалов личного происхождения.

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 411. Оп. 2. Д. 87. Л. 12.

² Подробнее см.: «...Представляет исключительную ценность...» Документы РГАВМФ о приобретении Морским министерством в государственную собственность архива начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова (1912 г.) / Вступ. статья, подготовка текста к публикации и комментарии В. Г. Смирнова // Отечественные архивы. 2021. № 1. С. 88–101.

³ *Бройтман Л.И., Дубин А. С.* Улица Чайковского. М., 2003. С. 543.

⁴ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 1262. Л. 2, 2 об.; Оп. 5. Д. 9592. Л. 1.

⁵ РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 411. Л. 248.

⁶ Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 122.

⁷ Речь идет о покупке писем С. О. Макарова к его знакомой А. М. Нармонт (в замужестве – Поливановой) за 1868–1874 гг., которые в настоящее время составляют единицу хранения: РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 297.

⁸ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 76 об.

¹⁰ Там же. Л. 78–78 об.

¹¹ Там же. Л. 76 об.

¹² Там же. Л. 80 об.

¹³ Там же. Л. 76.

¹⁴ Там же. Л. 98.

¹⁵ Указанные документы К. Н. Макаровой обозначены в действующей описи как записные книжки. Девять дел на французском языке охватывают периоды с 20 декабря 1876 г. по 6 июня 1878 г. и с 23 июля 1906 г. по 22 декабря 1917 г. (РГАВМФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 402–410).

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 122.

¹⁷ Там же. Л. 100.

¹⁸ Там же. Л. 112.

¹⁹ Там же. Л. 151 об.

²⁰ Там же. Л. 141.

²¹ Там же. Л. 155 об.

²² Там же. Л. 157, 158 об.

²³ «4-го мая скончался от воспаления легких ученый архивариус Э. Э. Овандер, поступивший в Отделение 16 апреля и едва приступивший к работе. Приискание новых сотрудников при полной необеспеченности их достаточным содержанием представляет трудную задачу. Э. Э. Овандер, б. морской офицер, уволенный по состоянию здоровья, вследствие ранения и контузий в Цусимском бою вовсе от службы, автор солидного исследования по Цусимской операции и преподаватель истории военно-морского искусства, представлял по всем этим данным крайне ценного сотрудника, которого не могли коснуться различные мобилизации и извлечь в строй. Однако, надежда на участие его в работе не оправдалась» (из отчета управляющего 2 отделением III секции Единого государственного архивного фонда А. И. Лебедева за апрель-июнь 1920 г.: РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 161 об.)

²⁴ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 151.

²⁵ Там же. Л. 189 об.

²⁶ Там же. Л. 177.

²⁷ Там же. Л. 233 об.

²⁸ Там же. Л. 190 об.

²⁹ Там же. Л. 191.

³⁰ Там же. Л. 205.

³¹ Там же. Л. 223 об.

³² Там же. Л. 231.

³³ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 433. Л. 68 об.

³⁴ Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 230. Л. 202.

³⁵ *Гейден А.* Армия и флот в современной обстановке. СПб., 1900; *Кладо Н. Л.* Отчет о практических занятиях по стратегии в продолжение зимы 1900–1901 года: «Война России с Германией в 1905 г.». СПб., 1901; *Макаров С. О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. СПб., 1897; *Бурун А.* Наш флот. Ч. 1 (отдельный оттиск статьи из журнала «Русский вестник». 1867); *Жандр О. К.* Памяти героев русско-японской войны. 3-е изд., доп. Вильна, 1905; *Соловьев Н. И.* Колыбель русского флота (отдельный оттиск статьи из «Военно-исторического вестника»; Киев, 1910); [*Ермолов Н. С.*]. Испано-американская война. Отчет командированного по высочайшему повелению к американским войскам на остров Кубу Генерального штаба полковника Ермолова. СПб., 1899; *Кржижановский Н. Л.* Развитие и роль подводного флота при современных условиях войны (отдельный оттиск из: Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Ред.-изд. В. П. Рябушинский. Книга первая. М., [1910]); *Гуляев Э. Е.* Непотопляемые и неопрокидывающиеся суда формы и системы Гуляева. СПб., 1909; *Случевский К. К.* По Манджурии (отдельный оттиск из издания «Книжки недели», [1899]).

³⁶ *Дубасов Ф. В.* Тактика миноносков (отдельный оттиск статьи из журнала «Морской сборник». 1885. № 5, 12); *Кротков А.* Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896; *Кербер Л. Б.* Постепенное развитие боевых судов: Изменение характера бронирования, вызванные увеличением калибра средней артиллерии. СПб., 1903; *Зайончковский Б. В.* Чертежи к запискам по материальной части артиллерии. Установки системы Канэ для 120-мм и 6-дм скорострельных пушек в 45 калибров. Артиллерийский офицерский класс, 1895–1896; *Пестич Ф. В.* Параллель между боевой силой современного и прежнего парусного флотов в связи с их стоимостью (Доклад, сделанный ген. Пестичем 8 апреля 1894 г.). СПб., 1894; *Яцыно И. А.* Курс морской артиллерии. Ч.1 и 2. СПб., 1895–1896; *Макаров С. О.* Об обмене вод Черного и Средиземноморского морей: Исследование флигель-адъютанта, капитана 1 ранга С. О. Ма-

карова: Читано в заседании физико-математического отделения Императорской Академии наук 21 мая 1885 г. СПб., 1885; *Палибин И. В.* Ботанические результаты плавания ледокола «Ермак» в Северном Ледовитом океане летом 1901 года. СПб., 1903; *Березин Е.* Морская практика. Управление парусными и паровыми судами и шлюпками. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1880; *Шидловский Ф.* Поиски броненосца береговой обороны «Русалка» летом 1894 г. (отдельный оттиск статьи из журнала «Морской сборник». 1895. № 4); *Нехаев К.* Замечания по вопросам непотопляемости. СПб., 1903; *Погодин А.* Паровые машины. Теоретический курс паровых машин Морского инженерного училища. СПб., 1900; Отчет вице-адмирала Макарова об осмотре им летом 1897 года, по поручению министра финансов С. Ю. Витте морского пути на реки Обь и Енисей. СПб., 1898; *Тилло А.* Уровень морей в Европе и объединение высот. М. К. Лаллемана, горного инженера и секретаря Комиссии генеральной нивеллировки Франции (отдельный оттиск рецензии, опубликованной в т. XXVII «Известий Императорского русского географического общества». СПб., 1891); [*Шиллинг Н. Г.*] Воспоминания старого моряка. М., 1892; Краткий очерк столетнего существования Кронштадтского морского собрания. СПб., 1902; *Бутовской Н.* О способах обучения и воспитания современного солдата (Практические заметки командира роты). Т. 2. СПб., 1888; *Кротков А.* Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901; *Лушков Н. М.* Учебник службы на корабле для молодого матроса. СПб., 1901; Инструкция для пользования мензулой лейтенанта Цима. [СПб., 1895]

Вартанян Ю. Т.

Военно-Морской архив: от Ленина до Ельцина (1917–1992 гг.)

В дни революционных перемен, когда происходил *«не просто бунт, а РЕВОЛЮЦИЯ»*¹ Архивом Морского министерства принимались все меры к сохранению вверенных ему свидетельств прошлого.

На основании приказа по Походному штабу Морского министра № 266 от 1 (14) июня 1917 г.² архив перешел в подчинение первому помощнику морского министра и получил новое название – с 20 сентября (3 октября) 1917 г. он стал называться в Центральным архивом флота и морского ведомства. Переименование произошло по предложению управляющего должность начальника архива А. И. Лебедева, т. к. в Архиве Морского Министерства хранились *«дела не только центральных учреждений, но и всех местных, расположенных в Петрограде»*³.

Осенью 1917 г. из-за наступления немцев на Петроград было принято решение эвакуировать Архив Морского министерства *«дабы в случае оставления города, не достался трофеем неприятелю»* или не погиб в результате разграбления, *«поджога черню»* или стихийного пожара⁴.

Союз российских архивных деятелей определил, что из морского архива в первую очередь необходимо эвакуировать подлинные Высочайшие приказы о чинах военных и гражданских за 1897–1914 гг., журналы Адмиралтейств-Совета за 1911–1912 гг., документы архивов адмиралов А. А. Бирилева

и И. К. Григоровича и другие⁵. По поручению А. И. Лебедева исправляющий должность делопроизводителя архива М. Н. Варфоломеев вместе с чинами Главного гидрографического управления занимался поисками подходящих помещений для хранения эвакуируемых из Петрограда частей Архива Морского министерства, Морского музея и Морской библиотеки. Выбор пал на Ростовский кремль⁶.

В итоге эвакуация так и не осуществилось из-за начавшихся переговоров о заключении мира.

Несмотря ни на что, в момент, когда *«революция восторжествовала»*⁷, архив продолжал работу⁸. С документами архива *«занимались очень многие по различным вопросам»*, например, о топографии и застройке старого Петербурга, памятниках петровского законодательства в связи с изданием духовного регламента и другим. В архив обращались за *«всевозможнейшими справками исторического характера – о Русско-Американской компании, о проекте соединения реки Печоры и Индиги»*⁹ и другим¹⁰.

На общем собрании служащих Центрального архива флота и морского ведомства 24 ноября (7 декабря) 1917 г. А. И. Лебедев был единогласно избран начальником архива¹¹.

1 июня 1918 г. был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР *«О реорганизации и централизации архивного дела»*, по которому все архивы правительственных учреждений ликвидировались как ведомственные учреждения, а хранящиеся в них дела и документы образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Заведывание этим фондом возлагалось на Главное управление архивным делом, куда поступили все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 г.¹² Центральный архив флота и морского ведомства таким образом перестал быть самостоятельным учреждением и вошел в состав 2-го (военно-морского отделения) III секции ЕГАФ¹³. Предметом его ведения стала *«централизация материалов»*

по истории флота и морского ведомства, собираемых в Государственный Архивный фонд»¹⁴.

У архива расширились возможности пополнения фондов. Главным было не допустить пропажи материалов и сделать их доступными для изучения. По предложению А. И. Лебедева документы, изымаемые ВЧК при обысках и арестах бывшего офицерского состава следовало передавать в соответствующие отделения ЕГАФ¹⁵. Так в архиве оказались материалы, найденные у расстрелянного по постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии контр-адмирала свиты его императорского величества М. М. Веселкина (1871–1918)¹⁶.

1 октября 1924 г. морское ведомство и Центрархив ВЦИКа подписали «договор и соглашение по передаче всех морских архивов вместе со зданием и инвентарем в ведение Центрархива¹⁷. Коллегия Центрархива утвердила в должности управляющего военно-морскими архивами Б. А. Нигеля, который до этого занимал пост комиссара военно-морского архива¹⁸. 6 июня 1925 г. приказом уполномоченного Центрархива РСФСР в Ленинграде Управление Ленинградского отделения Центрархива было реорганизовано в Ленинградский центральный исторический архив¹⁹. 2-е отделение Военно-Морской секции получило новое название – Морской отдел Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА).

1 марта 1926 г. морской и военный отделы ЛОЦИА пережили еще одну реорганизацию – стали архивохранилищем армии и флота, состоявшим из военного и морского отделов²⁰. 2 июня того же года в 8 час. 7 мин. утра началась перевозка архивных материалов из здания Главного Адмиралтейства на улицу Халтурина (ныне – Миллионную) в дом № 36²¹ – бывшее здание Архива Государственного совета, построенное в 1883–1888 гг. по проекту архитектора М. Е. Месмахера²².

Реорганизация ЛОЦИА 1933 г., направленная на укрупнение секций и отделов и предоставление «им большей са-

мостоятельности в научно-исследовательской и текущей оперативной работе»²³, обусловила преобразование с 1 января 1934 г. Морского отдела в Морской исторический архив, остававшийся структурной частью ЛОЦИА.

В 1935 г. Морской исторический архив реорганизовали в Центральный государственный военно-морской архив (ЦГВ-МА) – самостоятельное научно-исследовательское учреждение в системе органов Центрального архивного управления РСФСР²⁴. С созданием в январе 1937 г. Управления центральных государственных архивов Ленинграда (УЦГАЛ) архив вошел в непосредственное его подчинение²⁵. В архиве были образованы: отдел материалов морского ведомства и флота царской России с половины XVII в. до 1917 г.; отдел материалов РККА; секретный отдел; справочный отдел; читальный зал; справочная библиотека, секретариат и секретная часть²⁶.

В 1939 г. УЦГАЛ была упразднена как *«излишняя промежуточная инстанция»* в системе Главного Архивного Управления²⁷, а потому архивы, реставрационная мастерская и школа архивных работников были переданы в ведение НКВД СССР²⁸.

14 мая 1941 г. приказом НКВД СССР № 0241 было утверждено Положение о Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ СССР)²⁹. Так архив назывался до конца советской эпохи.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война полностью изменила привычный темп и ритм жизни архива. Его сотрудники, разделяя *«участь Ленинграда и ленинградцев»*³⁰ продолжали выполнять свою работу даже в тяжелых условиях блокады и эвакуации.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» наиболее ценные документы и научно-справочный аппарат ЦГАВМФ

СССР были отправлены в эвакуацию в г. Чкалов (ныне – Оренбург). 16 июля 1941 г. в «командировку» сроком на 14 дней для сопровождения груза с архивными материалами поехали пять сотрудников архива – М. Я. Дуклер (научный работник), Д. М. Зиневич (начальник отдела древних фондов), Н. А. Максимов (старший научный работник), научные работники Т. А. Иванова и Н. Г. Эйдинова³¹.

Самая первая блокадная зима далась архиву необычайно тяжело. За время блокады Ленинграда погибли шесть сотрудников ЦГАВМФ СССР: Сазонов, А. А. Вилькес, П. М. Поромов, Н. А. Данкова, Ф. П. Павлов, С. Е. Плотникова³². В память о сотрудниках, сохранивших архивные документы в годы блокады. 7 февраля 2020 г. в административном здании архива на Миллионной улице, д. 36 была торжественно открыта мемориальная доска. Церемония стала частью программы мероприятий к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне³³.

В начале 1942 г. в Ленинграде *«создалась крайне неблагоприятная обстановка для плановой работы: холод в архиве, отсутствие света, систематическое недоедание сотрудников, граничащее с острым голодом, приведшее к серьезным заболеваниям почти всех работников архива <...>, снизившие до возможного предела силу их труда»*³⁴. Расшатанное здоровье сотрудников начальник ЦГАВМФ Н. В. Жмакин считал *«большим тормозом»* в работе, поэтому одной из главных задач стала забота о сохранении кадров любыми средствами. Сам Н. В. Жмакин долгое время лечился в госпитале т. к. его состояние грозило *«окончательно»* вывести его из строя³⁵.

Но даже в таких тяжелых условиях работа архива не останавливалась. Основными ее видами стали: выделение макулатуры из фондов; переброска наиболее ценного архивного материала с верхнего этажа в нижние и в бомбоубежище; наведение справок и прием материалов на хранение от ча-

стей и кораблей³⁶. Научная работа в архиве была затруднена из-за отсутствия описей и справочного аппарата, отправленных в эвакуацию. Поэтому началось выявление актуальных материалов путем полистного просмотра дел ряда фондов, главным образом – радиотелеграфных и вахтенных журналов, *«менее всего изученных в научных целях»*³⁷.

С целью подсчета ущерба приказом начальника Управления НКВД по Ленинградской области № 1 от 8 июня 1943 г. была образована комиссия из начальников и сотрудников ленинградских архивов во главе с начальником Центрального государственного исторического архива П. З. Цивлиной³⁸.

В представленном комиссией в июле 1943 г. «Акте о материальном ущербе, причиненном Центральному государственному архиву Военно-Морского Флота СССР» были зафиксированы различные повреждения здания на ул. Халтурина, д. 36 и разрушения коммуникаций. *«В различной степени»* оказались повреждены 2000 дел, представлявших *«исключительную историческую ценность»* – дела Адмиралтейств-коллегии XVIII века по истории зарождения русского военно-морского флота, об участии флота в Первой мировой («империалистической») и Гражданской войнах. По подсчетам комиссии материальный ущерб составил более 300 тысяч рублей³⁹.

Процесс реэвакуации архивных материалов после снятия блокады Ленинграда был полностью завершён в 1945-м. Отдельно отмечалось, что случаев пропажи или гибели документов не установлено и все материалы прибыли *«в подавляющем большинстве своем в удовлетворительном состоянии»*⁴⁰.

По итогам работы за 1945 г. всем государственным архивам г. Ленинграда предписывалось *«быстрее ликвидировать последствия войны и приступить к нормальной научно-исследовательской работе»*⁴¹. В ЦГАВМФ СССР процесс восстановления занял десять лет.

Постепенно архив вернулся к обычной жизни. Уже в 1949 г. был намечен новый план научно-публикаторской работы на 1950–1954 гг. С 1956 г. началось рассекречивание документальных материалов.

В 1963 году директором ЦГАВМФ СССР был назначен кандидат военно-морских наук, ветеран Великой Отечественной войны Иван Николаевич Соловьев, до этого два года занимавший должность заместителя директора по научной работе. С его именем связаны основные достижения архива последующих 25 лет⁴².

11 февраля 1963 г. на общем собрании сотрудников ЦГАВМФ СССР было принято обязательство коллектива *«о превращении архива в учреждение высокой культуры»*, включавшее в себя успешное выполнение годового плана работы, высокую дисциплину и добросовестное отношение к работе, внимание и чуткость к гражданам, обращающимся за консультациями и другими вопросами и т.д.⁴³ *«Работоспособный, дружный и слаженный»* коллектив архива досрочно выполнил годовой план (по основным видам работ – с перевыполнением). За это он получил положительную оценку своей деятельности по результатам комплексной проверки, проведенной в октябре 1964 г. комиссией Главного архивного управления при Совете министров СССР⁴⁴.

2 февраля 1965 г. постановлением Президиума Ленинградского Областного комитета профсоюза работников государственных учреждений и Главного архивного управления при Совете министров СССР ЦГАВМФ СССР, первому из центральных государственных архивов, было присвоено звание *«Учреждение высокой культуры»*, а коллектив архива удостоился Почетной грамоты Обкома профсоюза⁴⁵.

В начале 1970-х годов по инициативе И. Н. Соловьева с целью улучшения условий хранения документов было принято решение о строительстве нового здания архивохранилища. Использувавшееся помещение так называемого «фи-

лиала» на Дворцовой площади д. 10, арендованном после войны у Ленинградского военного округа, не отвечало требованиям сохранности⁴⁶, несмотря на то, что в нем хранилось примерно 2/3 документов архива. Для строительства в августе 1973 г. решением Главного архитектурно-планировочного управления (ГлавАПУ) Ленгорисполкома был отведен земельный участок площадью 0,3 гектара на месте бывшего Комендантского аэродрома (т. е. на Серебристом бульваре)⁴⁷. Однако из-за многочисленных бюрократических и финансовых проблем строительство затянулось на несколько десятилетий. Первых посетителей читальный зал архива на Серебристом бульваре д. 24 принял в октябре 2008 г.⁴⁸

«Совершенно необычное и немного грустное событие» произошло в жизни архива в ноябре 1988 г. – Иван Николаевич Соловьев покинул пост директора ЦГАВМФ СССР в связи с выходом на пенсию⁴⁹. На прощальном вечере сотрудник архива Т. С. Федорова отметила, что, придя на работу *«блестящим морским офицером, испытанным морским волком»*, за годы работы на своем посту И. Н. Соловьев стал *«архивным зубром, отказавшись от докторской диссертации и посвятив свою жизнь архивному делу»*⁵⁰.

В 1990 г. ЦГАВМФ СССР в последний раз был награжден Почетной грамотой Главного архивного управления СССР и ЦК профсоюза работников государственных учреждений *«за хорошие результаты, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании коллективов учреждений Государственной архивной службы СССР, за успешное выполнение и перевыполнение планов 1989 года и заданий четырех лет двенадцатой пятилетки»*⁵¹.

После распада СССР в 1991 г. архив перешел под юрисдикцию Российской Федерации⁵².

24 июня 1992 г. постановлением Правительства России № 430 ЦГАВМФ был переименован в Российский государственный архив Военно-Морского Флота и вошел в сеть федеральных архивов России⁵³.

Примечания

¹ *Князев Г. А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Публ. А. В. Смолина // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. С. 111.

² Указатель правительственных распоряжений по флоту и морскому ведомству. 1917. Л. 194.

³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 98. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Там же. Д. 59. Л. 8–10.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Декреты Советской власти: [сборник] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук СССР; [редакционная комиссия: Г. Д. Обичкин и др.]. – Москва: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / [том подготовлен доктором исторических наук, профессором С. Н. Валком и другими]. С. 2.

⁸ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1019. Л. 3 об.

⁹ Индига – река в Ямало-Ненецком автономном округе; Печора – река в Республике Коми и Ямало-Ненецком автономном округе.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1027. Л. 39–39 об.

¹¹ Там же. Д. 81. Л. 66 об.

¹² Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. С. 383–385.

¹³ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1612. Л. 63.

¹⁴ Там же. Д. 105. Л. 4.

¹⁵ ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных комиссаров РСФСР.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 107. Л. 125 об.

¹⁷ Там же. Д. 599. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 5; Д. 598. Л. 3. Б. А. Нигель занимал должность управляющего 2 отделения Военно-Морской секции Ленинградского центрального исторического архива до февраля 1926 г., когда на его место назначили А. К. Дрезена (Там же. Д. 584. Л. 72–74 об).

¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 600. Л. 24.

²⁰ Там же. Д. 669. Л. 2 об; Д. 639. Л. 4. Ленинградское отделение Центрархива заведовало архивами высших государственных учреждений в Ленинграде, «состоящих на хранении и учете» на 1 января 1924 г. (Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет / Архивный комитет Санкт-Петербурга. СПб.: Лики России, 2017. С. 12).

²¹ Всего было перевезено 30640 связок (59200 кг) (РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 637. Л. 74). Согласно отчету «увязка материала» архивохранилища армии и флота началась 6 мая 1926 г., и «первым фондом были указаны вахтенные журналы, а потом – Главный морской штаб (фонд в количестве 1999 связок был приготовлен к перевозке в течение 19-ти дней 3-мя сотрудниками и перевезен в течение 2-х дней (2 и 3 июня) на 18-ти возах)».

²² РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 639. Л. 5; Д. 650. Л. 15.

²³ Там же. Д. 785. Л. 43.

²⁴ *Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945 гг. М., 1969. С. 243–244.

²⁵ Положение об УЦГАЛ утверждено 3 января 1937 г. УЦГАЛ подчинялись четыре ленинградских архива: Архив внутренней политики, культуры и быта; Архив народного хозяйства; Военный архив; Военно-морской архив. Начальник УЦГАЛ назначался и увольнялся управляющим ЦАУ РСФСР. Выдвижение кандидатов на руководящие должности (начальник, заместитель начальника, зав. административно-хозяйственным отделом и зав. реставрационной мастерской), а также перемещение и увольнение рядовых работников происходило по согласованию с ЦАУ (РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Оп. 2. Д. 1а. Л. 1–1 об.).

Об истории трансформации системы управления государственными архивами в Ленинграде см.: *Раскин Д. И.* Организация управления петроградскими (ленинградскими) архивами в 1918–1945 гг.: система, учреждения, люди // История и архивы. 2019. № 2. С. 49–62.

²⁶ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Оп. 2. Д. 1 а. Л. 3.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. Архив РГИА. Оп. 1. Д. 815. Л. 81.

²⁸ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 2. Д. 108. Л. 2.

²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 795. Л. 7–8 об.

³⁰ Соловьев И. Н. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (1724–1974 гг.): доклад для Научного совета, посвященного 250-летию архива. 1974 г. / СИФ РГАВМФ. № 1425. Л. 21.

³¹ Вместе с центральными архивами Москвы и Ленинграда в Чкаловской области были размещены архивы и музейные коллекции Прибалтики, Украины, Карелии (*Панина Т. С.* Место эвакуации – Чкаловская область (о сборнике архивных документов) // komarchive.orb.ru/files/content/publish/chkalo.docx; дата обращения – 23.07.2019). Всего в восточные районы СССР было эвакуировано свыше 14 миллионов наиболее ценных дел Государственного архивного фонда СССР. Документы архивов Ленинграда заняли 59 вагонов (*Максаков В. В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969. С. 386; ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 854. Л. 106).

³² РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 2. Д. 219. Л. 34, 35 а; Оп. 3. Д. 39 а. Л. 31; Оп. 5. Д. 218. Л. 5. Инициалы сотрудника Сазонова установить не удалось.

³³ <https://rgavmf.ru/novosti-rgavmf/otkrytie-memorialnoy-doski>; дата обращения – 12.11.2020.

³⁴ РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 5. Д. 245. Л. 34.

³⁵ Например, Н. В. Жмакин упоминает, что 28 февраля 1942 г. у него «*был сильный сердечный припадок*», хотя до этого сердце было совершенно здоровым (Там же. Д. 191. Л. 13).

³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 34.

³⁷ Там же. Д. 252. Л. 38.

³⁸ Там же. Оп. 5. Д. 205. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 5, 6, 9.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 2. Д. 1217. Л. 47.

⁴¹ Там же. Л. 69.

⁴² РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 2. Д. 2339. Л. 63.; Оп. 2. Д. 2340. Л. 101.

⁴³ Там же. Оп. 10. Д. 12. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 39.

⁴⁵ Там же. Оп. 10. Д. 12. Л. 63; Оп. 2. Д. 2638. Л. 8.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-2232. Оп. 1. Д. 94. Л. 10–11; СИФ РГАВМФ. Инв. № 1009. Л. 21.

⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 89. Л. 25; Ф. Р-749. Оп. 2. Д. 2638. Л. 7.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-749. Оп. 7. Д. 31. Л. 52; «Архивы России»: [2008]. – URL: http://www.rusarchives.ru/news/rgavmf_open1.shtml; дата обращения – 17.03.2013).

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. Р-2232. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 1.

⁵¹ СИФ РГАВМФ. Инв. № 1375. Л. 11.

⁵² РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 2. Д. 3463. Л. 95.

⁵³ Там же. Д. 3464. Л. 33–34.

Курносов С. Ю.

**Взаимодействие Российского государственного
архива Военно-Морского Флота и Центрального
военно-морского музея имени императора
Петра Великого: выставочные проекты
и научно-исторические исследования**

Российский государственный архив Военно-Морского Флота и Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого связывают многолетние отношения. И это выражается не только в том, что оба учреждения были основаны велением царя-реформатора Петра I.

24 (11) января 1709 г. начинается история Санкт-Петербургской модель-камеры – хранилища корабельных моделей, чертежей и других документов, имеющих отношение к кораблестроению, от которой ведет свою историю Центральный военно-морской музей. Модель-камера подчинялась обер-сарваеру (главному инспектору кораблестроения). Именным указом от 22 (11) декабря 1717 г. была образована Адмиралтейств-коллегия¹, которая стала главным органом управления Российского флота. Ей автоматически была подчинена Обер-сарваерская контора.

28 (17) января 1724 г. по «изустному» указу Петра I был образован архив Адмиралтейств-коллегии: «для собирания дел в архиву определить архивариуса и к нему копиистов»². От этой даты ведет свою историю Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Созданный при высшем органе управления флотом, архив стал собирать документы

подчиненных Адмиралтейств-коллегии учреждений и организаций Военно-Морского Флота, в том числе и Санкт-Петербургской модель-камеры. В начале XIX века коллежская система управления государством заменяется министерской. В 1827 г. в связи с упразднением Адмиралтейств-коллегии ее архив становится отделением Инспекторского департамента и со временем преобразуется в Общий архив Морского министерства.

Научно-исследовательская и научно-историческая работа ЦВММ неразрывно связана с документами, хранящимися в РГАВМФ.

При написании монографии по истории Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого³ исследователи изучали хранящиеся в РГАВМФ документы одного из старейших и крупнейших морских музеев мира, в которых рассказывается о создании Петром I Санкт-Петербургской модель-камеры, ее перемещениях в XVIII веке, деятельности Морского музеума (1805–1827), воссоздании Морского музея в 1867 г., его работе в дореволюционный период и в первые годы советской власти.

Исследовательская работа с документами из собрания РГАВМФ на протяжении многих лет проводится сотрудниками ЦВММ и при атрибуции музейных предметов, особенно моделей кораблей. Благодаря бережно сохранявшимся чертежам были переатрибутированы модели, в силу различных причин потерявшие свои исторические названия. Огромная помощь в установлении источников поступлений музейных предметов происходит благодаря так называемым книгам поступлений дореволюционного периода истории музея, которые были переданы в РГАВМФ в советское время.

11 сентября 2019 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2028-р, подписанным председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым, Центральному военно-морскому музею было при-

своено почетное наименование «имени императора Петра Великого»⁴. Это стало возможным в том числе и благодаря документам, хранящимся в РГАВМФ.

Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого тесно взаимодействует с Российским государственным архивом Военно-Морского Флота и в выставочных проектах.

Среди масштабных выставок последних двух десятилетий можно назвать выставку к 310-летию ЦВММ «Сокровищница Российского флота» (2019 г.)⁵, на которой история музея была представлена как процесс формирования его коллекций, сделавшей его национальным морским музеем России, хранителем традиций и боевой славы флота. На выставке было представлено около 50 документов из собрания РГАВМФ, относящихся к истории Морского музея России.

К 350-летию со дня рождения императора Петра I в ЦВММ была развернута выставка «Под штандартом Петра Великого» (2022 г.)⁶, экспозиция которой была посвящена истории становления и развития регулярного Военно-Морского Флота нашей страны. На этой выставке было представлено более 100 документов РГАВМФ.

В 2023 г. к 320-летию со дня основания Санкт-Петербурга Центральный военно-морской музей представил сразу две выставки «Санкт-Петербург – морская столица России»⁷ и «От Морской слободы к морской столице»⁸, для которых Российский государственный архив Военно-Морского Флота любезно предоставил для экспонирования более 40 документов, карт, планов и чертежей.

В свою очередь в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого хранятся предметы, некогда принадлежавшие Музею архива и поступившие в ЦВММ в 1920-е годы. Два из них были представлены на выставке к юбилею Санкт-Петербурга: альбом фотографий «Линейные корабли “Тангут” и “Полтава”. Адмиралтейский

судостроительный завод. 1909–1914 гг.» и модель памятника миноносцу «Стерегущий», работы скульптора К. В. Изенберга, изготовленная в 1911 году.

Надеемся, что партнерские отношения ЦВММ и РГАВМФ будут продолжены и оба учреждения еще не один раз представят широкой публике совместные выставочные и научно-исследовательские проекты.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5 (1713–1719). № 3129. С. 525.

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота. 300 лет истории / отв. сост. А. Ю. Емелин; авторы-составители Л. И. Буслова, Ю. Т. Вартамян, О. А. Зотова, А. Ю. Емелин и др. М., 2023. С. 8.

³ История Центрального военно-морского музея. 1709–2019 гг. СПб., 2019. 760 с.: ил.

⁴ <https://rulaws.ru/government/Rasporiyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-11.09.2019-N-2028-r/>; дата обращения – 02.11.2023).

⁵ Сокровищница Российского флота. К 310-летию Центрального военно-морского музея. Художественный альбом / С. Ю. Курносов, О. Б. Курносова. СПб., 2019. 504 с.: ил.

⁶ Под штандартом Петра Великого. К 350-летию со дня рождения императора Петра I. Каталог выставки / О. Б. Курносова. СПб., 2022. 256 с.: ил.

⁷ Санкт-Петербург – морская столица России. К 320-летию со дня основания Санкт-Петербурга. Каталог выставки / О. Б. Курносова. СПб., 2023. 256 с.: ил.

⁸ От Морской слободы к морской столице. Исторический очерк / М. С. Олейник, Н. А. Венков. СПб., 2023. 144 с.: ил.

Назаренко К. Б.

**Российский государственный архив ВМФ
и исторический факультет (Институт истории)
Ленинградского-Санкт-Петербургского
государственного университета**

Невозможно представить себе работу историка без изучения письменных источников, а главным местом их хранения является архив. Поэтому не будет преувеличением сказать, что историки и архивы скованы одной цепью.

Можно предположить, что сотрудничество исторического факультета Ленинградского университета и Центрального государственного архива ВМФ началось те давние времена, когда сам факультет еще не существовал в современном виде. Так, в начале 1920-х гг. в архиве работал профессор Петроградского университета А. И. Заозерский (1874–1941), изучавший историю несостоявшейся экспедиции на о. Мадагаскар во времена Петра Великого¹. А. И. Заозерский работал в Университете в 1915–1923 гг. приват-доцентом и профессором кафедры Русской истории, его основные интересы лежали в области социальной истории России XVII в.²

Исторический факультет ЛГУ, каким он известен сейчас, начал работу 1 сентября 1934 г., после опубликования 16 мая того же года постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

За истекшие годы сотни историков прикасались к сокровищам архива. Не будет преувеличением сказать, что академик Е. В. Тарле (1874–1955) был самым выдающимся из из-

вестных историков, связывавших ЦГАВМФ СССР и Истфак ЛГУ. Еще до Великой Отечественной войны он был читателем архива, занимая в 1934–1946 гг. должность профессора Исторического факультета³. Евгений Викторович широко использовал материалы ЦГАВМФ, посвятив не одно исследование истории отечественного флота⁴.

Еще первые студенческие научные публикации С. Б. Окуня (1908–1972) были посвящены революционному движению в русском флоте. Семен Бенцианович, работавший на истфаке ЛГУ с 1937 г.⁵, известен своим блестящим лекторским мастерством. Он – автор фактически первого научного труда по истории Российско-американской компании⁶. В своих исследованиях С. Б. Окунь широко использовал документы ЦГАВМФ. Даже во время Великой Отечественной войны историк не прерывал связи с архивом – 23 июля 1941 г. он оформил разрешение на работу в читальном зале архива, планируя подготовить брошюру о гибели на русских минах флотилии немецких миноносцев в Финском заливе в 1916 г.⁷ В конце 1940-х гг. С. Б. Окунь являлся редактором рукописи путеводителя по фондам архива, который по разным причинам так и не был опубликован⁸. Семен Бенцианович прививал студентам любовь к архивной работе, многие его ученики были читателями ЦГАВМФ.

В состав Научного совета ЦГАВМФ СССР и РГАВМФ в разные годы входили известные историки – профессора истфака⁹. Среди них был А. Л. Шапиро (1905–1994). Александр Львович, профессиональный историк, ушел в народное ополчение в 1941 г. Во время Великой Отечественной войны и в последующие годы он находился на преподавательской работе в ряде военно-морских учебных заведений, завершив свою военную карьеру начальником кафедры истории военно-морского искусства Калининградского высшего военно-морского училища. С 1956 г. и до самой смерти Александр Львович был профессором истфака ЛГУ¹⁰. Во

время своей военно-преподавательской службы А. Л. Шапиро защитил докторскую диссертацию, посвященную истории флота¹¹, но после ухода с военной службы он сосредоточился на истории аграрной экономики XV–XVII вв.

Преемником А. Л. Шапиро в качестве представителя ЛГУ в Научном совете ЦГАВМФ в конце 1970-х – середине 1980-х гг. был Л. С. Семенов (1930–1986). Ученик С. Б. Окуня, он работал на истфаке доцентом, позднее профессором с 1962 г.¹² В центре его внимания находились, прежде всего, вопросы международной политики России в 1-й пол. – сер. XIX в., преимущественно на Ближнем Востоке. Леонид Сергеевич также занимался историей экономических отношений России и Англии в середине XIX в. Его перу принадлежит монография, посвященная Афанасию Никитину¹³.

Во второй половине 1980-х гг. членом Научного совета ЦГАВМФ стал Г. Л. Соболев, ученик известного археографа С. Н. Валка (1887–1975)¹⁴. Геннадий Леонтьевич работает на истфаке с 1986 г., в 1986–1997 гг. он заведовал кафедрой Истории советского общества (позднее – Новейшей истории России)¹⁵. Геннадий Леонтьевич сосредоточил свои научные усилия на изучении истории рабочего движения в Петрограде во время революции 1917 г.¹⁶ и истории блокады Ленинграда¹⁷. Полученные в студенческие годы навыки работы с архивными документами Г. Л. Соболев блестяще реализовал в своих трудах. Это особенно хорошо почувствовал автор этой статьи во время подготовки докторской диссертации¹⁸, научным консультантом которой выступал Геннадий Леонтьевич.

Ю. Г. Алексеев (1926–2017), насколько мне известно, не был читателем ЦГАВМФ, но его нельзя не вспомнить в контексте связей истфака и военно-морского флота. Юрий Георгиевич был кадровым офицером флота, получившим тяжелую травму во время боевого траления в 1951 г. и вынужденным покинуть флот. Еще во время службы он начал

учиться заочно на истфаке ЛГУ, и затем много лет работал в Ленинградском отделении Института истории. С 1992 г. и до последних дней жизни Ю. Г. Алексеев был профессором истфака¹⁹. Областью его научных интересов была история России XV в., он внес выдающийся вклад в достойную оценку грандиозной фигуры Ивана III²⁰ как основателя централизованного русского государства, занимался и социальной историей крестьянства позднего средневековья. История флота формально не входила в круг научных интересов Юрия Георгиевича, но он любил порассуждать о ней на своих спецкурсах (вообще-то посвященных истории русского крестьянства). На автора этой статьи, тогда студента, построения Ю. Г. Алексеева произвели сильное впечатление и во многом определили мои подходы к ряду вопросов как исследователя. Невозможно забыть, как с непередаваемой иронией Юрий Георгиевич произносил фразу «Все это, голубчик, вензеля Генерального штаба!» (иногда: «...Морского Генерального штаба!»), когда кто-то из присутствующих, при обсуждении тех или иных военных событий прошлого, начинал излагать переусложненные концепции и излишне замысловатые теории. У Ю. Г. Алексеева было редкое качество – исключительное внимание к студентам, неподдельный интерес к первым шагам исследователей на научном поприще, умение ободрить и поддержать молодого ученого. До последних лет жизни он сохранил исключительно крепкое рукопожатие, которым удостаивал, как благословением.

В наши дни сотрудничество Института истории СПбГУ и РГАВМФ продолжается. Профессор А. В. Смолин (род. 1947), член Научного совета архива, вспоминает: «С материалами РГАВМФ я работаю с 1974 г. Сначала это были фонды, раскрывающие деятельность балтийских моряков на защите Петрограда от войск Родзянко – Юденича в 1919 г. для кандидатской диссертации. Затем материалы архива были включены в книгу «Белое движение на Северо-Западе России в 1918–1920 гг.»²¹.

Материалы архива использовались в книге “Два адмирала. А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г.”²². На материалах архива написана книга “Взлет и падение адмирала Колчака”. Стенограммы переговоров о перемирии в Раяйоках и Юрьеве стали основой монографии “Новый Брест. Тартусский мир Советской России с Финляндией 1920 г.”²³. Фонды архива стали основой монографии “Е. А. Беренс 1876–1928. На службе России”²⁴. Являлся научным редактором двухтомника “Кронштадтский Совет в 1917 г. Протоколы и постановления”. Значительная часть материалов архива использована в сборнике “Россия и независимая Финляндия 1899–1920 гг. в трех томах. Т. 3 От противостояния к миру 1917–1920 гг.”».

Профессор П. А. Кротов (род. 1961), работающий на истфаке с 1996 г., отмечает, что у него остались самые приятные воспоминания о продолжавшейся более четырех десятилетий работе в ЦГАВМФ-РГАВМФ, с февраля 1980 г. После сдачи экзаменов на зимней сессии, будучи студентом 2 курса исторического факультета ЛГУ, он направился изучать избранную им тему о русской военно-морской экспедиции к Гданьску в 1734 г. в рамках участия в специальном семинаре заслуженного деятеля науки РСФСР профессора В. В. Мавродина. «Зеленый» второкурсник сразу же получил для изучения подлинники шканечных журналов кораблей и небольших судов участников этого похода русского флота. Вид оригиналов старинных документов, запах и шершавость потемневшей за два с половиной столетия бумаги навсегда предопределили его методику исторических исследований – идти к изучению событий, явлений и процессов от материалов делопроизводства. Старинные рукописи очаровали юного тогда историка. Как итог, за истекшие десятилетия по истории Российского флота П. А. Кротовым были защищены две диссертации, кандидатская «Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века»²⁵ и докторская «Российский флот на Балтике при Петре Великом»²⁶,

опубликованы по истории отечественного Военно-Морского Флота шесть монографий²⁷ и десятки статей, сделано немало выступлений для телевидения и т. д. С особой теплотой историк вспоминает заведующую читальным залом Евгению Ивановну Зугман, сотрудников архива Валерию Семеновну Гигаури, Иоахима Абрамовича Лившица, Виля Николаевича Гудкина-Васильева.

Профессор М. Ф. Флоринский (род. 1952), работающий на факультете с 1978 г.²⁸, вспоминает: «В своей профессиональной деятельности я был (так уж получилось) сравнительно слабо связан с Российским государственным архивом Военно-Морского Флота. О самом его существовании (тогда он именовался Центральным государственным архивом Военно-Морского Флота СССР) я впервые узнал весной 1972 г., когда мы – студенты 2 курса исторического факультета – изучали архивоведение. Полученные тогда знания об архивах, об их деятельности закреплялись во время архивной практики, которую мы проходили уже на 3 курсе в сентябре 1972 г. Правда, наша группа – историки дореволюционной и советской России – приобретали навыки работы в архивах в Центральном государственном историческом архиве СССР (ныне Российский государственный исторический архив). Однако местом практики для многих моих друзей – студентов кафедр истории Древней Греции и Рима, истории средних веков, истории нового и новейшего времени – стал именно военно-морской архив. Своими впечатлениями мы, естественно, делились друг с другом и, по рассказам моих сокурсников, работавших там, полученный ими опыт являлся чрезвычайно полезным, а практика прошла интересно. Впоследствии, в конце 1970-х – начале 1980-х гг., мне уже в качестве преподавателя, курировавшего прохождение архивной практики студентами – вечерниками, довелось слышать от них столь же высокие оценки результатов своего знакомства в стенах военно-морского архива с его деятельностью.

Лично мне, к сожалению, пришлось лишь однажды, весной 1977 г., работать с хранящимися там документами. Впрочем, столь краткое знакомство с ними оказалось на редкость продуктивным. Я тогда завершал подготовку кандидатской диссертации, посвященной организации и деятельности Совета министров Российской империи в 1907–1914 гг.²⁹ Основная работа велась в Центральном государственном историческом архиве СССР, где хранился фонд Совета министров. В процессе сбора материала мне удалось найти документы, отразившие плохо изученную, но весьма показательную попытку П. А. Столыпина реформировать Совет министров в конце 1908–1909 гг. В соответствующем деле, хранящемся в фонде Совета, в силу каких-то обстоятельств большинство документов не имело даты. Это, естественно, не позволяло делать какие-либо определенные выводы относительно того, что, собственно, происходило тогда на российском бюрократическом Олимпе. Знакомство с документами, отложившимися в архиве военно-морского флота, в фонде Канцелярии морского министра, позволило в основном решить эту проблему. Как член Совета министров, морской министр получал многие материалы, отражавшие деятельность правительства. В данном случае документы такого рода, хранящиеся в фонде Канцелярии морского министра, как раз содержали информацию, позволившую составить довольно полное представление о последовательности действий кабинета П. А. Столыпина во время упомянутой попытки главы правительства реформировать Совет».

Не могу не упомянуть, что Михаил Федорович был научным руководителем автора этой статьи в студенческие годы (со 2 курса) и во время подготовки кандидатской диссертации. Именно он предложил тему диссертации, связанную с реформированием аппарата Морского министерства после русско-японской войны³⁰. Благодаря этому творческому импульсу, я впервые переступил порог РГАВМФ в 1998 г. С тех

пор многое изменилось – у архива появилось новое здание на Серебристом бульваре, исчез уютный уголок у гардероба под винтовой лестницей в здании на Миллионной улице, где стоял старый шахматный стол (он, кстати, продолжает стоять почти на том же месте) и пара стульев, и где исследователи могли попить чаю из термоса и съесть бутерброд. В этом же уголке происходили знакомства коллег, обсуждение научных проблем. Впрочем, в наши дни его место заняла более просторная комнатка на Серебристом бульваре, где появился кулер и мягкие диваны – несомненно, условия работы читателей улучшились. В конце 1990-х гг. топили плохо, и вспоминается, как иногда приходилось греть руки на бесподобно теплом аппарате старого образца для чтения микрофильмов. Но и эта проблема сейчас успешно решена, и читателям не приходится жаловаться на холод в читальных залах, как на Миллионной, так и на Серебристом. Однако любые бытовые трудности отходили далеко на задний план, когда в руки попадали исторические документы, о чем так хорошо сказал П. А. Кротов. Не могу не вспомнить заведующую читальным залом Наталью Алексеевну Гоц, которая с истинно материнской заботливостью относилась к молодым исследователям.

Новичка в архиве в здании на Миллионной можно было узнать сразу – он не знал, насколько тяжела железная дверь в читальный зал и, пытаясь ее закрыть, громко хлопал ею. Я почему-то очень хорошо запомнил походку В. Н. Гудкина-Васильева, по которой можно было узнать, сидя в читальном зале, что он идет по коридору. Он производил на меня одним своим видом впечатление живого хранителя прошлого.

Постепенно среди сотрудников архива мне начали встречаться те, кого знал еще студентами истфака. Среди них – Д. А. Гаврилюк, Д. В. Гусев, Л. А. Ершов-Заленский, П. Ю. Мажара, Е. Н. Мажара (Неранова), Д. М. Фатеев, В. П. Ципленкин. Но этим кругом число работников архива, окончивших исторический факультет ЛГУ-СПбГУ,

не ограничивается. В разные годы в архиве трудились и трудятся заместители директора архива В. Е. Надводский, Т. П. Мазур, Т. С. Федорова и А. Ю. Емелин, начальники отделов В. И. Александрова, Н. А. Калинина, Т. Д. Лысикова, В. С. Гигаури, Г. В. Мартынова, В. Н. Гудкин-Васильев, Л. И. Буслова и О. А. Зотова, многолетние заведующие читальным залом Е. И. Зугман и Н. А. Гоц, сотрудники архива А. А. Брегман, А. А. Головина, Б. А. Бахидзе, И. А. Лившиц, А. Е. Иоффе, Д. Н. Копелев, М. Н. Третьякова, Л. А. Юрковская, окончившие наш истфак.

Многое изменилось в архиве. Теперь уже с некоторым удивлением смотришь на читателей, которые (как и я сам 20 лет назад) делают выписки из архивных дел в тетради, тогда как большинство пользуется ноутбуками. Как-то раз С. Е. Виноградов, известный историк флота³¹, увидев, как я фотографирую микрофильмы с помощью телефона, поделился воспоминаниями о сложных конструкциях из дюралевых трубок, с помощью которых ученые, изучавшие кораблестроительные чертежи, устанавливали фотоаппараты, чтобы фотографировать их. Огромным подспорьем для исследователя стали оцифрованные описи, да еще и с возможностью поиска по ключевым словам. Признаться, я до недавнего времени не оценивал это достижение по достоинству, пользовался им без долгих размышлений. Но познакомившись с практикой некоторых других федеральных архивов, понял, что далеко не в каждом из них у читателей есть такой потрясающе удобный, экономящий время, инструмент работы.

В заключение остается пожелать, чтобы родные мне исторический факультет (Институт истории) СПбГУ и Российский государственный архив Военно-Морского Флота продолжали свою работу на благо отечественной исторической науки, во славу российского флота, чтобы не зарастала тропа, протоптанная поколениями исследователей между факультетом и архивом.

Примечания

¹ Российский Государственный архив Военно-морского флота 300 лет истории. М., 2023. С. 132–162; *Заозерский А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом // Россия и Запад: Исторические сборники под редакцией профессора А. И. Заозерского. Ч. I. Пг., 1923. С. 91–102.

² Заозерский Александр Иванович (1874–1941) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/70-zaozerskiy-aleksandr-ivanovich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

³ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/269-tarle-yevgeniy-viktorovich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

⁴ *Тарле Е. В.* Крымская война М.;Л., 1941; *Он же.* Павел Степанович Нахимов. [М.], 1944; *Он же.* Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг. М.; Л., 1945; *Он же.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; *Он же.* Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805–1807). М., 1954.

⁵ Окунь Семен Бенцианович (1908–1972) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/84-okun-semen-bentsianovich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

⁶ *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.-Л., 1939.

⁷ Архив и историческая наука // Российский Государственный архив Военно-морского флота. 300 лет истории. М., 2023. С. 132–162;

⁸ Подробнее см.: *Козюренко К. Л., Сигал О. С.* Из истории создания путеводителей по фондам Российского государственного архива Военно-Морского Флота // Отечественные архивы. 1999. № 6. С. 10–23.

⁹ РГАВМФ. Ф. р-2232. Оп. 1. Д. 35, 37, 38, 75.

¹⁰ Шапиро Александр Львович (1905–1994) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1180-shapiro-aleksandr-l-vovich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

¹¹ *Шапиро А. Л.* Кампании русского флота на Средиземном море в 1806–1807 гг. и адмирал Д. Н. Сенявин. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 1951.

¹² Семенов Леонид Сергеевич (1930–1986) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1342-semenov-leonid-sergeyevich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

¹³ Семенов Л. С. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980.

¹⁴ Среди других его работ можно выделить: Валк С. Н. Советская археография. М.;Л., 1948;

¹⁵ Соболев Геннадий Леонтьевич (род. 1935) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/922-sobolev-gennadiy-leontyevich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

¹⁶ Соболев Г. Л. Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

¹⁷ Он же. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1–3. СПб., 2013–2016.

¹⁸ Назаренко К. Б. Морское ведомство России (1905–1921 гг.): личный состав, структура, политическая роль. Дисс. ... докт. истор. наук. СПб., 2010.

¹⁹ Алексеев Юрий Георгиевич (1926–2017) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/917-alekseyev-yuriy-georgiyevich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

²⁰ Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992 и др.

²¹ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. СПб., 1999.

²² Он же. Два Адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.

²³ Он же. Новый Брест. Тартусский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 1920.

²⁴ Он же. Е. А. Беренс 1876–1928. На службе России. СПб., 2023.

²⁵ Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1987.

²⁶ Он же. Российский флот на Балтике при Петре Великом. Дисс. ... докт. истор. наук. СПб., 1999.

²⁷ Среди них: Кротов П. А. Битва при Полтаве: к 300-летней годовщине. СПб., 2009; Он же. Осударева дорога 1702 года: пролог

основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011; *Он же*. Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013.

²⁸ Флоринский Михаил Федорович (род. 1952) // Биографика. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1137-florinskiy-mikhail-fedorovich.html>; дата обращения – 20.09.2023.

²⁹ *Флоринский М. Ф.* Совет министров России в 1907–1914 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. Л., 1978.

³⁰ *Назаренко К. Б.* Морское министерство России в 1905–1914 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2001.

³¹ *Виноградов С. Е.* Последние исполины Российского Императорского флота. М., 1999; *Он же*. Броненосец «Слава». Непобежденный герой Моонзунда. М., 2011 и др.

Петров А. Ю.

Опыт взаимодействия Института всеобщей истории РАН и РГАВМФ по изучению истории севера Тихого океана и Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII – первой половине XIX в.*

Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) имеет длительный опыт взаимодействия с РГАВМФ. Если рассматривать истоки этого процесса, то их можно определить появлением научных исследований по изучению севера Тихого океана. Такие ученые, как В. Н. Берх, П. А. Тихменев, Ф. Ф. Веселаго, активно пользовались документами ВМФ. Их исследования оказали влияние на работы известных историков первой половины XX в., в первую очередь А. В. Ефимова, А. Л. Нарочницкого и др. В это время формируется система архивов СССР, где документы архива ВМФ являются важнейшими при изучении истории севера Тихого океана.

При этом по-настоящему плодотворное взаимодействие с архивом ВМФ начинается с эпохи научной деятельности академика РАН Н. Н. Болховитинова, выдающегося отечественного ученого, лауреата Государственной премии Российской Федерации, действительного иностранного члена Американской исторической ассоциации, автора более 350 научных работ. В 50–70-х годах XX века он принял самое активное участие в подготовке многотомной серии сборни-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00043, <https://rscf.ru/project/22-18-00043/> в Институте всеобщей истории РАН.

ков документов «Внешняя политика России XIX – начало XX вв»¹. В этих книгах широко использовались сведения из архива ВМФ.

Тематика документов (и комментариев к ним), которые он готовил к изданию, была чрезвычайно широка: отношения России с США и Испанской Америкой, Российско-американская компания (РАК), Тихоокеанский север, Япония и Китай. Непосредственное участие Н. Н. Болховитинова в издании этих документов в качестве одного из составителей, авторов комментариев, а затем и члена редколлегии, длилось два десятилетия, в течение которых было опубликовано 11 томов².

В 70-х гг. XX века было признано, что именно документы ЦГАВМФ СССР могут составить основу при подготовке сборников документов.

В 1980 г. был выпущен фундаментальный сборник документов «Россия и США: становление отношений, 1732–1815». В этой работе использованы десятки уникальных документов из ЦГАВМФ СССР³, которые позволили по-новому взглянуть на становление и развитие отношений между нашими странами. Параллельно эта работа вышла в Соединенных Штатах на английском языке. На сегодняшний день эта публикация является наиболее полным собранием документов, посвященным истории российско-американских отношений за конкретный исторический период. Образцовой является археографическая обработка источников, обстоятельно и полно представлены именной и географический указатели. Эта работа получила блестящие отзывы у отечественных и зарубежных ученых. Такие историки, как П. Бирд, П. Бойл, Д. Гриффитс, М. Йоши, Р. Пирс, опубликовали свои рецензии в ведущих журналах США⁴. Так, М. Йоши указывал на важное значение работ Н. Н. Болховитинова в публикации этого труда, где удалось высветить дипломатические, культурные, научные, экономические связи между государствами⁵.

В начале 80-х гг. XX в. публикация документов по истории северной части Тихого океана была продолжена в многотомной серии «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в»⁶. Во всех томах указанной серии представлены материалы, связанные с деятельностью морских офицеров в северной части Тихого океана, в том числе договоры, рапорты, прошения, донесения в различные инстанции и др. документы⁷. Впервые представлены документы, связанные с деятельностью Г. И. Шелихова и его жены Натальи Алексеевны, Н. П. Резанова, инструкции и донесения о деятельности РАК, переписка с Адмиралтейств-коллегией, также опубликованы «правила» и «привилегии». Во всех томах содержатся разнообразные материалы о деятельности морских офицеров: И. Ф. Крузенштерна, Л. А. Гагемейстера, О. Е. Коцебу и многих других. К каждому из сборников документов прилагается подробная аналитическая статья. В изданиях имеются указатели и списки литературы, что позволяет их использовать в научных целях историкам различной специализации. В них также опубликованы копии документов, оригиналы которых находятся в Национальном архиве США.

На основе документов из РГАВМФ Н. Н. Болховитиновым были изданы монографии «Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867» (1990) и «Россия открывает Америку, 1732–1867» (1991)⁸.

Накопленные знания, огромный объем документов, а также установившиеся в процессе работы творческие связи с исследователями из России, США и Канады позволили академику РАН Н. Н. Болховитинову возглавить международный исследовательский коллектив, подготовивший трехтомный коллективный труд «История Русской Америки, 1732–1867»⁹. Практически все авторы этого труда использовали документы РГАВМФ. Эта работа собрала большое количество рецензий в ведущих исторических журналах России

и США. Первый том охватывает события от первых экспедиций в северную часть Тихого океана до времени образования Российско-американской компании, к 200-летию юбилею которой и был приурочен выпуск трехтомника. Во втором томе рассматриваются события от момента становления колонии до заключения конвенций с Соединенными Штатами и Англией 1824–1835 гг., официально закрепивших за Россией границы ее американского владения. И, наконец, третий том освещает сложный и драматический период деятельности РАК в Северной Америке вплоть до продажи Аляски США. Хотя Н. Н. Болховитинов уже был автором десятков работ по Русской Америке, многие мысли, высказанные им в предыдущих публикациях, были им творчески переосмыслены и развиты в трехтомнике. Так, он отмечал, что Россия, уступив свои владения в Америке США, оказалась первой европейской державой, отказавшейся от своих заморских колоний; российское правительство поддерживало при этом развитие России как континентальной, а не морской державы. Болховитинов подчеркивал, что договор ликвидировал какие-либо противоречия и претензии по территориальным вопросам, при этом создал предпосылки того, чтобы север Тихого океана стал ареной не конфронтации, а сотрудничества. Указанный вывод Болховитинова основывался на документах РГАВМФ¹⁰. Сегодня мы видим, что эти слова Болховитинова активно воплощаются в жизнь, и именно Аляска и Калифорния становятся основными территориями, на которых развивается сотрудничество между Россией и США в самых разных областях. Долгие годы, проведенные в архивах по выявлению документов по истории Русской Америки, и размышления над судьбой русских колоний привели к важным выводам ученого о сходстве и различии в колонизации Сибири и Америки, при этом Болховитинов предложил свое видение особенностей и отличительных черт российской колонизации в Америке от английской и испанской.

Благодаря трехтомнику «История Русской Америки» изучение истории русских колоний в северной части Тихого океана получило дальнейшее развитие не только в ведущих исследовательских центрах России, но и в российских региональных исследованиях. Н. Н. Болховитинов неоднократно отмечал, что именно отечественные изыскания по истории Русской Америки не только успешно конкурируют с зарубежными работами по данной тематике, но и опережают их по целому ряду показателей.

Если вплоть до начала XXI в. региональные исследования отличались явно недостаточным использованием документов РГАВМФ, то в настоящее время ситуация изменилась, и ученые в таких городах, как Архангельск, Кемерово, Иркутск, Ярославль, Вологда опубликовали работы, в которых активно привлекаются фонды архива, в результате чего удалось изучить особенности взаимодействия РАК с Китаем, освоения Курильских островов, Дальнего Востока и р. Амур¹¹.

В настоящее время сложно представить себе осуществление любого из проектов, связанного с изучением истории севера Тихого океана, без материалов фондов РГАВМФ. Особо следует отметить работников архива, которые на протяжении более 30 лет работы автора статьи проявляли профессионализм и оказывали помощь в проведении исследований. Уникальные специалисты архива Т. С. Федорова и Л. И. Спиридонова внесли значительный вклад в изучение истории севера Тихого океана. Развитие сотрудничества ИВИ РАН и РГАВМФ происходит на международных конференциях за рубежом («Диалог Форт Росс») и в России, в том числе в Петропавловске-Камчатском (Крашенинниковские чтения). Участие работников архива во всех новейших конференциях, организованных ИВИ РАН, подтверждает активное развитие сотрудничества организаций¹². Во всех новейших монографиях, посвященных истории Русской Америки, подготовленных в ИВИ РАН, используются документы

РГАВМФ¹³. В свою очередь, на сайте архива регулярно появляется информация о развитии связей с ИВИ РАН¹⁴. Директор РГАВМФ В. Г. Смирнов и его заместитель А. Ю. Емелин поддерживают и развивают данное сотрудничество.

Таким образом, можно с уверенностью отметить, что взаимодействие ИВИ РАН и РГАВМФ представляет собой один из редких, но важнейших элементов взаимодополнения и развития академической науки и архивного дела, приносящий конкретные результаты.

Примечания

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. Т. 1–8. (VIII). М., 1960–1972; Серия II. 1815–1830 гг. Т. 1(IX) – 8 (XII). М., 1974–1995.

² *Болховитинов Н. Н.* Материалы к биографии ученых. Исторические науки. Вып. 22. М., 2002. С. 14–15.

³ Такое название архив носил в то время.

⁴ Подробнее см.: Зарубежные рецензии на советско-американское издание документов об отношениях России и США. Отв. редактор *Н. Н. Болховитинов*. М., 1988.

⁵ *Там же*. С. 43–44.

⁶ Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Сер.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. / Ред. А. Л. Нарочницкий. Т. 1. М.: Наука, 1984; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. док. / Ред. А. Л. Нарочницкий и др. Т. 2. М.: Наука, 1989; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. Сб. док. / Ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Н. Болховитинов. Т. 3. М.: Наука, 1994; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / Ред. Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, А. Ю. Петров, Т. С. Федорова. Т. 4. М.: Наука, 2005; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867 / ред. А. Ю. Петров. Т. 5. М., 2010.

⁷ Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. документов. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. М., 1989.

⁸ *Он же*. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.

⁹ История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. / Под ред. Н. Н. Болховитинова. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997; Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1997, 1999; Т. 3. История Русской Америки: от зенита к закату (1825–1867). М., 1999. Т. 3. С. 7.

¹⁰ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841–1867 / ред. А. Ю. Петров. Т. 5. М., 2010. С. 402–405.

¹¹ С. И. Жук писал, что у Н. Н. Болховитинова было три ученика (аспиранта): Я.А. Иванченко, С. И. Жук и А. Ю. Петров (Zhuk S. I. Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR. People's diplomacy in the Cold War. Lexington books, NY, London, 2017. P. 266).

¹² Международная конференция «Борьба за колонии на Севере Тихого океана в XVIII – первой половине XIX вв.», 1 декабря 2022 г. // URL: <https://igh.ru/events/borba-za-kolonii-na-severetihogo-okeana?locale=ru&ysclid=liy55fa4x6424938433>

¹³ Интервью, проведенное М. А. Липкиным с А. Ю. Петровым о монографии А. Ю. Петрова «Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана», 27 декабря 2022 г. // URL: <https://igh.ru/news/institut-vseobschei-istorii-ran-nachinaet-zapusk-podkastov?locale=ru&ysclid=liy5u6qr3v797124932>

¹⁴ Посещение РГА ВМФ А. Ю. Петровым, 1 марта 2023 г. // URL: <https://rgavmf.ru/novosti-rgavmf/novyy-trud-doktora-istoricheskikh-nauk-ayu-petrova>

Кузнецов Н. А.

**Дом русского зарубежья имени
Александра Солженицына и РГАВМФ:
два десятилетия плодотворного сотрудничества**

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» – уникальный комплекс, состоящий из музея, архива, библиотеки, научно-исследовательского, информационно-издательского и культурно-просветительского центров, чья деятельность нацелена на сосредоточение и изучение культурного наследия русского зарубежья, развитие отношений и укрепление связей с соотечественниками за пределами России.

В декабре 1995 г. в помещении бывшей московской городской библиотеки № 17 открылась библиотека-фонд «Русское Зарубежье», учредителями которой стали парижское русское издательство «УМСА-Press», Русский Общественный Фонд Александра Солженицына и Правительство Москвы. В 2009 г. распоряжением Правительства Москвы, «Общедоступная Библиотека-Фонд “Русское Зарубежье”» переименована в «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына» (ДРЗ им. А. Солженицына). Сегодня ДРЗ им. А. Солженицына является одним из ведущих учреждений, занимающихся собиранием и изучением многогранного наследия русской эмиграции. С момента создания Дома, его возглавляет историк, деятель культуры Виктор Александрович

вич Москвин, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Фонды ДРЗ им. А. Солженицына активно пополняются за счет многочисленных даров русских людей, рассеянных по всему миру, благодаря их бескорыстию, жертвенности и исторической ответственности. Эти бесценные реликвии стали основой экспозиции Музея русского зарубежья, торжественно открытого в мае 2019 г. в присутствии большого числа видных общественных, политических и культурных деятелей России и других стран, представителей различных организаций, а также Русской православной церкви. Экспозиция музея ярко отображает страницы истории второй России – зарубежной, созданной людьми, вынужденными покинуть родину, но сохранившими и приумножившими на чужбине ее историческое, культурное и духовное наследие.

Важным направлением деятельности ДРЗ им. А. Солженицына является изучение и сохранение военно-исторического наследия русской эмиграции. Именно русская военная эмиграция стала одним из «краеугольных камней» феномена русского зарубежья. Чины Белых армий и флота, в массе своей организованно покинувшие Россию после завершения активной фазы Гражданской войны, в течение длительного времени сохраняли военную организацию, а впоследствии создавали различные объединения, задачей которых была как взаимопомощь в непростых условиях эмигрантской жизни, так и осмысление военного опыта, а также сохранение и изучение военной истории и культуры. Благодаря подвижнической деятельности эмигрантов – представителей армии и флота, в Россию, начиная с 1990-х гг. возвращается огромный пласт сохраненных ими совершенно уникальных материалов, рассказывающих о неизвестных (в большинстве случаев) страницах ратного прошлого нашей страны.

В 2004 г. в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» начал работу сектор истории военной эмиграции научно-исследова-

тельского отдела истории русского зарубежья. Его возглавил известный военный историк Андрей Сергеевич Кручинин. В 2013 г. сектор был преобразован в отдел военно-исторического наследия (заведующий отделом – А. С. Кручинин; куратор – заместитель директора ДРЗ им. А. Солженицына по вопросам культурно-исторического наследия, военный историк Игорь Владимирович Домнин).

Важную роль в работе отдела военно-исторического наследия занимает изучение различных вопросов, связанных с историей Российского флота и русской морской эмиграции. Естественно, что их серьезное изучение невозможно без тесного сотрудничества с Российским государственным архивом Военно-морского флота (РГАВМФ), которое продолжается без малого 20 лет (фактически, с самого начала работы сектора истории военной эмиграции в библиотеке-фонде «Русское зарубежье»).

Можно выделить основные направления взаимодействия ДРЗ им. А. Солженицына и РГАВМФ: использование материалов архива в публикациях и выставочных проектах, подготовленных в рамках деятельности Дома и участие сотрудников РГАВМФ в публичных мероприятиях, проводимых в ДРЗ им. А. Солженицына. Особенно хотелось бы отметить многолетнее плодотворное сотрудничество с кандидатом исторических наук Алексеем Юрьевичем Емелиным (в настоящее время – заместителем директора РГАВМФ), ставшим настоящим другом ДРЗ им. А. Солженицына.

Наиболее крупным публикаторским проектом ДРЗ им. А. Солженицына, подготовленным при участии РГАВМФ, на наш взгляд, можно назвать публикацию хранящегося в ДРЗ дневника контр-адмирала В. К. Пилкина, для которой А. Ю. Емелин составил, преимущественно по материалам РГАВМФ, разделы «Примечания и комментарии», а также «Биографии военно-морских чинов». Книга вышла в свет в издательстве «Русский Путь» в 2005 г.¹

Первой масштабной экспозицией, в которой использовались копии документов РГАВМФ, стала фотодокументальная выставка «1922 год. Дальневосточный Исход», открывшаяся 15 октября 2012 г. Выставка и состоявшийся на следующий день после ее открытия круглый стол были посвящены 90-летию оставления Приморья русскими войсками и Сибирской флотилией осенью 1922 г. После завершения экспонирования в стенах ДРЗ им. А. Солженицына, выставка была показана во Владивостоке (в музее Дальневосточного федерального университета), на борту учебного парусного судна «Седов», часть маршрута кругосветного плавания которого проходила по пути эвакуации Сибирской флотилии, а также в Шанхае (в помещении Генерального консульства Российской Федерации). В 2022 г. обновленный вариант выставки был вновь показан во Владивостоке, к 100-летию юбилею Дальневосточного Исхода.

Из других выставок, подготовленных с участием РГАВМФ, отметим следующие: «Русский триумф на чужбине: пионер видеоэры инженер Александр Понятов» (2013 г.); «Круг Земной Русского Зарубежья. Географические карты из эмигрантских собраний» (2016 г.). На этой выставке совместно с РГАВМФ был подготовлен раздел, посвященный выдающемуся историку картографии, офицеру Российского флота Л. С. Багрову. В 2017 г. начала работу выставка «Странник полуночной земли. К 150-летию со дня рождения вице-адмирала Н. Н. Коломейцева (1867–1944) – выдающегося полярного исследователя». В 2018–2020 гг. она демонстрировалась в Санкт-Петербурге (в Штаб-квартире Русского географического общества), Архангельске (в Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова), Омске (в Центре изучения истории Гражданской войны), Полярном Мурманской области (в Городском историко-краеведческом музее г. Полярный и Музее 10-го ордена Трудового Красного Знамени судоремонтного заво-

да), Североморские Мурманской области (в Северноморском музейно-выставочном комплексе).

В 2018 г. началась история, пожалуй, самой масштабной из всех передвижных выставок, подготовленных ДРЗ им. А. Солженицына совместно с РГАВМФ – фотодокументальной выставки «Последние гардемарины», посвященной 100-летию расформирования Морского училища в Петрограде и создания Морского училища во Владивостоке. С использованием копий уникальных документов, фотографий и печатных изданий из крупнейших федеральных архивов (прежде всего – РГАВМФ) и частных собраний на выставке было рассказано о последнем периоде существования «Колыбели Флота» – Морского корпуса, об истории морских учебных заведений, созданных в период Гражданской войны и в первые годы существования русского зарубежья (в том числе и о Морском корпусе в Бизерте), о судьбах тех, кто учился в этих заведениях, а затем оказался на чужбине, либо остался на родине или вернулся в Россию, ставшую советской. В 2019–2023 гг. выставку увидели жители городов: Орел (в Орловском военно-историческом музее), Санкт-Петербург (в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого), Калининград (в Музее Мирового океана), Владивосток (в Арт-галерее «Централь»), Советская Гавань Хабаровского края (в Районном краеведческом музее им. Н. К. Бошняка).

21 мая 2023 г. (в День полярника) в ДРЗ им. А. Солженицына открылась фотодокументальная выставка: «“Мы ушли за пределы жизни...”». К 120-летию спасательной экспедиции на остров Беннетта под руководством А. В. Колчака». Она посвящена не только страницам истории Русской полярной экспедиции 1900–1902 гг. и спасательной экспедиции 1903 г. (значительная часть материала этих разделов представлена копиями документов РГАВМФ), но и другим экспедициям, посетившим остров Беннетта, начиная с его

открытия в 1881 г. и вплоть до 2022 г. Как и другие подобные проекты, выставка была продемонстрирована не только в Москве. В ноябре 2023 г. она открылась в Музее Мирового океана (г. Калининград).

В ДРЗ им. А. Солженицына проводится немало мероприятий, посвященных различным аспектам военной истории. Это конференции и круглые столы (особо хочется отметить мероприятия подобного рода, посвященные 90-летию и 100-летию Первой Мировой войны; Дальневосточного Исхода 1922 года), а также цикл ежегодных тематических вечеров, приуроченных к различным памятным датам. С 2005 г. в ДРЗ им. А. Солженицына отмечается День Святого Павла Исповедника (6 (19) ноября) – праздник Морского корпуса). Этот день праздновался флотскими офицерами как в России, так и в эмиграции. В ДРЗ им. А. Солженицына каждый год в ноябре проводится вечер «Под сенью Андреевского флага», в рамках которого исследователи выступают с докладами и сообщениями на различные темы, связанные с морской историей (при их подготовке практически всегда используются материалы РГАВМФ), проводятся презентации изданий соответствующей тематики.

С 2008 г. в ДРЗ им. А. Солженицына периодически организуются встречи авторов, членов редколлегии и читателей альманаха «КОРТИК. Флот. История. Люди» – уникального издания, посвященного, прежде всего, изучению биографий людей, связанных с отечественным флотом, выпускающегося издательством «Гангут» при поддержке РГАВМФ с 2003 г.

16 февраля 2015 г. в ДРЗ им. А. Солженицына состоялся вечер памяти мичмана Ю. А. Шеманского (1898–1983) – участника Белого движения на Дальнем Востоке России, участника легендарного похода через три океана, предпринятого в 1920 г. на вспомогательном крейсере «Орел» и посыльном судне «Якут» – на этих кораблях ушли из Владивостока в белый Крым гардемарины Морского училища

во Владивостоке. В 1923 г. Шеманский вернулся на родину. Здесь он работал на гражданском флоте и в различных учреждениях. Шеманский оставил воспоминания о событиях Гражданской войны, в которых ему довелось принять участие. В советское время они не могли быть опубликованы. Архив Шеманского удалось найти автору настоящей статьи. При уточнении биографических данных Ю. А. Шеманского неоценимую помощь оказали документы, хранящиеся в РГАВМФ.

Отдельно отметим, что сотрудники ДРЗ им. А. Солженицына периодически оказывают помощь своим коллегам из РГАВМФ, консультируя их, в частности, по вопросам биографий представителей Российского флота, оказавшихся в эмиграции. В то же время ряд сотрудников ДРЗ плодотворно работал в читальных залах РГАВМФ, получая советы по поиску нужной им информации.

Даже беглый обзор сотрудничества ДРЗ им. А. Солженицына и РГАВМФ показывает, что у обоих учреждений имеется немало «точек соприкосновения» в области изучения различных вопросов истории отечественного флота и сохранения его духовного, культурного и научного наследия. Нет сомнений в том, что совместная работа будет продолжаться и в дальнейшем, и впереди ДРЗ им. А. Солженицына и РГАВМФ ждет немало ярких и интересных совместных проектов.

Примечания

¹ *Пилкин В. К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.

Копелев Д. Н.

**У истоков Русского географического общества.
Великий князь Константин Николаевич:
становление патриота, моряка и географа***

Составить суждение о государственном деятеле всегда непросто: он противоречив, изменчив, неоднозначен, иногда настолько скрыт под маской, что лишает возможности увидеть в нем черты реального человека. И вероятность ошибочности суждений велика, особенно, если в центре внимания оказывается представитель правящей династии, в нашем случае великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота, один из инициаторов «Великих реформ» и председатель Русского географического общества. Социальный и психологический образ великого князя мало понятен в современном прочтении, так как принадлежал Константин Николаевич к иной, трудно уловимой современным миром культуре властной императорской элиты с присущими ей кодексом божественного происхождения и голубой кровью, духом избранности, аристократизмом и кастовой закрытостью. И когда в чертах и поведении героя обнаруживаются просчеты, недостатки, натяжки, и, одновременно, достоинства, величие, идеалы, – задача усложняется во сто крат, заставляя все время балансировать на тонких гранях и подвергать сомнению оставленные современниками свидетельства, которые, словно фотография, застигли мгновения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №. 23-28-00335.

врасплох и опровергают, подтверждают, уточняют звездные или повседневные моменты его биографии.

Выберем необходимый ракурс, оставив в стороне образ влиятельнейшего государственного деятеля – управляющего флотом и морским ведомством, председателя Государственного совета, главы либеральной «партии» и сторонника модернизации империи, – образ, достаточно хорошо изученный в историографии¹. Отойдем на шаг назад, удалившись от этого силуэта из волшебного фонаря российской истории, и осмотрим то, с чего все начиналось – с маленького принца из Зимнего дворца, ставшего председателем созданного в 1845 г. Русского географического общества. Фрейлина А. Ф. Тютчева, увидевшая в 1853 г. уже вполне сформировавшегося молодого человека, оставила нам его живое описание: у великого князя «довольно дерзкая и бесцеремонная манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жестким, но умным взглядом. Один из всей царской семьи он невысокого роста, у него красивые “романовские” черты лица, а профиль немного напоминает Наполеона в молодости. Он отличается живостью, много говорит и с большой легкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен; от него ждут с надеждой славы будущего царствования»². Подобный оценочный взгляд, яркий, пронизательный, личностный – один из многих, словно бы создающий иллюзию какой-то «легкости» его жизненного пути, и при первом «прикосновении» к биографии великого князя действительно может показаться, что его становление, взросление, изначально predeterminedное волей императора Николая I, протекало гладко, безконфликтно. Это кажущееся впечатление – становление великого князя сопровождалось немалыми трудностями, приобщение его к военно-морскому делу, географии и наукам потребовало от него предельной концентрации сил, а служение отчизне, патриотизм и граж-

данская ответственность оказались не пустыми словами в формировании его как личности и руководителя.

Мечта о Царьграде

1827 год. 9 сентября, день, в который князь Дмитрий Донской торжествовал победу над Мамаем. Рассветную тишину Петербург разбудили раскаты пушечных залпов, возвестившие о рождении в императорской семье второго сына, названного Константином. Великий князь появился на свет, когда его отец уже был императором, и поэтому нередко придворные именовали его Багрянородным. При крещении он получил имя Константин, имевшее особый сакральный смысл для России, выстраивавшей новую политику на греческом Востоке. Константином назвала своего внука императрица Екатерина II, рассчитывавшая, что ее могущественная, словно по волшебству поднимавшаяся из глубин Азии, империя, выполнит на берегах Босфора свою священную миссию – возродит новый Рим и навсегда изгонит из Европы нечестивых турок. А затем, освободив Египет, Архипелаг, Грецию, выйдет на берега древней Тавриды и восстановит огромную православную Греческую империю со столицей в Царьграде, на престоле которого воссядет внук Константин Павлович. Тогда в руках Российской империи окажутся ключи от Европы и Азии, и она станет величайшей державой в мире³. Намерениям этим не суждено было осуществиться, но «Греческий проект» так долгие годы и оставался среди приоритетных для российской внешней политики. В 1831 г. великий князь Константин Павлович внезапно скончался, и император, закрепляя за своим вторым сыном уникальный статус в империи, пожаловал ему звание генерал-адмирала и назначил шефом Гвардейского экипажа: «Помню, как в 1831 г., при назначении меня генерал-адмиралом, мама подарила мне первую мою морскую курточку, гюйс с флагшто-

ком, деревянный якорь и кортик», – писал через много лет Константин Николаевич.

Великому князю тогда еще не исполнилось и четырех лет. Но судьба его уже определялась, и в ней, словно великая страна грез, зарождался греческий миф. Уже на следующий день после рождения Константина, на страницах «Северной Пчелы» появились высокопарные строки, автором которых являлся один из помещиков-владельцев Куликова поля С. Д. Нечаев:

«Когда Донской на поле ратном
Победы день торжествовал,
В тот самый час в громе благодатном
Петрополь весть великую сретал:
Залог победы и новой славы
Нам юный дан архистратиг
Ликуйте, вы, сыны полночные державы.
Восток, вострепещи! Конец судеб твоих!»⁴

Реальная Греция, более пятисот лет находившаяся под турецким игом, всегда занимала особое место в жизни великого князя: в детстве он бредил героями гомеровского эпоса, мечтал о подвигах Одиссея, с восторгом погружался в описания сказочной Аркадии, представлял фризы Парфенона и читал речи, приписываемые Фукидидом Периклу, в которых Афины изображались столь же идеальным местом, как «государство» Платона. По мере взросления, античные идеалы в воображении великого князя начинали соседствовать с образами великолепного византийского Ближнего Востока, прямой противоположностью существующему в Европе христианскому миру. Воспитание и образование юного генерал-адмирала, с детства отличавшегося природным умом и способностями к учению, было не столь демонстративно политизировано, как в случае с его августейшим дядей, и вме-

сто воспитательницы гречанки к великому князю определили военных моряков, но вектор развития был определен. И хотя сам Константин Николаевич по-гречески не говорил, он прекрасно знал историю Эллады, Византии и Православной Церкви. И мечты уносили его на берега Босфора, в царственный Царьград, ко временам походов Олега и Святослава, рисуя картины того, как русский щит прибывался к воротам Царьграда и размышляя о своем высоком предназначении: «Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падет под ударами Русских Перунов?»

Летом 1845 г. семнадцатилетний великий князь наконец посетил город своей мечты, древний Царьград: он побывал в бухте Золотой Рог, увидел дворцы султана Топкапы и Бейлер-Бей, Софийский собор. Бродил он и в окрестностях устья легендарного Скамандра, взволнованно поднимаясь на курганы, под которыми, согласно старинным преданиям, были погребены Патрокл и Ахиллес, осматривал руины Скейских ворот, возле которых обрел вечный покой великий Гектор⁵. Затем царственный поклонник Гомера совершил путешествие по островам Архипелага, побывал на Митилене, в Смирне, на Самосе, Патмосе, Родосе, Хиосе, где внимательно рассмотрел бухту, в которой произошло Чесменское сражение. Путешествие было очень насыщенным и сопровождалось яркими впечатлениями. Смирна, например, за неделю до приезда царевича пережившая страшный пожар, его разочаровала, так как в городе не нашлось «ни одной высокой мечети, ни одного минарета, которые так украшают восточные города, так что снаружи никакого эффекта нет»: плоская земля, бедная растительность. В городе решительно нечего было осматривать, а окрестности были наводнены «разбойничьими шайками» и «дикими зверями», и без конвоя отдаляться от города было небезопасно⁶. Пока же Константин Николаевич вместе с живописцем Главного морского штаба И. К. Айвазовским осматривал город, на его корвет

«Менелай» 9 июля неожиданно прибыл с визитом командир французского военного парохода «Кювье», адъютант третьего сына короля Луи-Филиппа принца Франсуа Жуанвильского, в 1840 г. еще молодого, но уже знаменитого адмирала, командовавшего эскадрой, доставившей прах Наполеона I с острова Святой Елены во Францию, а в августе 1844 г. бомбардировавшего Танжер и Могадор. Встреча молодых августейших моряков тогда не состоялась: «Не нашедши меня дома, он (адъютант. – Д. К.) оставил для меня свою визитную карточку»⁷.

Поездка русского царевича по территории погибшей греческой империи вызвала широкий резонанс: единоверцы-греки расценили приезд августейшего принца как знак свыше: «Православному народонаселению, – писал один из современников, – это посещение осталось навсегда памятно. Много надежд и радостных предположений соединяли православные с приездом сына русского императора – сына, носящего славное в греческой памяти имя Константина!»⁸

«Старый Папа Н»

Идея покорения «Царя-града», захватившая царевича, пришлась не по душе его августейшему батюшке. Император Николай I слишком хорошо разбирался в нюансах европейской политики, чтобы позволить пылким чувствам сына исказить изящный эскиз продуманной им программы укрепления Российской империи на Востоке. Политические расчеты всегда стояли для императора на первом плане, и поэтому, получив от Константина письмо с описанием слабости константинопольских укреплений, он в послании от 2 июня 1845 г. дал ему настоящую отповедь: «Надеюсь, что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение христианства, но держи их про себя, сколь они не натуральны. Богу предоставить надо опреде-

лить, когда кресту восторжествовать над луной, тебе же избегать всего, что иное значение придать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен»⁹.

Критических стрел от императора «удостоился» Константин Николаевич и в следующем, 1846 г., когда путешествовал по Средиземному морю, во время которого посетил британский Гибралтар, французский Тулон и недавно ставший французским Алжир. Упоенный сердечной встречей, великий князь несколько расслабился, забыв, что за его спиной стоит грозная империя, и из далекого Петербурга в феврале 1846 г. не замедлило прийти строгое отцовское предостережение: «Надеюсь, ты будешь себя вести крайне осторожно, учтиво, не болтливо, и помнить, что ты в краю, где каждое слово, каждое твое движение не уйдет от наблюдения и строгой критики; веди себя так, чтобы никто ни к чему не мог придраться, смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай. В особливую будь осторожен в Алжире»¹⁰.

Подобные напутствия неизменно сопровождали послания «старого Папы Н», как называл себя в письмах к сыну Николай I¹¹. Главная их тональность – верно служить Отечеству, быть ее «полезным слугой». «Желаю преуспевать во всем и со временем, бить, топить и жечь супостатов. И для сего покуда быть послушным, прилежным и не терять времени в шалостях, помня свое будущее назначение», – писал император 10-летнему сыну в мае 1838 г.¹² Строгий и требовательный император никогда не устранился от процесса воспитания сына, самолично контролируя обучения. Надзор был жестким, Николай I требовал взыскательности со стороны преподавателей. День начинался в 6 часов утра: уроки, гимнастика, фехтование, верховая езда, маршировка, обучение музыке – не забывалось ничего из того, что, по мнению наставников, могло принести пользу. Огромная же ответственность, которая лежала на великом князе, постоянно под-

черкивалась: «Помни всегда, на что ты готовиться должен, – писал Николай I 8 сентября 1842 г., поздравляя Константина с пятнадцатилетием. – Превозмогай лень и взбалмошность и не теряй остаток драгоценного времени твоей молодости, дабы вовремя успеть на службу зрелым духом, и сердцем, и умом... Скоро и на службу будет пора, а еще столько надо узнать, выучиться и передумать, смотри, помни это, и прибавь старание и послушание, чтоб не острамится»¹³.

Телемак и Ментор

Воспитание мальчика, его подготовка к морской деятельности проходили под присмотром опытных педагогов. 3 ноября 1832 г. воспитателем великого князя был назначен знаменитый мореплаватель и ученый-географ Федор Петрович Литке, добросовестность, знание и опыт которого сослужили огромную пользу его маленькому ученику. А с 8-летнего возраста время няnek и служанок для августейшего «питомца» закончилось – он полностью перешел под надзор своего строгого и мудрого наставника, которому, как мы полагаем, была по душе миссия Ментора при царственном Телемаке. Когда император Николай, вверяя воспитание своего второго сына Федору Петровичу, давал ему указания о направлении этого воспитания, то сказал приблизительно следующее: «Сыну моему Александру, когда ему достанется престол, трудно будет справиться с тяжким бременем правления государством. Константин будет должен быть ему помощником; я желаю поэтому, чтобы воспитание его приготовило к этой важной обязанности». Фактически с этого времени Литке со своими помощниками – капитан-лейтенантами Александром Андреевичем Озеровым и замешанным в дело декабристов Феопемптом Степановичем Лутковским, – неизменно состоял при Константине Николаевиче.

Главным делом приставленных к Константину моряков было, конечно, обучение юного генерала-адмирала военно-морскому делу. С восьмилетнего возраста великий князь приступил к практическому освоению морского дела и ежегодно отправлялся в учебные плавания: сначала, по Финскому заливу, затем – по Балтике, Северному морю, и, наконец, – по Черному, Средиземному и Атлантике. Плавания эти не имели ничего общего с увеселительной безмятежной прогулкой. При молодом генерал-адмирале состояли лишь положенный по этикету камердинер и несколько человек прислуги. Принципы Литке были просты: верность долгу, несение службы «не в шутку» и «поменьше офицеров», так как великий князь должен был сам исполнять положенные офицеру служебные обязанности, в том числе и управлять вахтами. Предписывалось также, чтобы при сходе на берег и во время официальных визитов «его высочеству не было оказываемо никаких почестей и не делается никаких приемов»¹⁴. «Гардемарин Романов» должен был усвоить все премудрости морской службы, на собственном опыте познав, как тяжело складывается жизнь на корабле и овладев всеми «изысками» военно-морской службы, научившись проводить астрономические счисления, брать рифы, крепить паруса, освоить артиллерийские приемы. Успехи его были несомненны, хотя, конечно же, путь к ним был непростым. В письме отцу великий князь признавался, что когда его в 1844 г. назначили лейтенантом и поручили заведовать «всеми работами на корабле “Ингерманланд”», назначив в помощь лейтенанта Г. И. Невельского, ему было «ужасно страшно в первый раз распорядиться уже настоящим образом, а не в шутку»¹⁵.

Но время шло, и великий князь постепенно проникался настоящей страстью к морю, истории Русского флота, и, с радостью принимая, например, подарки к 16-летию, подобно царю Петру особо выделял те, что имели отношение к

военно-морскому делу: секстант, модели бомбических пушек, токарный станок и марину Ж.-А.-Т. Гюдена. Подобно бывалому морскому волку, он научился ценить простоту морского быта, чувствовал гармонию и эстетику морского дела, профессионально рассуждал о качествах корабля. И вот уже во время плавания в Виндаву в 1839 г. молодой генерал-адмирал восторженно писал отцу: «Нам на “Аврору” прислали трюм-стеньги и вышед из Свеаборга мы поставили трюмсели. С ними так красиво!»¹⁶ А вот письмо императору, написанное в мае 1843 г. в бухте Твермине, в каюте фрегата «Аврора» во время практического плавания по Аландским шхерам, где в 1714 г. развернулось Гангутское сражение: «Мы ехали по той дороге, по которой Петр Великий хотел перетащить несколько галер на другую сторону перешейка. Этот маневр зделался залогом Гангутской победы. До этого места шхеры весьма пусты, голы и некрасивы, а оттуда виды вдруг переменяются и делаются в самом деле прекрасными»¹⁷.

Результаты военно-морского образования не замедлили сказаться. Великий князь не только становился моряком, но и начал приобретать авторитет и расположение среди флотских офицеров. Об этом, в частности, сообщалось в отчете III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии за 1841 г.: «Молодые офицеры обожают великого князя Константина Николаевича и только ожидают, чтобы он вырос для славы российского флота»¹⁸. О достигнутых великим князем успехах с удовольствием сообщил в одном из писем светлейшему князю А. С. Меншикову и сам Литке. Послание было написано в апреле 1846 г. в Гибралтаре во время плавания великого князя по Средиземному морю: «Если бы истина, что море необходимо для моряка, не была бы сама по себе так очевидна, то из нашего похода можно было бы в том убедиться. Смотря на команду нашу трудно поверить, что это были те самые люди, с которыми мы

пошли из Кронштадта полгода тому назад. Родилась настоящая морская хватка, быстрота и ловкость во всех работах. И наружный вид их совсем другой: здоровье и бодрость написаны на лицах»¹⁹. И слова эти разумеется, полностью относились и к великому князю.

Неразлучный с Константином Литке был всегда рядом²⁰. Расставались они надолго фактически единственный раз: летом и осенью 1839 г. Литке тогда вынужден был покинуть Россию и отправился в Европу, сопровождая свою заболевшую чахоткой супругу Юлию Браун на лечение в Девоншир, после чего сам отправился лечиться на минеральные воды в немецкий Эмс. Федор Петрович, впрочем, не оставлял без присмотра своего августейшего Телемака, поддерживая с ним постоянную переписку и искренне рассказывая о том, что с ним происходит, делая особый упор на географии мест, которые он посещал. Письма его, нежные и трогательные, писались так, что великий князь не мог оставить их без ответа, и, читая их, находил в описаниях своего флотского Ментора немало пищи для размышлений. Строгий офицер, бывалый морской волк, чуждый придворному тщеславию и властолюбию, Федор Петрович был по-детски искренен, и, несмотря на болезнь и тревогу о здоровье супруги, с увлечением описывал посещаемые города, рассказывал о маршрутах поездок, давая возможность своему «питомцу» из Зимнего дворца почувствовать себя бывалым путешественником и вместе с ним странствовать по дорогам Европы. «Сегодня ровно неделя, что мы расстались, мой милый Константин Николаевич, – писал Литке, проезжая Германию, – и я уже добрался до Гамбурга, который вам известен теперь уже не потому только, что из него отправился в свой путь Робинзон Крузо. Я вам признаюсь, что если вам по отъезде моем было скучно, то мне без вас и до сих пор чего-то не достает. Семилетняя свычка делается второю натурою!» Добравшись до Лондона, где он не был более десяти лет, Литке

вспомнил «время, когда я еще был в полной силе здоровья; вместо чего теперь похожу я на корабль, идущий в док для тимберовки». Не зная усталости, Литке долго бродил по британской столице, напоминавшей «необъятное муравьиное гнездо». От впечатлений даже отступила болезнь: Литке направился в Zoological Gardens, разглядывал прекрасного жирафа и огромного слона, а затем побывал в Tunnel(e) под Темзой, детище французского эмигранта-инженера Марка Изамбарда Брюнеля и его сына Исамбарда Кингдома, связавшего северный и южный берега реки и ставшего прообразом лондонской подземки, проложенной с использованием проходческих тоннельных щитов. Литке не преминул спуститься под землю и во время прогулки «выпачкался с ног до головы в грязи. Им остается пройти только 30 футов, чтобы поравняться с той чертой дна Темзы, которая при малой воде сохнет; а так двигаются они по 6 дюймов в день»²¹.

Но новые технологии промышленного века уступили по яркости сокровищам античности. Прекрасно зная, что великий князь более всего увлечен античной историей и культурой, Литке наведалься в Британский музей и с восхищением описывал в письме Константину Николаевичу свои впечатления от «мраморов Эльджина»: древнегреческих рельефов и скульптур, вывезенных в 1802–1812 гг. британским дипломатом из Афин. А затем, после Англии, дороги привели Литке в Германию: «Плывя по Рейну от Кобленца ... я думал о вас, милый Константин Николаевич, – писал адмирал своему августейшему подопечному 16 июля 1839 г., – и воображал себе, как бы вы восхищались руинами, встречающимися тут на каждом почти шагу, этими остатками двух важнейших эпох исторических, десятью веками разделенных – римской, вам уже известной, и феодальной, которую вы скоро узнаете»²².

Возвращение Литке в Россию и постоянное его общение со своим августейшим «питомцем» не сказывалось на

интенсивности и искренности их переписки. Федор Петрович, человек твердых правил, преданный высоким идеалам службы, старался привить своему маленькому воспитаннику самодисциплину и принципиальность и делился с ним тем опытом, который приобрел сам. Многие из его суждений и советов были навеяны каждодневным общением с великим князем и касались поведения великого князя, который, будучи ребенком, нередко совершал проступки и шалости, чем вызывал недовольство своего строгого воспитателя. Их отношения совсем не были безоблачными: происходили дразги, накапливались обиды. Ментор далеко не сразу нашел общий язык с августейшим Телемаком, и будучи раздосадован отсутствием у него «терпения», «охоты размышлять», отчаянно и безуспешно пытаясь разбить лед в их отношениях и преодолеть «жесткость и холодность», которую царевич выказывал в отношении окружавших его. В свою очередь и маленький строптивый великий князь нередко открывал настоящую фронтду, переставал разговаривать, отказывался подчиняться, «делался как бы деревянным, переставал понимать», а потом, оттаяв, признавался императору, что Литке назвал его «гуд боем».

В один прекрасный день Литке, например, оказался настолько раздосадован поведением своего питомца, что сурово ему отписал: «Из всех проступков не знаю я ни одного, который до такой степени унижал бы человека в собственных его глазах, как ложь». И далее продолжил: «Я не думаю, чтобы человек, один раз в жизни обличенный в умышленной лжи, мог когда-нибудь и какими бы то ни было подвигами возратить уважение людей. Вор, в моих глазах, гораздо менее достоин презрения, как лжец»²³. Ответ несчастного раскаявшегося ребенка, признавшегося в том, что он солгал, заставил Литке смягчиться. Чуткий и сострадательный Федор Петрович сам, наверное, был уже не рад, что перегнул палку, и написал целое послание, разобрал различные вари-

анты возможной лжи, и невольно сам стал «адвокатом» великого князя, объяснив ему, что не всегда люди лгут специально, идут на это по ошибке, от горячности, просто забывая, что нельзя «говорить неправду». И вот уже, в очередной раз просматривая дневник своего воспитанника, Литке записывал: «Вместе с ним и я счастлив. Стало, он дорожит этим». Какой же радостью для Литке было прочесть в дневнике великого князя запись от 2 ноября 1841 г.: «Он (Федор Петрович) теперь совершенно мой отец по всему. В разговорах, где мы передавали один другому чувства, я часто проливал слезы и душе становилось легче». В январе 1841 г. Литке с радостью отметил, что великий князь следует его указаниям.

С годами отношения царственного Телемака и флотского Ментора переросли в настоящую дружескую привязанность, заставлявшую, например, великого князя с болью переживать за Федора Петровича в тяжелые для него дни, когда осенью 1843 г. он потерял супругу. «Бедный мой Федор Петрович, – писал 10 сентября Константин императору. – В каком он ужасном положении, имея двух детей. Он не знает еще, что с ними делать, а куда отправил их к своей старшей сестре. Он вчера уехал в город, а завтра будут похороны его жены». Возвратился Литке через 9 дней, и Константин написал: «Он, бедный, ужасно похудел, но переносит свое несчастье с удивительной покорностью и величием духа!»²⁴ Константин тогда решил, что должен стать утешением для Федора Петровича и потому дал зарок лучше учиться и вести себя.

Когда читаешь такие письма, невольно задумываешься – а появились бы эти строки без каждодневных усилий Литке, который на протяжении многих лет учил своего воспитанника писать письма. Ведению переписки он придавал особое значение: Ментор был убежден, что регулярный обмен письмами формирует характер великого князя. Идеи свои он изложил в обстоятельном послании, которое нам посчастли-

вилось обнаружить среди бумаг великого князя. И, справедливости ради, надо заметить, что советы опытного путешественника остаются актуальными и сегодня.

«К чему писать, когда имеешь всегда случай сообщить мысли свои изустно? – вопрошал Литке Константина Николаевича в октябре 1840 г. – Во-первых, чтобы вы мало-помалу приучились к письменному штилю, чего без упражнения достигнуть нельзя... Штиль письма должен быть прост и в то же время благороден, образцом его должна быть беседа между двумя образованными благовоспитанными людьми. Письмо не должно состоять из фраз отдельных, без связи и переходов, как будто в строевом рапорте; ни из фраз надутых и изысканных, как в дурной речи адвокатской»²⁵. Мореплаватель, немало повидавший на своем веку и научившийся правилам хорошего тона, прекрасно знал, что имеет дело с ребенком особых «кровей», особого призвания, и тем не менее подчеркивал, насколько важно принцу из Зимнего дворца соблюдать правила общения с людьми из разнообразнейших социальных и культурных слоев и «не терять из виду личности того, к кому пишешь, его отношения к ним, его связей семейных и общественных, чтобы по неосторожности не сказать чего-нибудь неприятного»²⁶. «Во-вторых, этими еженедельными письмами приобретаете вы навык рассматривать и обдумывать в совокупности некоторые отделы вашей жизни, давать в них отчет себе и другим. Ежедневные журналы, в другом отношении весьма полезные, не достигают этой цели, содержа только по большей части одни только голые факты событий каждого дня. В-третьих, переписка наша часто доставит мне случай, который без того может быть не представился бы, сделать вам разные замечания и вам сказать мне то и другое, что без того в голову бы не пришло»²⁷.

Рекомендации Литке относились и к тому, как правильно писать письма: «Не хорошо начинать... прямо каким-ни-

будь рассказом и также прерывать его. Должно начать его маленьким вступлением, выражающим цель нашего письма; или ссылкой на полученное письмо или накануне писаное. Кончать лучше сие каким-нибудь желанием, выражением чувств». И, разумеется, следить за красотой почерка, выписывая буквы четко и аккуратно. «Желал бы я, – писал Литке в январе 1841 г., – чтобы одною из первых отметок на странице совести вашей была какая-нибудь вроде следующей: “отучиться от брюзгливаго бранчиваго обращения с равными и младшими, от неуважительности, неосторожных выходов против старших; на замечания, делаемые мне для моей же пользы обращать внимание, а не сердиться на них, возражать со скромностью и осторожностью»²⁸. Особо же Литке подчеркивал, что, ведя переписку, следует всегда отвечать на письма, она не должна вестись только с одной стороны, иначе отношения корреспондентов будут недолговечны. Мыслями этими Федор Петрович поделился, размышляя о том, как удачно складывается переписка великого князя с другим его наставником – великим русским поэтом Василием Андреевичем Жуковским, на плечи которого легло общее образование Константина. И, думая об этом, Федор Петрович был совершенно искренен.

Программа Жуковского

Переписка Константина Николаевича с его различными корреспондентами прибавляет какую-то новую черту, подчеркивая свежий ракурс к его портрету. Некоторые из самых проницательных из его наставников оказались столь красноречивы, что чтение их писем позволяет нащупать важные черты великого князя, скрытые в самой сути его личности. Переписка с Жуковским – из этого ряда. Внимательного и глубокого поэта, посвятившего его светлости подготовленный им перевод гомеровской «Одиссеи», возможно, нема-

ло удивляла какая-то иррациональная готовность молодого принца свершать великие деяния на берегах Босфора, эта острая, отдающая подростковым максимализмом, византийская увлеченность. Из писем Константина Василий Андреевич с разочарованием обнаруживал, что исторические вкусы «нового Олега», каковым видел себя юный генерал-адмирал, совсем не схожи с его собственными. Да разве только с его. Одно дело – мечтать о Царьграде в 1820-х годах; совсем иное дело – конструировать средиземноморскую паутину в 1840-х годах, уже испытав гордость от присутствия русского военного корпуса на берегах Босфора и постепенно становясь важнейшим союзником Османской Порты в сложном геополитическом противостоянии с европейскими державами на Ближнем Востоке, вызвавшем в европейских столицах приступы острой русофобии. «В публичных листах известий о России искать нельзя, – писал Жуковский своему августейшему питомцу в ноябре 1842 г. – Они врут без памяти; но одни врут с целью, а другие, принимая вранье за чистые деньги, повторяют его с недоброжелательством. Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен нашего времени. Я говорю здесь о ненависти тех, кои хотят управлять общим мнением и употребляют на то книгопечатание. Это бешенство, с каким некоторые газетчики на нас клеветают, означает только то, что Россия есть для них самый твёрдый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители так называемого движения, опрокинуть стараются»²⁹.

В другом послании великому князю, написанном в октябре 1845 г., когда Константин возле Золотых ворот «примерял на себя одежды» вещего князя Олега, Жуковский представил целую программу новой российской геополитики: «Ваш сон о щите Олеговом имеет свое поэтическое достоинство; в практическом отношении он просто сон, и желаю, чтоб он навсегда остался сном несбывшимся». И далее про-

должил: «Эта Византия – роковой город. Ею решилось падение Рима... Уже и Петербург (из которого на отдаленной завоеванной границе царства могучая рука Петра прорубила нам окно в Европу) сделал то, что Россия стала одною огромною пристройкою северной, полугерманской торговой пристани, и что отечественная Москва, со всем прошедшим исторической Руси, теперь отброшена в глубину ея, как будто пренебреженная. С тех пор, заглядываясь в это окно, перед которым Европа показывает нам свои китайские тени, мы забываем смотреть на существенную, могучую, полную собственной жизни Россию». А вот завершение этих размышлений: «России для ея блага, для ея истиннаго величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, национальное развитие... Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь уже есть для нее бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться... Источники ея богатства (не все еще открытые и разработанные) неистощимы; в ней есть довольно места для тройнаго народонаселения, и на троне русском самодержавие, т. е. неограниченная власть действовать для блага... все завоевания для России уже вполне совершились»³⁰.

Не дополняют ли друг друга письма императора Николая I, Федора Петровича и Василия Андреевича, не в этих ли настойчивых указаниях угадываются контуры нового имперского взгляда, скрытого пока еще от широкой публики – взгляда на новую Россию, разворачивавшуюся к самой себе, к своим рекам, лесам, равнинам и морям и отказывавшейся от мечтаний о византийском Царьграде, заморских колониях и американских берегах. Необычайно интересно смотреть, как вызревал этот новый подход, как в мыслях императора, великого поэта и знаменитого мореплавателя появляются одни и те же тревоги, переживания, опасения, надежды, и

как под их влиянием ребенок-принц превращается в государственного деятеля.

7 октября 1845 г. в «Большой конференц-зале» Академии наук состоялось торжественное открытие и первое общее собрание Русского географического общества, вскоре превратившегося в важнейший инструмент познания Русской земли – его председателем был назначен великий князь Константин Николаевич, царственный Телемак, а вице-председателем – его мудрый Ментор Федор Петрович Литке. Время возмужания великого князя подходило к концу – начиналась пора действий.

Примечания

¹ Павлов-Сильванский Н. П. Великий князь Константин Николаевич. Биографический очерк // Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. 2. СПб., 1910; Кони А. Ф. Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа (19 февраля 1861 – 1911). Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. V. М., 1911; Любавский М. К. Великий князь Константин Николаевич // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911; Житков К. Г. Светлой памяти великого князя Константина Николаевича, генерал-адмирала русского флота // Морской сборник. 1912. № 1, 3; Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990; Великие реформы в России: 1856–1874. Сборник статей / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1992; Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; Головин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006; Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи. СПб., 2008; Воронин В. Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019.

² Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник: 1853–1882. Тула, 1990. С. 94–95.

³ Колупаев В. Е. Трансляция имперских идей в российской идеологии и геополитике (к 1700-летию Миланского эдикта) // *Studia Humanitatis*. 2013. № 2 (<https://st-hum.ru/content/kolupaev-ve-translyaciya-imperskih-idey-v-rossiyskoy-ideologii-i-geopolitike-k-1700-letiyu>).

⁴ Северная пчела. 1827. 10 сентября.

⁵ См. подробнее: *Воронин В. Е.* «Путешествие ...». С. 106–195.

⁶ Там же. С. 168, 169.

⁷ РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 314. Л. 67 об., 68. О принце Жуанвильском см. подробнее: *Таньшина Н.* Франсуа Жуанвильский: принц и море // *Mare Liberum: Сборник в честь Д. Н. Копелева*. СПб., 2023. С. 230–254.

⁸ Цит. по: *Воронин В. Е.* «Путешествие...»... С. 151, 152.

⁹ РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 377. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ К великому князю император обращался по-разному, и часто в обращении к «милому Косте» шуточно и вместе с тем подчеркнуто звучали напоминания о военно-морском предназначении сына: «дорогой мой морской», «любезный мой адмирал», «милый адмирал-гардемарин».

¹² РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 377. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 8.

¹⁴ Там же. Ф. 19. Оп. 2. Д. 127. Л. 17.

¹⁵ Там же. Ф. 224. Оп. 1. Д. 314. Л. 35.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 31.

¹⁸ *Россия под надзором: Отчеты III Отделения: 1827–1869*. М., 2006. С. 267.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 127. Л. 51, 51 об.

²⁰ Об отношениях великого князя и Литке см.: *Копелев Д. Н.* Великий князь Константин Николаевич и назначение Ф. П. Литке президентом Академии наук в 1864 г. // *Константиновские чтения–2013. Константиновичи – государственная деятельность и традиции благотворительности. К 400-летию Дома Романовых. Сборник материалов научной конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2013 г.* СПб., 2013. С. 152–161.

²¹ РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 368. Л. 15, 15 об.

²² Там же. Л. 14 об., 15.

²³ Там же. Л. 28 об.

²⁴ Там же. Д. 314. Л. 32, 32 об.

²⁵ Там же. Д. 368. Л. 21 об., 22.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 31 об.

²⁹ *Жуковский В. А.* Письма В. А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу // Русский архив. Год пятый. М., 1867. Стб. 1406.

³⁰ Там же. Стб. 1412–1414.

Виноградов С. Е.

**Отечественная индустрия военно-морских
вооружений периода 1860–1917 гг. в документах
и материалах РГАВМФ**

Российский государственный архив Военно-Морского Флота – неисчерпаемая сокровищница сведений о прошлом отечественного флота за более чем 200-летний период его яркой истории, полной упорного труда и созидания, славных боевых побед и удивительных географических открытий. Собранные воедино, эти интереснейшие документы позволяют исследователю истории России погрузиться в ее необъятное прошлое через тысячи и тысячи уникальных свидетельств минувших эпох – вахтенных и шканечных журналов, рапортов, донесений, географических карт, делопроизводственной переписки, кораблестроительных чертежей, фотоматериалов, дневников, писем и воспоминаний.

Важнейшей частью этого наследия являются материалы и документы о развитии отечественного кораблестроения и вооружения, совершенствовании техники флота, методах производства его боевых средств – артиллерии, брони, снарядов, торпед, мин, двигательных установок, устройств и приборов. Технологическая уникальность военно-морского флота и состоит прежде всего в том, что он всегда являлся одним из наиболее науко- и техноемких видов вооружений, поскольку постоянно и остро противостоял не только аналогичной силе вероятного противника, но и подвергался суровому воздействию среды – морской стихии, способной как

повлиять на успех его применения, так и привести, при определенных обстоятельствах, боевые корабли к роковой грани.

Для морских держав создание боевых флотов силами национальной промышленности всегда требовало наиболее полного привлечения лучших сил и ресурсов – организационных, интеллектуальных, материальных, финансовых. Со второй половины XIX столетия прогресс первоклассных морских сил определялся преимущественно развитием крупной машинной индустрии, способной поставлять во все возрастающих количествах новые материалы, вооружение, механизмы и устройства для боевых единиц новых типов, быстро утрачивавших привычный облик парусных кораблей прошлых столетий.

Особенно бурные формы развитие военного кораблестроения приобрело на рубеже XIX–XX вв., в эпоху ускорения научно-технического прогресса, промышленной модернизации и обострения блокового противостояния в Европе. Россия того времени находилась среди наиболее активных участников этого процесса и занимала в начале XX столетия по уровню развития ее военно-морского флота третье место в мире, опережая Германию и США. Даже поражение в войне 1904–1905 гг. не поколебало российских имперских устремлений, основным залогом успеха которых почиталось обладание сильной армией и флотом. Все основные деятели тогдашней российской элиты – император Николай II и верхушка государственной администрации, лидеры новоучрежденной Государственной Думы, актив патриотической общественности, финансово-промышленное сообщество – были едины во мнении относительно необходимости сохранения страной места в первом ряду ведущих морских держав. Приступая в конце 1900-х гг. к воссозданию флота после опустошительных потерь Порт-Артура и Цусимы, приходилось ориентироваться на революционные изменения в военном кораблестроении начала XX в., быстро

утверждавшиеся в военно-морском деле: орудия, снаряды и броня из легированной стали, паровые турбины, дизель-моторы, электроприводы постоянного и переменного тока, оптические прицелы и дальномеры, аналоговые электромеханические счетно-решающие приборы управления стрельбой. Все это было результатом научных открытий и технологического прогресса.

Вторым важнейшим аспектом, прямо влиявшим на уровень развития потребных индустриальных мощностей для строительства флота, был количественный состав флота – категория, в отношении которой Россия традиционно стремилась держаться в рядах ведущих морских держав. Отчасти это было обусловлено гигантской протяженностью империи и необходимостью держать флот на трех самостоятельных театрах – Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском, – но в еще большей степени быстрым усилением потенциальных геополитических конкурентов и возникновением новых вызовов, таких, например, как рост японской морской мощи. Необходимость численно большого флота определяла необходимый количественный уровень потребных производственных мощностей и технологических возможностей.

Наконец, последним принципиальным условием, определявшим тенденцию развития промышленности военно-морских вооружений в последнее 10-летие Старого порядка, стала четкая ориентация власти на создание флота внутри страны, силами национальной индустрии. Если в период между окончанием Восточной (Крымской) войны и серединой 1900-х гг. отечественный флот частично пополнялся боевыми кораблями, сооруженными в Европе и США (но никогда целиком, поскольку артиллерийское и торпедное вооружение, а также боезапас в 95% случаев были русско-го происхождения), то после Портсмутского мира (сентябрь 1905) ситуация начала динамично меняться. К исходу первого десятилетия XX в. российская государственная мысль,

опираясь на взгляды передовых политиков и настроения в финансово-промышленных кругах, уверенно склонилась к необходимости создания будущего флота собственными силами, выдавая военно-морские заказы преимущественно отечественным производителям. В январе 1907 г. Совет Министров постановил при заключении контрактов для флота руководствоваться принципом, чтобы «заказы полностью выполнялись на русских заводах из материалов русского происхождения». 13 ноября 1907 г. положение о том, чтобы назначенные в июне решением Николая II к постройке линейные корабли строились в России «из русских материалов и русскими рабочими», было вновь подтверждено вердиктом правительства: постановлением его Особого журнала отклонялось «заманчивое» предложение о сооружении двух новых линкоров силами британской фирмы «Виккерс»¹.

Пик военно-морских усилий императорской России пришелся на ее последние 10 лет, ознаменовавшиеся невиданной интенсификацией военного кораблестроения. Крупнейшие программы, охватывающие развитие флота и береговой обороны на период до 1930 г., как вотированные Думой, так и оставшиеся в виде законопроектов, предусматривали постройку только для Балтийского и Черного морей не менее 278 надводных боевых кораблей основных классов. К ним относились 48 линкоров и более крупных по размерам линейных крейсеров, 50 легких крейсеров и 180 эскадренных миноносцев².

Все это определяло необходимость и общий уровень огромных усилий и работ, которые требовалось развернуть – спланировать, профинансировать, организовать, направить, проконтролировать и оперативно преодолеть неизбежные сбои и замешательства – на всех этапах продвижения громадного процесса создания технически совершенного механизма современной морской войны – мощного боевого флота – силами национальной индустрии. Таким образом,

развитие военно-морского сегмента отечественной оборонной промышленности, как явление комплексное и системное, не могло не оставить весьма значительного количества свидетельств в документальном наследии многих органов флота.

Они подразделяются на несколько крупных групп. Это, в первую очередь, материалы высших технических инстанций Морского министерства – Морского технического комитета (МТК, фонд 421) и Главного управления кораблестроения (ГУК, фонд 401), детализировавших и направлявших военно-промышленную политику Морского министерства в области модернизации морских производств вплоть до 1917 г. – как в отношении переоборудования уже существующих, так и создания новых заводов. В фондах содержится переписка технических органов флота с государственными и частными предприятиями по широкому кругу вопросов. К ним относятся докладные записки, протоколы совещаний, рапорты и донесения о ходе мероприятий по выработке заданий на проектирование новых производственных мощностей, инспекций хода строительства и оборудования заводов, поставках станков и механизмов, анализ возникавших проблем и обсуждение путей и способов их преодоления.

Весьма ценным блоком материалов о развитии военно-морских производств, как казенных, так и частных, являются рапорты офицеров-специалистов Морского министерства, с конца XIX в. выполнявших функции полномочных представителей заказчика на предприятиях. Они осуществляли надзор за изготовлением, контроль качества и приемку готовой продукции перед ее отгрузкой. Контингент приемщиков набирался из исключительно профессиональных и прекрасно технически образованных специалистов. Большинство из них являлось питомцами Морского инженерного училища в Кронштадте, многие имели академическое образование, окончив Николаевскую морскую и Михайловскую

артиллерийскую академию. Донесения офицеров-военпредов, ежемесячно поступающие в МТК (с осени 1911 г. – в ГУК), содержат сведения по широкому кругу текущих и перспективных вопросов – развитию технологий, решению различных инженерных и производственных задач, обсуждению планов развития заводской деятельности, выполнении производственной программы, статистические сведения о промышленных мощностях и составе оборудования и многое другое. Определенной сложностью при изучении данного весьма ценного массива материалов является то, что они не выделены в отдельное производство, а являются по большей части рассеянными в томах делопроизводственной переписки, посвященных отдельным вопросам технического сопровождения тех или иных начинаний Морского министерства. К ним относятся постройка конкретных боевых кораблей или их серий, разработка определенных типов морских вооружений, их испытаний, а также вопросы эксплуатации.

Помимо этих сведений, значительный интерес представляют также широко представленные в томах тематического делопроизводства копии журналов заседаний Совещания по судостроению (СПС). Данный межведомственный орган, учрежденный в конце 1908 г. под председательством товарища (заместителя) морского министра, с участием представителей Совета министров, Министерства финансов, Госконтроля и др., ведал выдачей заказов как на постройку кораблей, так и поставку для них всех многочисленных комплектующих – артиллерийского и минно-торпедного вооружения, боезапаса, брони, двигательных установок, разнообразного оборудования и приборов. В журналах СПС отражен ход многочисленных дискуссий, порой принимавших весьма острый характер, о передаче заказов на конкретные работы тому или иному исполнителю. В прениях по этому поводу содержится весьма содержательная аргументация сторон, позволяющая получить достаточно полное представление о

многих плюсах и минусах наличных производств, их сильных и слабых сторонах, ходе и основных этапах развития, а также многих частных вопросах.

В материалах Морского Генерального штаба (МГШ, фонд 418) отложились документы о выработке предполагаемого состава флота на период до 1930 г., о подлежащем созданию для новых боевых кораблей вооружении, представляемые в Думу законопроекты о военном кораблестроении и строительстве прибрежных артиллерийских позиций, расчеты вооружения и боевого снабжения подлежащих постройке кораблей и береговых батарей. Материалы подобного характера являются обоснованием расчетных мощностей перспективных военно-морских производств, их конструктивно-технологических приоритетов и принципов районирования.

Подробности хода модернизации казенного сегмента индустрии морских вооружений усматриваются из бумаг Совета управления делами заводов морского ведомства (фонд 441; после 1917 г. – Центральное правление военно-морских заводов, фонд р-1302). К ним относятся: расчеты потребности в корабельном составе будущего флота, его вооружении и снабжении, отчеты о ходе работ по возведению новых заводских мощностей и их комплектовании оборудованием, калькуляции трудозатрат и стоимости продукции, сведения по личному составу предприятий. Помимо этого, исследователь может почерпнуть немало полезных цифр и фактов в ежегодных отчетах заводов морского ведомства и материалах к ним, ведомостях заказов оборудования, его стоимости, хода поступления и пуска в ход, производственных возможностях, а также материалы об отчуждении земель для расширения заводов. Интерес представляют также ведомости обеспечения предприятий рабочей силой, снабжения их сырьем и топливом.

В фонде Центрального комитета правлений Русского судостроительного общества и Общества Николаевских за-

водов и верфей (РСО и ОНЗиВ, фонд 512) содержатся материалы о создании крупнейшего кластера военно-морских производств на Юге России, в Николаеве. К ним относится расширение и техническое перевооружение ОНЗиВ в 1911–1912 гг.: постройка новых стапелей (в т. ч. для линейных кораблей) и оснащение их современным крановым оборудованием, возведение новых крупнейших турбинных и башенных цехов, модернизация станочного парка, сооружение новых объектов энергообеспечения, развитие транспортной инфраструктуры и т. п. Это позволило в 1911–1916 гг. приступить к изготовлению важнейших компонентов боевых кораблей нового типа для Черноморского флота (паровых турбин, башенных установок крупнокалиберных 12- и 14-дм орудий и среднекалиберных орудий). Еще более впечатляющим явлением наращивания кораблестроительных мощностей России в Причерноморье является сооружение ударными темпами, на ровном месте (также в Николаеве), судостроительного завода РСО, развернувшего постройку корпусов линейных кораблей и крейсеров, их достройку и оснащение комплектующими, поступающими по субподряду. Значительный интерес представляют также материалы, касающиеся таких весьма малоизученных вопросов развития мощностей «николаевской группы заводов», как сооружение при ОНЗиВ, уже в ходе Первой мировой войны, мощного литейно-ковочного отдела для фабрикации стальных заготовок крупнейшего класса весом в десятки тонн, а также Трубочного и электромеханического завода для массовой выделки снарядных взрывателей, и, помимо этого, приборов управления огнем.

В материалах штабов Балтийского и Черноморского флотов, их соединений – эскадр, бригад (фонды 477, 478, 479, 609, Р-92 и др.) – содержится переписка с заводами по вопросам апробации и функционирования систем морских вооружений, оценка их сильных и слабых сторон, предложения по устранению замеченных недостатков и перспективам

совершенствования. Протоколы совместных заседаний офицеров-специалистов флота и инженерно-технических служб предприятий по техническим вопросам позволяют выявить особенности инженерных и технологических решений, применявшихся заводами-изготовителями, что характеризует уровень их производственных возможностей.

Собрание послужных списков (фонд 406) включает сведения о творческой деятельности моряков, технических специалистов, инженеров и ученых, их научном и практическом вкладе в разработку и создание крупнокалиберной дальнобойной и скорострельной противоминной и зенитной артиллерии, двигательных установок и различных систем, в решение круга проблем технологического совершенствования производственных процессов, внедрения оригинальных прогрессивных технологий.

Весьма дополняющими материалы официального характера являются отложившиеся в РГАВМФ документы личных фондов. Это бумаги морского министра И. К. Григоровича (фонд 701), командующих флотами адмиралов Н. О. фон Эссена (фонд 757) и А. В. Колчака (фонд 11), начальника МГШ Л. А. Брусилова (фонд 3), председателя МТК Ф. В. Дубасова (фонд 9), адмирала К. В. Стеценко (фонд 24), специалистов по артиллерии С. А. Изенбека (фонд 755) и В. Н. Черкасова (фонд 1147). Особый интерес представляют находящиеся в них материалы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма), содержащие собственные неофициальные взгляды и оценки различных проблем морской техники, ее конструктивной части и передовых технологических решений, подлежащих внедрению в практику промышленного изготовления.

Следует также отметить собрание материалов Канцелярии морского министра (фонд 420), Главного управления кораблестроения и снабжений (фонд 427), военно-морского агента в Англии (фонд 443), Комиссии морских артиллерий-

ских опытов (фонды 423, Р-1565). В них содержатся документы о командировании технических специалистов флота за границу для ознакомления с образцами морской техники и вооружения, входящими в практику европейских флотов, их сравнительную оценку и аргументацию принятия решений относительно адаптации наиболее перспективных технических решений в России. Помимо этого, представлены материалы об организации процесса лицензирования в отношении ряда прогрессивных технологических разработок в части снарядного, броневого, гильзового производства и их внедрение на предприятиях военно-морского сегмента отечественной оборонной индустрии.

Большая группа документов, проливающих свет на состояние отечественных морских производств в первые годы Советской власти и показывающих фактически достигнутые в период Старого порядка результаты предпринятой индустриальной модернизации, отложилась в фондах технических органов флота советского периода. Это материалы Управления помощника начальника ВМС по техническо-хозяйственной части (фонд Р-12), Морской подкомиссии по восстановлению военной промышленности (фонд Р-26), Технического управления УВМС РККА (фонд Р-360), Артиллерийского управления РККФ (фонд Р-840), Артиллерийского НИИ (фонд Р-891), Морской исторической комиссии (фонд Р-29) и исторического отдела Главного морского штаба (фонд Р-1529).

В данной группе собраний особый интерес представляет фонд Морской подкомиссии по восстановлению военной промышленности, созданной в октябре 1921 г. для разработки мероприятий по восстановлению военной промышленности и перестройке на ее базе военно-морского флота. Подкомиссия состояла из канцелярии и трех секций – оперативной, технической и заводской, последняя из которых занималась изучением и разработкой заданий по организации и разви-

тию деятельности морских заводов; возглавлял ее начальник Совета военной промышленности Ф. А. Вампе. Подкомиссия просуществовала менее года (до июля 1922 г.), но успела выполнить ряд интересных работ. В них развивался взгляд на совершенствование типов боевых кораблей по опыту войны на море в 1914–1918 гг. (тяжелых плавучих артбатарей, авианосцев, быстроходных боевых катеров и др.), а также предлагались меры по развитию соответствующих военно-морских производств, способных удовлетворить задаче создания образцов военно-морской техники и вооружения на новом качественном уровне.

В фонде Исторического отдела ГМШ (фонд Р-1529) также отложился ряд весьма интересных материалов – о заказах флотом промышленности минно-артиллерийского вооружения и снабжения, постройке воздухоплавательного завода морского ведомства, развитии кораблестроения во время Первой мировой войны, роли казенных военно-морских заводов в обеспечении сухопутной армии артиллерией, снарядами, противопульными бронешитками, броневедомолами и прочим вооружением, а также задачах на послевоенную реконструкцию заводов морского ведомства.

И наконец, следует отметить значительную группу документов флота и морского ведомства, уже опубликованных в официальных изданиях Морского министерства и богато представленных в фундаментальной библиотеке Архива. Они также проливают значительный свет на различные аспекты развития военно-морских производств как на казенных, так и на частных предприятиях Российской империи. Это всеподданнейшие отчеты по Морскому министерству³ (за 1856–1914 гг.) и схожие с ними структурно, но не текстуально, более краткие всеподданнейшие доклады⁴ (за 1910–1916 гг.) – ежегодные сводные донесения морского министра императору о состоянии дел по вверенному ведомству, включая раздел о состоянии и развитии казенных морских

заводов. Также весьма ценными источниками являются отчеты казенных Адмиралтейского и Балтийского судостроительных заводов, содержащие интересные статистические данные о совершенствовании их станочного парка, энергетических и логистических возможностей, а также динамике задействования рабочей силы⁵.

Помимо этих публикаций, значительный интерес также представляют ежегодные сметы Морского министерства за период 1858–1917 гг. – основной финансовый документ с росписью доходов и расходов по статьям, представлявшийся на рассмотрение Государственного Совета и издававшийся к началу финансового года. Они позволяют получить весьма полное представление о финансировании предприятий морского ведомства, составе, количестве и ценах на продукцию кораблестроения и вооружений⁶. Весьма ценным источником является также Сборник журналов Совета по управлению заводами морского ведомства, издававшийся, к сожалению, весьма непродолжительное время⁷.

Собранные воедино, все эти материалы способны всесторонне осветить картину развития в 1860–1917 гг. производственных мощностей военно-морского сегмента оборонной промышленности России, способных претворить в жизнь планы создания мощного военно-морского флота для отстаивания коренных национальных интересов России и ее народов.

Примечания

¹ РГАВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5561. Л. 36; Закон об Императорском Российском флоте и программа усиленного судостроения (проект). СПб.: Типография Морского министерства, 1911. С. 13, 59.

³ Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за ... [1856–1865, 1867–1900, 1906–1914 год. СПб.–Пг.: Тип. Морского

министерства, 1859–1915. Изд. ежегодное, за 1856–1858, 1870–1873, 1874–1878, 1879–1883, 1884–1889, 1890–1893, 1894–1896, 1897–1900, 1906–1909 отчеты сводные].

⁴ Всеподданнейший доклад по Морскому министерству за ... [1910–1916] год. СПб.–Пг.: Тип. Морского министерства, 1911–1917; загл.: 1916 г. – Секретный доклад о деятельности Морского министерства за 1916 г.

⁵ Отчеты Балтийского судостроительного и механического завода за ... [1883–1890, 1892, 1894–1898, 1900, 1902–1908, 1910]. СПб., 1884–1913; Отчеты Адмиралтейского судостроительного завода за... [1908, 1913] год. СПб., 1908, 1913.

⁶ Сметы Морского министерства на... [1858–1860, 1862–1917] гг. СПб.–Пг.: 1857–1917.

⁷ Сборник журналов Совета по управлению заводами морского ведомства. 1908–1910 гг. СПб., 1911. 313 с.

Козлов Д. Ю.

**Некоторые особенности планирующих
и директивных документов российского
и германского флотов периода
Первой мировой войны: опыт сравнительного
анализа (по материалам отечественных архивов
и Федерального архива ФРГ)**

Обобщение опыта Первой мировой войны, привнесшей кардинальные новации в развитие военных флотов и военно-морского искусства, невозможно без всестороннего изучения комплекса оперативных (боевых) документов – ключевого компонента источниковой базы исследований хода и результатов вооруженной борьбы на океанских и морских театрах военных действий¹. Цель настоящей статьи – введение к компаративному исследованию делопроизводственной документации российского и германского флотов, постановка проблемы их источниковедческого анализа на примере планирующих и директивных документов.

Начнем со стратегического и оперативно-стратегического уровней системы управления. В России верховное главнокомандование, а также главные командования 6-й армии и армий Северного фронта, которым в разные периоды войны были подчинены действующие флоты, отдавали командующим флотами директивы на кампанию или ее определенный период, а также в связи с резкими изменениями стратегической или оперативной обстановки, влекущими за собой возникновение новых или снятие ранее поставленных задач, или

сменой управляющей флотом командной инстанции (например, подчинением флота Балтийского моря главному командованию армий Северного фронта, за которым последовала директива главкома генерала от инфантерии Н. В. Рузского от 8 (21) августа 1915 г. № 1292²).

В германском флоте противостоявшие русским группировки – силы Балтийского моря во главе с гросс-адмиралом принцем Генрихом Прусским и Средиземноморская дивизия контр-адмирала, затем вице-адмирала В. Сушона (в августе 1917 г. его сменил вице-адмирал Х. фон Рибер-Пашвиц) – согласно принятой в 1899 г. организации подчинялись непосредственно кайзеру³. Директивные указания от имени императора Вильгельма II отдавал, как правило, начальник адмирал-штаба – органа военного управления, функционально подобному нашему Морскому Генеральному штабу, а в военное время – Морскому штабу верховного главнокомандующего⁴.

Таков, например, «оперативный приказ» («Operationsbefehl») начальника адмирал-штаба адмирала Г. фон Поля от 17 (30) июля 1914 г., определивший направления оперативной деятельности сил Балтийского моря в первой военной кампании. От имени кайзера принцу Генриху предписывалось *«как можно больше мешать возможным наступательным действиям русских»*, а также обеспечить оборону Кильской бухты, нарушать неприятельские морские коммуникации и ставить активные минные заграждения. Другие пункты документа сообщали об отсрочивании прибытия на театр соединений Флота открытого моря для *«нанесении удара по русскому флоту»* и указывали на необходимость соблюдения норм призового права⁵.

Известный советский военно-морской деятель, теоретик и историк адмирал В. А. Алафузов подверг эти указания тщательному анализу и констатировал их полную несостоятельность как директивного документа: *«Первый пункт*

приказа содержит задачу (изложенную туманно и с оговоркой “насколько возможно”, поскольку высшее командование само не имеет о ней ясного представления и не может ответить на вопрос, в какой мере возможно ее выполнение); второй – один из способ ее выполнения (один потому, что неизвестны другие); третий указывает на возможность возникновения задачи более крупной, чем указанная в первом пункте (обстановка, в которой эта более крупная задача возникнет, неизвестна, какова будет эта задача – тоже); четвертый – дополнительные указания, относящиеся к задаче, поставленной в первом пункте... Третий пункт предусматривает возможность удара по русскому флоту, но цели этого удара не указаны...»⁶.

В. А. Алафузов привел эти рассуждения в качестве одного из доказательств своего излюбленного тезиса об «ущербности», «безграмотности», «порочности» и т. п., вообще, по его мнению, свойственных германской национальной школе военно-морского искусства⁷. Действительно, с позиций уровня теории и практики военного управления, достигнутого к середине прошлого века (не говоря уже о современном их состоянии), документ может быть подвергнут вполне обоснованной критике. Однако, по нашему мнению, дело здесь вовсе не в уникальной несостоятельности немецких стратегов и операторов, что видно, в частности, из директивы, буквально в тот же день преподанной командующему русским флотом Балтийского моря.

18 (31) июля 1914 г. великий князь Николай Николаевич, вступивший в должность главнокомандующего 6-й армией и Балтийским флотом, а через два дня – сменивший его генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит, предложили адмиралу Н. О. фон Эссену руководствоваться «Планом операций Морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны» 1912 г. Было подтверждено, что главная задача флота – *«всеми способами и средствами препятствовать производ-*

ству высадки в Финском заливе». В развитие главной задачи флоту следовало «установить наблюдение за водным пространством Балтийского моря и Финского залива» для своевременного выявления группировок десантных и других корабельных сил противника на этапе их оперативного развертывания. Кроме того, Балтфлоту вменялись «содействие поддержанию связи между войсками, действующими на побережье», и «оказание сухопутным войскам содействия при операциях в прибрежной полосе»⁸. Однако таковые операции, согласно обоим вариантам плана стратегического развертывания русской армии (варианты «А» и «Г» плана 1912 г.), заключались во вторжении в Восточную Пруссию из глубины континентальной территории, но не вдоль побережья Балтийского моря⁹. Поэтому не вполне ясно, о каком содействии со стороны флота могла идти речь и, главное, как это требование корреспондировалось с главной задачей флота, предусматривавшей его сосредоточение в Финском заливе. Представляется, что эта «нестыковка», возникшая уже на этапе постановки задач подчиненным силам, в полной мере характеризует уровень подготовленности командования 6-й армии к управлению оперативно-стратегическим объединением военно-морского флота.

И в дальнейшем получаемые флотами директивы содержали, в сущности, не задачи, а основные направления оперативной деятельности, определенные в предельно общих формулировках. Сроки, искомые показатели результативности действий, формы, способы, наряд сил и средств определялись, как правило, командованием флотов по своему усмотрению. Система стратегического управления военно-морскими силами выполняла свое предназначение лишь в части определения приоритетов деятельности действующих флотов, а также ограничения их активных действий в видах обеспечения гарантированного выполнения оборонительных задач. При этом эта ситуация не претерпела принци-

пиальных изменений и с выводом флотов из подчинения общевойсковым начальникам в связи с учреждением в феврале 1916 г. Морского штаба верховного главнокомандующего¹⁰.

Специфической разновидностью директивных документов стратегического и оперативно-стратегического уровней являлись решения вышестоящих командных инстанций по тем или иным инициативам командующих флотами. Вероятно, наиболее известные документы этого жанра – служебные письма начальника Штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича главнокомандующему 6-й армией генералу от артиллерии К. П. Фан-дер-Флиту от 27 сентября (10 октября) и главкома 6-й армии командующему Балтфлотом от 1 (14) октября 1914 г. о запрете императора на «*допущение в бой*» бригады дредноутов без высочайшего на то разрешения¹¹. Эти бумаги стали реакцией на проект «Изменений основного плана операций морских сил Балтийского моря», представленный адмиралом Н. О. фон Эссенем вышестоящему начальству¹² двумя неделями ранее и предусматривавший «*периодические появления флота в южной части Балтийского моря на путях сообщения Мемеля, Кенигсберга и Данцига и попутное выполнение постановок минного заграждения на подходах к ним, уничтожение наблюдательных постов, истребление пароходов и т. п.*»¹³.

Беспрецедентный факт ограничения полномочий командующего флотом в применении основной части вверенных ему сил, причем ограничения, наложенного самим державным вождем, стал важной вехой в истории боевой деятельности Балтфлота: «*С этих пор... вводится инстанция для получения права пользоваться теми силами, на которых так рассчитывал Эссен*»¹⁴. Добиться снятия запрета на использование по своему усмотрению линейных кораблей типа «Севастополь» удалось только к началу кампании 1916 г. премьеру Н. О. фон Эссена – вице-адмиралу В. А. Канину¹⁵.

Что же касается планирующих и директивных документов, готовившихся штабами командующих флотами для проведения отдельных морских операций, то их формуляр и содержание претерпели в ходе войны существенные изменения, обусловленные усложнением условий борьбы на море, совершенствования собственно морской операции как формы применения группировок военно-морских сил, осуществлявшейся в ходе войны оптимизацией системы управления и, наконец, влиянием практического опыта оперативного применения сил российского и иностранных флотов на морских театрах мировой войны.

В отечественном флоте на первых порах формализованного комплекта директив, распоряжений и приказов, по-видимому, не разрабатывалось, чему, надо полагать, поспособствовало отсутствие в морском ведомстве официально установленного регламента, определяющего разновидности, порядок составления и структуру боевых и служебных документов¹⁶. Так, замысел командующего флотом Балтийского моря на «шведский поход» и задачи подчиненным силам были доведены до должностных лиц – флагманов, командиров больших кораблей и начальников дивизионов миноносцев – в устной форме на совещании у адмирала Н. О. фон Эссена, состоявшегося вечером 26 июля (8 августа) 1914 г. на борту флагманского корабля комфлота – броненосного крейсера «Рюрик» – на якорной стоянке у о. Нарген¹⁷. Поэтому мы можем составить представление о плане операции только по записям участвовавших в инструктаже офицеров – флаг-офицера штаба командующего Балтфлотом лейтенанта Е. Ф. Винтера¹⁸ и второго флагманского минного офицера старшего лейтенанта И. И. Ренгартена¹⁹, а также, в первом приближении, по рапорту командующего флотом, накануне представленному главному 6-й армии²⁰.

В дальнейшем, по мере упорядочения процесса оперативного управления силами, сложился примерный алгоритм

формирования комплекта директивных документов, основу которого составлял функциональный (и в общих чертах структурный) аналог современной оперативной директивы – на Балтийском флоте он именовался «Планом операции №...»²¹, который подписывался начальником штаба и флаг-капитаном по оперативной части штаба комфлота и утверждался командующим флотом²², на Черноморском – «Приказанием Черноморскому флоту для выполнения операции...», подписывавшийся тремя перечисленными должностными лицами²³. Несмотря на различные названия, балтийские «планы» и черноморские «приказания» имели почти идентичную структуру. Последняя в общем случае включала ставившуюся задачу (задачи), состав привлекавшихся к операции сил (временное соединение, формируемое для решения главной задачи, именовалось, как правило, «отрядом особого назначения» под командованием одного из штатных флагманов), мероприятия по оперативному (противоинному, противолодочному, разведывательному и др.) обеспечению, план операции (в черноморских документах – «общая схема выполнения»), а также специальные указания, обусловленные оперативной обстановкой, физико-географическими условиями района и т. п. В случае сложного оперативного построения корабельной группировки отдельно определялись схема командования и подчиненность должностных лиц.

В развитие директивы штабом командующего готовились «предписания» (боевые распоряжения) начальникам задействованных в операции соединений (при необходимости – командирам отдельных кораблей), к которым прикладывались копии «плана» или «приказания», долженствовавшие ввести подчиненных в курс замысла вышестоящего командования. Наконец, начальники соединений ставили задачи подчиненным командирам, как можно судить по имеющимся документам, в достаточно произвольной и часто устной форме.

Исключением из приведенного алгоритма являлось управление действиями подводных лодок (в том числе группы британских субмарин, оперативно подчиненных командованию Балтфлота), которое уже тогда осуществлял командный пункт флота. Именно штаб комфлота отдавал боевые приказы командирам лодок, а по мере необходимости корректировал их действия²⁴, тогда как командование соединений – черноморской подводной бригады и балтийской бригады, а с апреля 1915 г. дивизии подводных лодок – руководило повседневной деятельностью подчиненных сил, их материально-техническим обеспечением и т. п. На Балтийском флоте, кроме того, практиковались инструктажи командиров тактического звена и их информирование об обстановке в районе боевых действий должностными лицами службы связи, в составе которой в мае 1915 г. было учреждено временное оперативное отделение, предназначенное для обработки радиоразведывательных материалов и ведения разведобстановки²⁵.

Еще один пример деформации порядка составления и движения директивных документов – исключение начальника Минной бригады Черного моря контр-адмирала М. П. Саблина из контура управления «блокирующими» действиями эскадренных миноносцев в начале кампании 1916 г. Штаб флота не только отдавал приказание командирам кораблей «через голову» начальника бригады (не говоря уже о начальниках дивизионов), но даже не всегда информировал командование соединения о планирующихся действиях²⁶. Это приводило, во-первых, к неравномерному использованию эсминцев, что затрудняло их поддержание в технически исправном состоянии. Во-вторых, некоторые указания, подготовленные не слишком искушенными в боевой практике чинами оперативной части «большого» штаба, не вполне корреспондировались с реальной обстановкой в районе боевых действий. Так, в «предписании» штаба комфлота от

20 февраля (4 марта) № 330 указывалось: *«В обыкновенных условиях малые парусники расстреливать с миноносцев не далее 5 каб[ельтовых], не расстреливать стоящие парусники на ходу, а открывать огонь только остановившись»*. М.П. Саблин вынужден был ходатайствовать об отмене этого пункта, резонно указывая, что кораблям, напротив, ни в коем случае не следует ложиться в дрейф, так как парусники могут *«маскировать присутствие подводной лодки»*²⁷.

Германский флот, в отличие от российского, ввел практику составления формализованных документов боевого управления с самого начала войны. Уже 26 июля (8 августа) 1914 г. при подготовке первого рейда малых крейсеров «Аугсбург», «Магдебург» и трех миноносцев в Северную Балтику штабом принца Генриха Прусского была подготовлена «Оперативная директива № 3», определявшая состав корабельного отряда, ответственное за проведение операции должностное лицо, главные, обеспечивающие и другие задачи всем немногочисленным германским морским силам на этом театре, а также отдельные указания о порядке пополнения запасов и безусловном соблюдении нейтралитета Швеции и Дании. Характерно, что документ предоставлял ответственному начальнику широкое поле для инициативы: на его усмотрение оставались продолжительность операции, а также выбор форм и способов действий при решении некоторых задач, сформулированных в самых общих выражениях (например, *«причинение беспокойства побережью и торговле неприятеля»* и *«создание впечатления, что мы сохраняем Восточную Балтику за собой»*)²⁸.

В развитие директивы принца Генриха командир дивизии охраны побережья Балтийского моря контр-адмирал Р. Мишке, на которого командующий возложил командование крейсерско-миноносным отрядом, издал приказ «Об исполнении оперативной директивы № 3». В документе были уточнены некоторые пункты предыдущего документа (на-

пример, определена организация поддержания контакта с обнаруженными кораблями противника), а также регламентирован порядок оперативного развертывания, организации радиосвязи и походного охранения²⁹.

Неприятельское оперативное планирование на Черноморском театре обладало спецификой, обусловленной двойной подчиненностью германо-турецких морских сил. С одной стороны, после фиктивной продажи крейсеров «Гебен» и «Бреслау» Османской империи³⁰ и последовавшего 29 августа (11 сентября) 1914 г. назначения командира германской Средиземноморской дивизии контр-адмирала В. Сушона командующим оттоманским флотом, последний поступил в подчинение турецкому верховному командованию. С другой стороны, как явствует из германских делопроизводственных документов (в том числе дипломатической переписки), германский флагман сохранил пост командира Средиземноморской дивизии и в этом качестве остался подчинен непосредственно кайзеру Вильгельму³¹.

Этот «дуализм» наложил отпечаток, в частности, на планирование нападения германо-турецкого флота на российские порты 16 (29) октября 1914 г. Формальным основанием для проведения операции стал секретный приказ османского военного министра и заместителя верховного главнокомандующего Энвер-паши от 9 (22) октября с требованием *«найти русский флот и атаковать его без объявления войны»*³², однако следует иметь в виду, что эта директива была фактически инспирирована самим В. Сушоном, который в течение двух предшествовавших месяцев упорно склонял младотурецкую верхушку к открытию военных действий против России. Германское же морское командование, получив 14 (27) октября сообщение посольства в Константинополе о выходе турецкого флота в Черное море, воздержалось от выдачи В. Сушону директивы об атаке российских портов. Адмирал Г. фон Поль едва не отправил командиру Средизем-

номорской дивизии соответствующую телеграмму, но его удержал статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов, опасавшийся, что турецкие «влиятельные круги», выступающие против войны, негативно воспримут столь беспардонное втягивание их в конфликт с Россией³³. «Деликатное» молчание Берлина, впрочем, не имело решающего значения, поскольку ранее германское военно-политическое руководство неоднократно выражало принципиальное согласие на операцию против русских: еще в августе в Берлине настаивали на проведении акции Средиземноморской дивизии в Черном море³⁴, а последнее указание *«атаковать русский флот, если представится возможность»*, было получено В. Сушом буквально накануне – 12 (25) октября³⁵. Подготовленная штабом Средиземноморской дивизии оперативная директива включала традиционные разделы (сведения о противнике, замысел операции и ее план, указания по обороне Босфора и организации радиосвязи, а также частные приказы тактическим группам и отдельно действующим кораблям), но в данном случае предварялась приказом морского министра Джемаль-паши, требовавшим от турецких командиров подчинения германскому адмиралу³⁶.

В случаях, когда операции имели характер протяженных по времени многоактных акций, а также при их незапланированных «продолгациях», и российское, и германское командования практиковали издание промежуточных или дополнительных директивных указаний. Пример – директива «командующего соединенными силами» вице-адмирала Э. Шмидта³⁷ № 6, отданная 27 июля (9 августа) 1915 г., на следующий день после провала первой попытки прорыва в Рижский залив в ходе Ирбенской операции. Несмотря на приостановку наступательных действий в рамках главной задачи – форсирования Ирбенского пролива – документ предписывал продолжить решение обеспечивающих задач, предусмотренных первоначальным планом: в частности,

командующему разведывательными силами вице-адмиралу Ф. фон Хипперу – провести обстрел острова Утэ, а командующему разведывательной группой Балтийского моря контр-адмиралу А. Хопману – бомбардировать маяк Церель и расположенные вблизи него авиационную станцию и радиостанцию³⁸.

Особняком стоят документы, разрабатывавшиеся при подготовке совместных действий армии и флота. Наибольший интерес представляют, безусловно, планы и директивы, касавшиеся наиболее сложной разновидности применения межвидовых группировок – десантных действий. Однако вследствие ограниченности опыта таких как у немцев (неприятель провел лишь одну десантную операцию – операцию «Альбион» по захвату Моонзундских островов в октябре 1917 г.), так и у русских (опыта ведения десантных действий оперативного масштаба российские вооруженные силы не приобрели, было высажено лишь несколько тактических десантов) мы имеем возможность выявить лишь едва намечившиеся тенденции в их документальном оформлении.

Содержание комплекта планирующих и директивных документов определялось прежде всего структурой командования десантными силами, к принципам формирования которой в германском и российском флотах сложились различные подходы. Сопровождавшие подготовку к операции «Альбион» острые дискуссии с участием императора Вильгельма II, принца Генриха, главнокомандующего на Востоке генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, начальников адмирал-штаба адмирала Х. фон Хольцендорфа и императорского морского кабинета адмирала Г. фон Мюллера, командующего Флотом открытого моря адмирала Р. Шера и других должностных лиц³⁹ привели к формированию контура управления, который сам кайзер в письме принцу Генриху от 6 (19) сентября 1917 г. охарактеризовал так: *«Я подписал представленный мне начальником генерально-*

го штаба сухопутных войск и начальником адмирал-штаба проект приказа, определяющий порядок подчиненности таким образом, что **командующий 8-й армией осуществляет общее руководство** (выделено мной. – Д. К.), морской командующий самостоятелен в проводке транспортов, обеспечении прикрытия и охраны десанта. Это соответствует характеру операции, которая проводится по ходатайству армии...»⁴⁰. Оперативная директива, отданная командующим 8-й армией генералом от инфантерии О. фон Гутье 11 (24) сентября 1917 г., определяла цель операции, состав созданной для ее проведения группировки, задачи сухопутным войскам и силам флота, план проведения операции. Характерно, что от решения самой сложной проблемы – организации межвидового взаимодействия – командующий армией, по существу, самоустранился, оставив его на усмотрение командира десантного корпуса генерала от инфантерии Г. фон Катена и командующего морским «соединением особого назначения» вице-адмирала Э. Шмидта, лишь оговорившись, что *«все спорные вопросы будут разрешаться командованием 8-й армии»*⁴¹. Отдельными распоряжениями, отданными в развитие директивы, определялись организация сосредоточения и посадки десанта на транспорты в Либаве, перехода десантных сил морем, поддержки войск корабельной артиллерией, связи и т. п.

В России на основании опыта подготовительных мероприятий к неосуществленным десантным операциям (особенно поучительно планирование высадки на побережье Рижского залива летом 1916 г.⁴², задуманной, по некоторым сведениям, лично Николаем II⁴³), а также крупных войсковых перевозок, которые проводились и обеспечивались по схеме десантной операции (за исключением, разумеется, боя за высадку)⁴⁴, пришли к иному пониманию принципов руководства десантными действиями. Взгляды отечественных специалистов на эту проблему аккумулированы в «Наставле-

нии для производства десантной операции», подготовленном оперативной частью штаба командующего флотом Черного моря и утвержденном врид верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М. В. Алексеевым и начальником Морского штаба главковерха адмиралом А. И. Русиным 27 марта (9 апреля) 1917 г.⁴⁵

Принципиальное положение, характеризовавшее российский подход к управлению десантными силами, сформулировано в ст. 10: *«Лицом, осуществляющим высшее руководство десантной операцией, является **Командующий флотом** (выделено в документе. – Д. К.). Войска, назначенные в состав десантного отряда... входят в полное подчинение командующему флотом на все время операции до момента закрепления войск на берегу и перехода их к действиям на суше...»*⁴⁶. Функцией комфлота являлось определение «оснований для разработки плана операции» (замысел действий десанта на берегу; район и пункты высадки, их противолодочная оборона; момент проведения операции; состав десанта, пункты и время его сосредоточения; состав транспортов и сил обеспечения и прикрытия, сроки их готовности, пункты и сроки сосредоточения; организация разведки; организация тыловой базы десантных войск), которыми руководствовались подчиненные непосредственно командующему должностные лица – начальник «отряда, обеспечивающего операцию от неприятельского флота» (т. е. сил оперативного прикрытия) и начальник высадки. Последний в развитие директив комфлота отдавал распоряжения подчиненным ему командующему транспортной флотилией, начальнику конвоя (т. е. сил непосредственного охранения десантных транспортов на переходе морем) и общевойсковому начальнику десантного отряда. «Наставление...» регламентировало перечень и содержание всех перечисленных планирующих и директивных документов, хотя и с оговоркой, добавленной М. В. Алексеевым в виде резолюции при

утверждении документа: *«Наставление... утверждается как временное руководство до получения заключений начальников и указаний опыта»*⁴⁷.

При источниковедческом анализе планирующих и директивных документов следует иметь в виду, что содержащиеся в них указания не всегда соответствовали истинным намерениям управляющих инстанций. Например, в упомянутой выше директиве В. Сушона цель нападения на российские порты в октябре 1914 г. сформулирована так: *«Энергично начать военные действия против России, в первую очередь при этом уничтожить русские морские силы, во вторую очередь – важное в военном отношении государственное и частное русское имущество и пригодные для военных целей торговые суда, за исключением нейтральных»*⁴⁸. Представляется очевидным, что «первоочередная» задача – уничтожение русского флота – являлась абсолютно невыполнимой и лишь маскировала истинные цели операции, лежавшие не в военной, а в политической плоскости. Нападением на российские порты командир германской Средиземноморской дивизии намеревался спровоцировать войну между Османской империей и Россией вопреки воле значительной части турецкого политического истеблишмента: как известно, воинственных планов Энвер-паши и его ближайших единомышленников (особенно после провала «Плана Шлиффена» и поражения немцев на Марне) отнюдь не разделяли многие ключевые фигуры османских правящих кругов, в том числе великий визирь и по совместительству министр иностранных дел принц Саид Халим-паша и даже морской министр Джемаль-паша, который вообще отличался франкофильскими взглядами.

Пример не вполне корректной интерпретации задач в документах российской стороны – несоответствие между официальными директивами и устными инструктажами командиров тактического звена при подготовке действий на

коммуникациях противника. Так, командирам эскадренных миноносцев Балтфлота в некоторых случаях «конфиденциально» предписывалось *«не стесняться»* нарушением нейтралитета Швеции, при необходимости входя в ее территориальное море, и даже *«прикрываться шведским флагом»*, пользуясь сходством силуэтов большинства шведских эсминцев (типов «Хюгин», «Уэйль» и др.) и наших кораблей типов «Сокол» и «Деятельный»⁴⁹. Более того, иногда подобные указания маскировались передачей по средствам связи официальных директив о тщательном соблюдении нейтралитета сопредельного королевства – *«на случай дипломатических осложнений, чтобы можно было отговориться случайностью или чрезмерным рвением и азартом»*⁵⁰. Неспособность балтийского командования оградить шведский нейтралитет от посягательств подчиненных командиров и даже негласное поощрение и укрывательство случаев нарушения ими норм морского права вызвали резкое недовольство руководства Морского министерства и Морского штаба главковерха⁵¹, став одной из причин смещения адмирала В. А. Канина с должности командующего флотом⁵².

Приведенные примеры указывают на необходимость критического отношения к содержанию документов боевого управления, их «погружения» в контекст оперативной, стратегической, а при необходимости и международно-политической обстановки, тщательного сопоставления с делопроизводственными документами других жанров и нарративами личного происхождения.

Каковы же общие черты и в чем специфика директивных документов российского и германского флотов? Объединяли их, как представляется, общие «болезни роста», обусловленные тем, что теория и практика оперативного применения разнородных флотов, пребывавшая к 1914 г. в зачаточном состоянии, приобретала более или менее конкретные очертания по мере накопления опыта кампаний Великой войны.

Органам военного управления приходилось работать в условиях беспрецедентного по темпам и глубине усложнения условий борьбы на море, стремительного выхода на арену новых родов сил – подводных лодок и морской авиации, превративших морскую войну в «объемный», трехмерный процесс, совершенствования средств связи и разведки, апробации новых форм и способов применения группировок сил флота. Обе стороны пытались – и часто не без успеха – адаптировать свои модели управления к радикально меняющимся в режиме реального времени условиям, и это еще одна их общая черта.

Главное же отличие состояло в том, что планирующие и директивные документы германского флота в оперативном и особенно тактическом звеньях управления предоставляли подчиненным больше инициативы и поля для действий «по обстановке». Гибкость планирования, предполагавшая действия в рамках общего замысла, но не регламентировавшая деталей его реализации, вообще характерна для германского военного менталитета с его «тактикой постановки задач» («Auftragstaktik») ⁵³. В общем случае подобная практика, безусловно, способствовала повышению эффективности действий, хотя имела и некоторые издержки – в частности, могла свести на нет успех всей операции неудачной «импровизацией» одного из ее исполнителей, а также вынуждала флагманов и командиров интенсивнее использовать средства радиосвязи, что делало их более уязвимыми для неприятельской разведки.

Российская же метода управления сформировалась, очевидно, не без влияния патерналистской традиции, вообще свойственной военной профессиональной корпорации дореволюционной России. Вероятно, сыграла роль и недостаточная «военная предприимчивость» если не большей, то значительной части флотских командиров всех степеней, на которую обращали внимание и отечественные, и зару-

бежные специалисты⁵⁴. На боевых качествах российских флагманов и командиров, очевидно, сказывались не вполне преодоленные последствия изъятий в подготовке офицеров и флота в целом, ставшие одной из предпосылок катастрофы на Дальнем Востоке. Предпринятые после Русско-японской войны реформа военного образования и модернизация системы оперативно-боевой подготовки флота не успели к 1914 г. коренным образом изменить облик руководящего состава, большинство самостоятельных командных должностей занимали офицеры, прошедшие профессиональное становление в «доцусимскую» эпоху.

Пунктуальная регламентация запланированных действий ограничивала инициативу подчиненных, склонных к активным и нешаблонным решениям, однако в некоторых случаях давала положительный результат – в частности, способствовала обеспечению скрытности. Достаточно упомянуть обе крупномасштабные минно-заградительные операции в неприятельских водах – в Южной Балтике в конце кампании 1914 г. и в районе устья Босфора во второй половине 1916 и первой половине 1917 гг.: несмотря на их значительную продолжительность, высокую сложность и большой наряд задействованных сил и средств, при подготовке и проведении «широких минных обстрелов» российскому командованию удалось достичь оперативной внезапности⁵⁵. Российский и германский подходы к подготовке документов боевого управления охарактеризованы нами, разумеется, в самом общем виде, о чем свидетельствуют исключения из обеих описанных схем, особенно многочисленные в тактическом звене управления.

Предпринятая нами попытка сравнительного анализа российских и германских подходов к организационному и документационному обеспечению планирования и подготовки кампаний, операций и боевых действий, а также определения информационного потенциала флотской планирующей и директивной документации является, безусловно,

предельно конспективной и претендует лишь на то, чтобы послужить введением к самостоятельному исследованию этой сложной и актуальной источниковедческой проблемы. Её решение ликвидирует существенную лакуну в археографии и историографии Первой мировой войны и станет важным шагом в научном обобщении опыта применения военных флотов в период Первой мировой войны, которая явилась переломным этапом развития национальных школ военно-морского искусства и эволюции теории и практики военного управления.

Примечания

¹ Оперативные (боевые) документы – разновидность военных документов, относящаяся к боевой деятельности войск и сил, подготовке и ведению боевых действий (операций). По назначению подразделяются на планирующие и директивные (оперативные директивы, боевые распоряжения, боевые приказы и др.), отчетно-информационные (донесения, сводки, журналы боевых действий и др.), а также справочные (расчеты, описания, схемы и др.). (Военная энциклопедия. Т. 3. М., 1995. С. 107.)

² Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 26–26 об.

³ Только в сентябре 1918 г., после выхода России из войны, верховное командование германским флотом *de facto* было возложено на «военно-морское командование» (*Seekriegsleitung*) во главе с адмиралом Р. Шеером (*Schenk P., Niestlé A., Thomaier D. Germany. Kaiserliche Marine // To Crown the Waves. The Great Navies of the First World War / ed. by V. P. O'Hara, W.D. Dickson, R. Worth. Annapolis, 2013. P. 92*).

⁴ О функциях адмирал-штаба см. подробнее: *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // Морской сборник. 1914. № 9. Неоф. отд. С. 146–179; *Hubatsch W.* Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848–1945. Frankfurt, 1958.

⁵ *Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. I: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации // пер. с нем.

П. В. Гельмерсена и А. В. Тимонова, вступ. ст. и примеч. М. А. Петрова. Л., 1926. С. 45; Materialien aus dem Bundesarchiv. Heft 9. Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg. Dokumentation / bearbeitet von G. Granier. Bd 1. Koblenz, 1999. S. 71.

⁶ Алафузов В. А. Доктрины германского флота. М., 1956. С. 53–54.

⁷ См. также: Алафузов В. А. Гросс-адмирал Тирпиц и его «Воспоминания» // Тирпиц А., фон. Воспоминания / пер. с нем. М., 1957. С. 30–43.

⁸ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 196. Л. 43–43 об.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2126. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁹ Alpeev O. E. Russian Strategic Planning in 1905–1914: Prediction of Military Threats and Ways of Their Neutralization // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 11. P. S1060–S1064.

¹⁰ См., например, первую директиву начальника Морского штаба главковерха вице-адмирала А. И. Русина командующему флотом Балтийского моря вице-адмиралу В. А. Канину от 3 (16) марта 1916 г. (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 25–25 об).

¹¹ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 196. Л. 65; Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

¹² Существенная деталь: главнокомандующий 6-й армией, хотя и обладал широкими полномочиями главнокомандующего Балтийским флотом согласно ст. 21–27 Морского устава, никогда не брал на себя ответственность за принятие принципиальных решений по «морским» вопросам и всегда переадресовывал их в Ставку. Вероятно, важная причина осторожности главнокома заключалась в особом отношении к Н. О. фон Эссену со стороны Николая II.

¹³ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–43.

¹⁴ Петров М. А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927. С. 499.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 60. Л. 25–25 об.

¹⁶ В Военном министерстве действовало «Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве», регламентировавшее разновидности (жанры) документов и правила их со-

ставления, оформления, движения, хранения и т.д. Документ был утвержден в 1911 г. и затем неоднократно уточнялся (Положение о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве. Издание 5-е, дополненное всеми изменениями и разъяснениями, объявленными по 1-е июня 1916 года. Пг., 1916). В морском же ведомстве работа над единым «Уставом делопроизводства», начатая летом 1909 г. по решению морского министра вице-адмирала С. А. Воеводского, завершена так и не была (См. подробнее: *Назаренко К. Б.* Делопроизводственная документация как источник по истории Морского министерства России в 1905–1914 гг. // *Историография и источниковедение отечественной истории.* Вып. 2. СПб., 2002. С. 112–115).

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 36. Л. 43 об.

¹⁸ Там же. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–13. Оpubл.: «Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами...». Записка Е. Ф. Винтера о «шведском походе» флота Балтийского моря в июле 1914 года / публ. Д. Ю. Козлова // *Великая война 1914–1918.* Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 6 (2017). С. 107–118.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 17.

²⁰ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 3–4.

²¹ В отечественной практике операциям присваивались, как правило, порядковые номера, а не условные наименования. Едва ли не единственным исключением является планировавшаяся осенью 1917 г., но так и не состоявшаяся десантная операция в районе Синопа, получившая наименование «Нахимов» (Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. Т. 1: Действия русского флота. М., 1964. С. 555–556).

²² Например, «Операцией № 6» именовался перевод линейного корабля «Слава» в Рижский залив в июле 1915 г. (РГАВМФ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 76. Л. 17–18), «Операцией № 12» – набег на германский конвой в Норчепингской бухте в мае – июне 1916 г. (Там же. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–18).

²³ Например, «Приказание Черноморскому флоту для выполнения операции подвоза подкрепления Приморскому отряду Кавказ-

ской армии» от 11 (24) марта 1916 г. № 12 (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1069. Л. 2–5), «Приказание Черноморскому флоту для выполнения операции перевозки 123-й пехотной дивизии из Мариуполя в Трапезунд» от 14 (27) мая того же года № 15 (Там же. Д. 1067. Л. 82–84).

²⁴ Командный пункт осуществлял управление подводными лодками в море путем радиообмена в установленные сеансы связи (РГАВМФ. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.). Бóльших успехов в этом направлении добился Черноморский флот, где с января 1916 г. для обеспечения радиосвязи использовались корабли-ретрансляторы (*Шломин В. С.* Боевые действия русского Черноморского флота в кампанию 1916 г. (рукопись). Л., 1954–1955. С. 462–463), а в ноябре того же года проводились опыты с *«радиолеграфированием подводных лодок с дальних расстояний»*, в ходе которых, как докладывал в Ставку вице-адмирал А. В. Колчак, удалось *«добиться возможности прямых сношений по радио с лодками, находящимися у Босфора (235 миль)»* (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 134). На Балтике практиковалась передача подводным лодкам инструкций и данных об изменениях обстановки через пост Службы связи на м. Дагерорт (западная оконечность о. Даго), который был связан с Ревелем телефонной линией (см., например: Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 107).

²⁵ *Зернин А.* Балтийцы. Морские рассказы. М., 1995. С. 111–113; *Кедров М. А.* Моя автобиография. 1878–1933 гг. / публ. Д. Ю. Козлова, Л. И. Петрушевой, В. А. Болтрукевича. М., 2020. С. 35–36; *Партала М. А.* Радиоразведка Балтийского флота в Первую мировую войну (к истории создания) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы 6-й ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 149.

²⁶ *Шломин В. С.* Указ. соч. С. 478–479.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 966. Л. 64, 89. Справедливость опасений М. П. Саблина уже была убедительно доказана опытом боевых действий на Балтике: 27 сентября (10 октября) 1914 г. в устье Финского залива германская лодка U 26 атаковала крейсер «Адмирал Макаров», воспользовавшись его остановкой для досмотра парусника (РГАВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 38;

Винтер Е. Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на центральной позиции. 24 августа (6 сентября) – 26 сентября (9 октября) 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сб. № 2. Пг., 1922. С. 238–240; *Эссен А.Н., фон.* Начало неприятельской подводной кампании в Балтийском море // Подводник России. 2004. № 4. С. 98–101).

²⁸ Bundesarchiv (BArch), RM 28 (Oberbefehlshaber der Ostseestreitkräfte der Kaiserlichen Marine) / 223; Abschriften in: BArch, RM 60-II (Küstenschutzdivision der Ostsee der Kaiserlichen Marine)/92 und RM 92 (Schwere und mittlere Kampfschiffe der Preußischen und Kaiserlichen Marine (Reichsmarine und Kriegsmarine))/2985. Опубл.: *Козлов Д. Ю.* «Шведский поход» адмирала фон Эссена (июль 1914 г.). М., 2019. С. 263–267.

²⁹ BArch, RM 60-II/68, Bl. 17; Abschriften in: BArch, RM 28/223, RM 60-II/92 und RM 92/2985. Опубл.: *Козлов Д. Ю.* «Шведский поход»... С. 268–270.

³⁰ Goben ve Breslau zirhlılarının Boğazdan geçişleri (11 Ağustos 1914) // Osmanlı Belgelerinde Berinci Dünya Harbi I. İstanbul, 2013. S. 41–42; Goben ve Breslau gemilerinin satın alınma belgelerinin İngilizlere ibrazı (21 Ekim 1914) // Id. S. 64–65. Несмотря на включение «Гебена» и «Бреслау» в состав турецкого флота и их переименование в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли» соответственно, боевые документы на них велись по германскому образцу на немецком языке. Это относится и к другим кораблям оттоманского флота, во всяком случае тем, где обязанности «дублеров» командиров выполняли немецкие офицеры, которые и заверяли правильность внесенных данных (см., например: Kriegstagebuch «Torgut-Reis» vom 1. April 1915 – 28. April 1915 // Центральный архив Минобороны России (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12519. Д. 317. Л. 236–241 об. Документ подписан германским командиром линейного корабля «Торгут Рейс» капитан-лейтенантом У. фон Типпельскирхом).

³¹ См., например: Kommando der Mittelmeerdivision an Kaiser Wilhelm II (Halki, 3.11.1914) // Materialien aus dem Bundesarchiv. H. 9. Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg... Bd 4.

Koblenz, 2004. S. 24–25; Kriegstagebuch der Mittelmeerdivision (5–30.11.1915) // ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 519. Д. 318. Л. 170–177 об.; Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft (Marineattaché) an das Kaiserliche Kommando der Mittelmeer-Division (Bukarest, 1. Juni 1916) // BArch, RM 40 (Dienststellen und Kommandostellen der Kaiserlichen Marine im Mittelmeer und im Osmanischen Reich)/201, Bl. 70–72.

³² *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Е. Шведе. М., 1934. С. 49.

³³ *Hopman A.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 / herausgegeben von M. Epkenhans. München, 2004. S. 478–479.

³⁴ Chef des Admiralstabs der Marine an Staatssekretär des Auswärtigen Amtes (Luxemburg, 12.9.1914) // Materialien aus dem Bundesarchiv. H. 9. Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg... Bd 4. S. 22.

³⁵ *Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J.* Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914–1918. Hamburg; Bonn; Berlin, 1999. S. 21.

³⁶ *Лорей Г.* Указ. соч. С. 50–54.

³⁷ Временная должность командира 4-й эскадры именовалась «Oberleitung», что в буквальном переводе означает «главное командование». Формулировка «командующий соединенными силами», появившаяся в русском издании официального германского описания балтийской кампании 1915 г. (*Ролльман Г.* Война на Балтийском море. 1915 год / пер. с нем. Ю. Ралля. М., 1935) и утвердившаяся в отечественной историографии, очевидно, призвана подчеркнуть тот факт, что в ходе Ирбенской операции Э. Шмидт руководил как задействованными силами Балтийского моря, так и соединениями, присланными Флотом открытого моря.

³⁸ BArch, RM 92 (Schwere und mittlere Kampfschiffe der Preussischen und Kaiserlichen Marine (Reichsmarine und Kriegsmarine))/3735, Bl. 8.

³⁹ О подготовке операции «Альбион» см. подробнее: *Грибовский В.Ю., Савинов А. Ю.* Моонзундское сражение 1917 года. СПб., 2003. С. 11–13; *Наземцева Е. Н.* Операция «Альбион» в современной германской археографии // Актуальные проблемы

истории Восточного (русского) фронта Первой мировой войны (1914–1917). М., 2014. С. 136–145; *Barrett M.* Operation Albion. The German Conquest of the Baltic Islands. Bloomington, 2008. P. 33–55; *Groß G. P.* Unternehmen «Albion». Die erste «Joint Operation» deutscher Streitkräfte // Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung. 2004. Н. 3. С. 4–7.

⁴⁰ Kaiser Wilhelm II. an Oberbefehlshaber der Ostseestreitkräfte (Budapest, 19.9.1917) // Materialien aus dem Bundesarchiv. Н. 9. Die deutsche Seekriegsleitung im Ersten Weltkrieg... Bd 2. Koblenz, 2000. С. 308.

⁴¹ *Чишвиц А.Г., фон.* Захват Германией Балтийских островов в 1917 году // Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. М., 2009. С. 314–317.

⁴² *Данилов Н. А.* Смешанная операция в Рижском заливе в июне – августе 1916 г. Л., 1927.

⁴³ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 189.

⁴⁴ Речь идет о перевозках на побережье Восточной Анатолии 1-й и 2-й пластунских бригад в апреле и 123-й, а затем 127-й пехотных дивизий в мае – июне 1916 г. (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 1067. Л. 78–80, 82–84; Д. 1069. Л. 2–5; *Новиков Н.* Операции флота против берега на Черноморском театре в войну 1914–1917 гг. М., 1937. С. 180–230; *Павлович Н. Б.* Войсковые перевозки морем. Л., 1935. С. 50–52; Перевозка войск из Новороссийска в Ризе // Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М., 1951. С. 439–442).

⁴⁵ По свидетельству М. И. Смирнова, состоявшего в то время флаг-капитаном по оперативной части, проект документа был разработан начальником оперативного отделения старшим лейтенантом Н. Ю. Фоминым и начальником военно-сухопутного отделения подполковником генерального штаба А. П. Степановым, а затем основательно отредактирован М. В. Алексеевым, который, «несмотря на бушевавшую революцию, нашел время для детального изучения вопроса» (*Смирнов [М.И.]* Наставление для производства десантной операции. Введение // Зарубежный морской сборник. 1930. № 11–12. С. 40).

⁴⁶ Наставление для производства десантной операции. [Севастополь, 1917.] С. 11. Более лаконично, но не менее емко эту мысль

выразил М. В. Алексеев в одной из своих пометок на проекте «Наставления...»: «*Техническая часть – морская. Сухопутные должны подчиняться ей*» (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40442. Оп. 1. Д. 1877. Л. 168–169).

⁴⁷ Наставление для производства десантной операции. С. 3.

⁴⁸ Лорей Г. Указ. соч. С. 52.

⁴⁹ Афонин Н. Н. Эскадренные миноносцы типа «Деятельный». СПб., 2013. С. 73.

⁵⁰ Холодковский И. Памяти адмирала Непенина // Морской журнал. 1929. № 10 (22). С. 8.

⁵¹ В служебном письме командирующему флотом Балтийского моря адмиралу В. А. Канину от 26 августа (8 сентября) 1916 г. начальник Морского штаба главковерха адмирал А. И. Русин упомянул о семи инцидентах, связанных с нарушением кораблями Балтфлота шведского нейтралитета, добавив, что «*всякий раз мы были или не вполне правы, или же совершенно неправы*» (РГАВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 24–28.).

⁵² РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 102–104 об. О мотивах и обстоятельствах смещения В. А. Канина см. также: К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командирующим Балтийским флотом (по письмам и дневникам) / публ. А. Ю. Емелина, К. Л. Козюренко // Кортик. Вып. 1 (2003). С. 40–55; Петров М. Кризис морского командования в 1916 году // Морской сборник. 1926. № 8–9. С. 3–19.

⁵³ См. подробнее: Ланник Л. В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2015; *Leisten-schneider S. Auftragstaktik im preußisch-deutschen Heer 1871 bis 1914*. Hamburg, 2002; *Sigg M. Der Unterführer als Feldherr im Taschenformat. Theorie und Praxis der Auftragstaktik im deutschen Heer 1869 bis 1945*. Paderborn, 2014.

⁵⁴ «*Управление характеризуется полным отсутствием инициативы и собственного мнения, полной нерешительностью и неумением довести до конца самое простое дело, полным безмолвием и отсутствием критической оценки обстановки...*», – писал флаг-капитан по оперативной части штаба командующего Балтфлотом капитан 1-го ранга А. В. Колчак 23 октября (5 ноября)

1914 г. («Все-таки надеюсь, что мы отомстим немцам»). Из переписки В. М. Альтфатера и А. В. Колчака / публ. В. Петрова // Источник. 1997. № 5. С. 13). А вот что отмечал германский военно-морской деятель и историк Фридрих Руге: *«Никто из офицеров флота, сражавшихся в 1914–1917 гг. против русских, не питал особого уважения к этому флоту. Правда, русские хорошо стреляли, а очутившись в тяжелом положении, экипажи мужественно сражались до конца. Однако, как в русско-японской войне, так и в 1914–1917 гг., им не хватало способности быстро оценивать и использовать столь быстро меняющуюся на море оперативную и тактическую обстановку...»* (Руге Ф. Война на море 1939–1945. СПб.; М.: Полигон, АСТ, 1998. С. 189). Приведенные мнения, безусловно, являются субъективными и дискуссионными, оценка боевых качеств офицерского корпуса флота представляется сложной методологической проблемой и требует самостоятельного междисциплинарного исследования.

⁵⁵ См. подробнее: *Гельмерсен П. В.* Заградительные операции Балтийского флота у германского побережья в 1914–1915 гг. СПб., 1998; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л., 1940. С. 8–12, 42–51; Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 105–143, 465–475, 525–533; *Денисов Б.* Минно-заградительные операции русского флота в Балтийском море в 1914–1917 гг. // Морской сборник. 1934. № 8. С. 155–175; *Козлов И. А.* Минные постановки русского флота в южной части Балтийского моря в 1914–1915 гг. // Русское военно-морское искусство... С. 375–392; *Смирнов М.* Минные заграждения у Босфора // Часовой. 1929. № 17–18. С. 18–20.

Именной указатель

- Айвазовский И. К. • 108
Алафузов В. А. • 139, 140, 157
Александр I • 17, 22, 45
Александр Михайлович,
 вел. кн. • 57
Александрова В. И. • 86
Алексеев М. В. • 151, 162, 163
Алексеев Ю. Г. • 80, 81, 88
Альтфатер В. М. • 164
Апраксин Ф. М. • 16
Афонин Н. Н. • 163
Багров Л. С. • 100
Бахидзе Б. А. • 86
Бежанов А. Г. • 45
Березин Е. В. • 61
Беренс Е. А. • 82, 88
Берх В. Н. • 90
Бестужев-Рюмин К. Н. • 9
Бирд П. • 91
Бирилев А. А. • 62
Бойл П. • 91
Болтрукевич В. А. • 159, 174
Болховитинов Н. Н. • 6, 90–96
Бошняк Н. К. • 101
Брант • 23
Браун Ю. • 114
Брегман А. А. • 86
Бройтман Л. И. • 50, 58
Брусиллов Л. А. • 133
Брюнель М. И. • 115
Брюнель И. К. • 115
Бурун А. • 60
Буслова Л. И. • 77, 86
Бутовской Н. Д. • 61
Валк С. Н. • 70, 80, 88
Вампе Ф. А. • 135
Варранд К. С. • 31, 32
Вартанян Ю. Т. • 2, 5, 62, 77
Варфоломеев М. Н. • 28, 36, 45,
 47, 63
Васильев Н. А. • 21, 25–27
Венков Н. А. • 77
Веселаго Ф. Ф. • 16, 29, 45, 49,
 90
Веселкин М. М. • 64
Вильгельм II • 139, 147, 149
Вилькес А. А. • 66
Виноградов С. Е. • 6, 86, 89,
 125
Винтер Е. Ф. • 143, 158, 160
Витте С. Ю. • 61
Воеводский С. А. • 158
Воронин В. Е. • 122, 123
Гаврилюк Д. А. • 85
Гагемейстер Л. А. • 92
Гейден А. Ф. • 60
Гельмерсен П. В. • 157, 164
Генрих Прусский, принц • 139,
 146, 149
Герман В. А. • 17
Гигаури В. С. • 83, 86
Глазунова Л. В. • 17
Головачев В. Ф. • 10
Головина А. А. • 86
Головнин А. В. • 122
Головнин В. М. • 25, 26
Голубев Л. В. • 50
Гомзин И. Г. • 45
Гончаров Л. Г. • 164
Гоц Н. А. • 85, 86
Грибовский В. Ю. • 161
Григорович И. К. • 63, 133
Гринев А. В. • 95
Гриффитс Д. • 91

- Громова А. А. • 57
 Гудкин-Васильев В. Н. • 83, 85, 86
 Гуляев Э. Е. • 60
 Гусев Д. В. • 85
 Гутье О., фон • 150
 Гюден Ж.-А.-Т. • 113
 Давыдов И. • 21
 Данилов Н. А. • 162
 Данкова Н. А. • 66
 Денисов Б. А. • 164
 Денисова О. И. • 56
 Джемаль-паша • 148, 152
 Дмитрий Донской, князь • 106, 107
 Добролюбов Н. А. • 100
 Домнин И. В. • 99
 Дрезен А. К. • 70
 Дубасов Ф. В. • 4, 48–58, 60, 133, 179
 Дубасова А. С. • 49, 50
 Дубасова И. Ф. • 50, 52, 55
 Дубин А. С. • 50, 58
 Дудоров Б. П. • 162
 Дуклер М. Я. • 66
 Екатерина I, императрица • 16
 Елагин С. И. • 3, 4, 8–18, 49, 177, 185
 Ельцин Б. Н. • 3, 5, 62, 176
 Емелин А. Ю. • 2, 4, 5, 48, 77, 86, 95, 99, 163
 Ермолов Н. С. • 60
 Ершов-Заленский Л. А. • 85
 Ефимов А. В. • 90
 Жандр А. П. • 48
 Жандр О. К. • 60
 Жерве Б. Б. • 156
 Житков К. Г. • 122
 Жмакин Н. В. • 66, 72
 Жук С. И. • 96
 Жуковский В. А. • 119, 120, 121, 124
 Завьялова Л. В. • 122
 Зайончковский Б. В. • 60
 Заозерский А. И. • 78, 87
 Захаров А. Д. • 19, 20, 21, 24, 25, 27, 45
 Захарова Л. Г. • 122
 Зернин А. В. • 159
 Зиневич Д. М. • 66
 Зотова О. А. • 4, 19, 77, 86
 Зугман Е. И. • 83, 86
 Иванова Т. А. • 66
 Иванченко Я. И. • 96
 Изенбек С. А. • 133
 Изенберг К. В. • 77
 Ильинский В. П. • 55
 Иоффе А. Е. • 86
 Йоши М. • 91
 Калашников Д. И. • 45
 Каллистов Н. Д. • 49
 Калинина Н. А. • 86
 Канин В. А. • 142, 153, 157, 163
 Катен Г., фон • 150
 Каштанов С. М. • 17
 Квашнин-Самарин Е. Н. • 39, 49
 Кедров М. А. • 159
 Кербер Л. Б. • 60
 Кладо Н. Л. • 60
 Ключевский В. О. • 9
 Князев Г. А. • 56, 70
 Козлов Д. Ю. • 7, 138, 158–160
 Козлов И. А. • 164
 Козюренко К. Л. • 87, 163
 Коломейцев Н. Н. • 100
 Колтовская А. Г. • 57
 Колупаев В. Е. • 123

- Колчак А. В. • 82, 88, 101, 133, 159, 163, 164
- Кони А. Ф. • 122
- Константин Николаевич, вел. кн. • 4, 6, 9, 10, 12, 13, 29, 104–115, 117–120, 122–124
- Константин Павлович, вел. кн. • 106
- Копелев Д. Н. • 6, 86, 104, 123
- Копытов Н. В. • 52
- Коргуев Н. А. • 10, 49
- Корнилов В. А. • 48
- Королев Н. С. • 38
- Кочетов Р. И. • 29–32
- Коцебу О. Е. • 92
- Краббе Н. К. • 32
- Кржижановский Н. Л. • 60
- Кротков А. С. • 60, 61
- Кротов П. А. • 82, 85, 88, 89
- Крузенштерн И. Ф., фон • 92, 182
- Кручинин А. С. • 99
- Кузнецов Н. А. • 6, 97, 171
- Курносов С. Ю. • 5, 74, 77
- Курносова О. Б. • 77
- Кушелев И. И. • 22
- Кушелева (Ланская) Е. Д. • 22
- Лаллеман М. К. • 61
- Ланге А. Ф. • 37–39
- Ланник Л. В. • 163
- Лансере Н. Е. • 44, 45
- Лебедев А. Д. • 38
- Лебедев А. И. • 5, 39–43, 49–54, 56, 58, 59, 62–64
- Ленин В. И. • 5, 62
- Леопольд Баварский, принц • 149
- Лесовский С. С. • 32
- Ливен А. А. • 40
- Ливенцев Д. В. • 17
- Лившиц И. А. • 83, 86
- Липкин М. А. • 96
- Лисицкая А. А. • 4, 8
- Литке Ф. П. • 111–119, 121, 122, 123
- Лорей Г. • 161, 163
- Луи-Филипп, король • 109
- Лутковский Ф. С. • 111
- Лушков Н. М. • 61
- Лысикова Т. Д. • 86
- Любавский М. К. • 122
- Мавродин В. В. • 82
- Мажара (Неранова) Е. Н. • 85
- Мажара П. Ю. • 85
- Мазур Т. П. • 47, 86
- Макаров В. С. • 51
- Макаров С. О. • 4, 48–58, 60, 61
- Макарова К. Н. • 50, 51, 53, 59
- Максаков В. В. • 71, 72
- Максимов Н. А. • 66
- Малевинская М. Е. • 47
- Мамай • 106
- Мартынова Г. В. • 86
- Медведев Д. А. • 75
- Мельников Ф. Т. • 41
- Мельникова Е. И. • 41
- Ментор • 111, 114, 116, 117, 122
- Меншиков А. Д., князь • 16
- Меншиков А. С., князь • 48, 49, 58, 113
- Месмахер М. Е. • 43, 64
- Миклашевский И. А. • 38
- Мишке Р. • 146
- Моллер А. В., фон • 25, 26
- Молчанов П. С. • 22
- Молчанова А. (Е.) И. • 21–24
- Москвин В. А. • 98
- Мурзанова М. Н. • 57

- Мюллер Г., фон • 149
 Надводский В. Е. • 86
 Назаренко К. Б. • 5, 78, 88, 89, 158, 171
 Наземцева Е. Н. • 161
 Наполеон I, император • 105, 109
 Нармонт (Поливанова) А. М. • 58
 Нахимов П. С. • 87
 Нарочницкий А. Л. • 90, 95
 Невельской Г. И. • 112, 190
 Непенин А. И. • 82, 88, 162, 163
 Нехаев К. К. • 61
 Нечаев С. Д. • 107
 Нигель Б. А. • 64, 70
 Никитин А. • 80, 88
 Николай I, император • 49, 105, 109–111, 121
 Николай II, император • 126, 128, 150, 157
 Николай Николаевич, вел. кн. • 140
 Нинева Ф. А. • 39
 Новиков Н. В. • 49, 162
 Обичкин Г. Д. • 70
 Овандер Э. Э. • 54, 59
 Огородников С. Ф. • 16, 49
 Озеров А. А. • 111
 Олег, князь • 108, 120
 Олейник М. С. • 77
 Окунь С. Б. • 79, 80, 87
 Орлов К. В. • 122
 Павел I, император • 17
 Павел Исповедник, св. • 102
 Павленко Р. Я. • 58
 Павлов Ф. П. • 66
 Павлов-Сильванский Н. П. • 122
 Павлович Н. Б. • 158, 162
 Палибин И. В. • 61
 Панина Т. С. • 72
 Партала М. А. • 159
 Паульсен Х. Г. • 21
 Перикл • 107
 Пестич Ф. В. • 60
 Петр I Великий (Петр Михайлов) • 5, 16, 29, 60, 74–78, 82, 87, 88, 101, 112, 113, 121
 Петров А. И. • 10
 Петров А. Ю. • 6, 90, 95, 96
 Петров В. А. • 164
 Петров М. А. • 157, 163
 Петрушева Л. И. • 159
 Пещуров А. А. • 32
 Пилкин В. К. • 99, 103
 Пилявский В. И. • 44, 45
 Пирс • 91
 Платон • 107
 Платонов С. Ф. • 9
 Плотникова С. Е. • 66
 Погодин А. И. • 61
 Поль Г., фон • 139, 147
 Понятов А. М. • 100
 Поромов П. М. • 66
 Разумовский А. К. • 22, 23
 Ралль Ю. Ф. • 161
 Раскин Д. И. • 7
 Ратьков-Рожнов А. А. • 35–37, 48
 Резанов Н. П. • 92
 Ренгартен И. И. • 143
 Рибера-Пашвиц Х., фон • 139
 Родзянко А. П. • 81
 Рождественский З. П. • 53
 Ролльман Г. • 161
 Ромишевский В. И. • 51

- Руге Ф. • 164
 Рузский Н. В. • 139
 Русин А. И. • 56, 151, 157, 163
 Русина Ю. А. • 17
 Рябушинский В. П. • 60
 Саблин М. П. • 145, 146, 159
 Савинов А. Ю. • 161
 Сазонов • 66, 72
 Саид Халим-паша • 152
 Сайтов В. И. • 17
 Самоквасов Д. Я. • 9
 Сарычев Г. А. • 25
 Святослав, князь • 108
 Северюков Р. А. • 10
 Семенов В. И. • 53
 Семенов Л. С. • 80, 88
 Семечкин Л. П. • 51
 Сенявин Д. Н. • 87
 Сигал О. С. • 87
 Синявин Н. А. • 16
 Сипягин В. Н. • 39
 Сипягин Д. С. • 49
 Случевский К. К. • 60
 Смирнов В. Г. • 2, 7, 58, 95
 Смирнов М. И. • 162, 164
 Смолин А. В. • 70, 81, 88
 Соболев Г. Л. • 80, 88
 Солженицын А. И. • 6, 97–103
 Соловьев И. Н. • 68, 69, 72
 Соловьев Н. И. • 60
 Соловьев С. М. • 9
 Сопетина А. П. • 56
 Сперанский М. В. • 38
 Спиридонова Л. И. • 94, 189
 Степанов А. П. • 162
 Стеценко К. В. • 55, 56, 133
 Столыпин П. А. • 84
 Сушон В. • 139, 147, 148, 152
 Тарле Е. В. • 78, 79, 87
 Таньшина Н. П. • 123
 Телемак • 111, 114, 116, 117, 122
 Тилло А. А. • 61
 Тимонов А. В. • 157
 Типольт Н. А. • 53, 54, 57
 Типпельскирх У., фон • 160
 Тирпиц А., фон • 157
 Тихменев П. А. • 90
 Третьякова М. Н. • 86
 Траверсе И. И., де • 22, 23
 Тютчева А. Ф. • 105, 122
 Ушаков Ф. Ф. • 55
 Фан-дер-Флит К. П. • 140, 142
 Фарафонтьев А. Я. • 26
 Фарфоровский С. В. • 53, 54
 Фатеев Д. М. • 85
 Федорова Т. С. • 69, 86, 94, 95
 Фирле Р. • 156
 Флоринский М. Ф. • 83, 84, 89
 Фомин Н. Ю. • 162
 Франсуа Жуанвильский,
 принц • 109, 123
 Фукидид • 107
 Хабалов С. С. • 41
 Халтурин С. Н. • 19, 43, 64, 67
 Хиппер Ф., фон • 149
 Холодковский И. А. • 163
 Хольцендорф Х., фон • 149
 Хопман А. • 149
 Цивлина П. З. • 67
 Цим Д. Ф. • 61
 Ципленкин В. П. • 87
 Черепнина Т. Н. • 56
 Черкасов В. Н. • 133
 Чихачёв Н. М. • 32
 Чичагов П. В. • 17
 Чишвиц А. Г., фон • 162
 Чубинский В. Г. • 32–35
 Шапиро А. Л. • 79, 80, 87

- Шафранов П. А. • 56
Шахов Б. П. • 53, 54
Шведе Е. Е. • 57, 161
Шевырев А. П. • 122
Шеер Р. • 149, 156
Шелихов Г. И. • 92
Шелихова Н. А. • 92
Шеманский Ю. А. • 102, 103
Шестаков И. А. • 32
Шидловский Ф. И. • 61
Шиллинг Н. Г., фон • 61
Шлиффен А., фон • 152
Шломин В. С. • 159
Шмидт Э. • 148, 150, 161
Эйдинова Н. Г. • 66
Энвер-паша • 147, 152
Эссен А. Н., фон • 160
Эссен Н. О., фон • 133, 140,
142, 143, 157, 160
Юденич Н. Н. • 81
Юрковская Л. А. • 86
- Янушкевич Н. Н. • 142
Ягов Г., фон • 148
Яцыно И. А. • 60
Alpeev O. E. • 157
Barrett M. • 162
Dickson W.D. • 156
Granier G., von • 157
Groß G.P. • 162
Hopman A. • 161
Hubatsch W. • 156
Krüsmann J. • 161
Langensiepen B. • 161
Leistenschneider S. • 163
Niestlé A. • 156
Nottelmann D. • 161
O'Hara V. P. • 156
Sigg M. • 163
Schenk P. • 156
Thomaier D. • 156
Worth R. • 156

Судовой указатель

- «Аврора» • 113
«Адмирал Владимирский» • 6
«Аугсбург» • 146
«Бреслау» • 147, 160
«Гангут» • 76, 89, 102
«Гебен» • 147, 160
«Деятельный» • 153, 163
«Ермак» • 53, 54, 61
«Ингерманланд» • 112
«Кювье» • 109
«Магдебург» • 146
«Менелай» • 109
«Мидилли» • 160
«Орел» • 102
- «Полтава» • 76
«Рюрик» • 143
«Севастополь» • 9, 142
«Седов» • 100
«Слава» • 89, 158
«Сокол» • 153
«Стерегуший» • 77
«Торгут Рейс» • 160
«Три святителя» • 9
«Уэйль» • 153
«Хюгин» • 153
«Явуз Султан Селим» • 160
«Якут» • 102

Сведения об авторах

Вартанян Юлия Тиграновна

главный специалист отдела организационно-методической работы
Российского государственного архива Военно-Морского Флота
(г. Санкт-Петербург); vyt@rgavmf.ru

Виноградов Сергей Евгеньевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории РАН (г. Москва);
sergei101000@mail.ru

Емелин Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, заместитель директора Российского
государственного архива Военно-Морского Флота; eay@rgavmf.ru

Зотова Олеся Александровна

начальник отдела научно-справочного аппарата
Российского государственного архива Военно-Морского Флота
(г. Санкт-Петербург); zoa@rgavmf.ru

Козлов Денис Юрьевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель Центра военной истории России Института
российской истории РАН (г. Москва); kozloff_d@mail.ru

Копелев Дмитрий Николаевич

доктор исторических наук, профессор Российского
государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); kopelll07@list.ru

Кузнецов Никита Анатольевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дома
русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва);
nikita-k1978@yandex.ru

Курносов Сергей Юрьевич

кандидат культурологии, заместитель директора Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого (г. Санкт-Петербург); kurnosov_s@mail.ru

Лисицкая Анна Александровна

главный специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); laa@rgavmf.ru

Назаренко Кирилл Борисович

доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); kirbornaz@yandex.ru

Петров Александр Юрьевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (г. Москва); alaska13@yandex.com

***Перечень выпусков Елагинских чтений
с указанием тем***

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. I (Тема: «300-летие Морского кадетского корпуса и история морского образования в России»). – Санкт-Петербург, 2003. – 104 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. II (Тема: «300-летие Санкт-Петербурга – морской столицы России»). – Санкт-Петербург, 2005. – 160 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. III (Тема: «Русско-японская война 1904–1905 гг.»). – Санкт-Петербург, 2006. – 104 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. IV (к 285-летию основания РГАВМФ). – Санкт-Петербург, 2009. – 208 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. V (Тема: «Моряки на службе Отечеству»). – Санкт-Петербург, 2011. – 200 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. VI (Тема: «Дальние плавания российских моряков»). – Санкт-Петербург, 2013. – 128 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. VII (Тема: «Военные моряки в отечественной науке и культуре»). – Санкт-Петербург, 2014. – 180 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. VIII (Тема: «Флот в Первой мировой войне»). – Санкт-Петербург, 2016. – 152 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. IX (Тема: «Российский флот на рубеже эпох: от Императорского к Рабоче-Крестьянскому Красному»). – Санкт-Петербург, 2018. – 142 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. X (Тема: «Сражения Российского императорского флота»). – Санкт-Петербург, 2020. – 180 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. XI (Тема: «Петр Великий и создание регулярного флота в России: этапы, герои, история изучения, память»). – Санкт-Петербург, 2022. – 202 с.

Елагинские чтения. Сборник статей. Вып. XII (Тема: «Архив и История», к 300-летию РГАВМФ). – Санкт-Петербург-Иваново, 2023. – 196 с.

**Указатель статей, опубликованных в I–XII выпусках
Елагинских чтений**

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Амирханов Л. И.</i>	Роль документов РГАВМФ в борьбе за сохранение фортов Кронштадта	4
<i>Амирханов Л. И.</i>	Оборона Кронштадта в годы Крымской (Восточной) войны	5
<i>Андриенко В. Г.</i>	Дело «Решительного»	3
<i>Базарова Т. А.</i>	Переписка олонецкого коменданта И. Я. Яковлева и А. Д. Меншикова в 1704–1705 гг.: по материалам Архива СПбИИ РАН и РГАВМФ	11
<i>Беллер О. Н.</i>	Мордовины. Служба по морскому ведомству	6
<i>Беллер О. Н.</i>	Представители морской ветви династии Мордовиных в науке и культуре	7
<i>Белуосов А. С.</i>	Возобновление военного судостроения на р. Дон в 1720-е годы	11
<i>Болтрукевич В. А.</i>	Предложения представителей военно-морского профессионального сообщества России по использованию крейсеров в 1880-е годы	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Бонитенко А. К.</i>	Документы ЦГАЛИ СПб о жизни и деятельности писателя Виктора Викторовича Конецкого	2
<i>Бочаров А. А.</i>	Повседневная жизнь матросов русского военно-морского флота конца XIX – начала XX веков в документах РГАВМФ	4
<i>Бочаров А. А.</i>	Из истории нереализованных проектов реконструкции комплекса Новой Голландии (по документам РГАВМФ)	2
<i>Бочаров А. А.</i>	Обучение грамоте матросов русского флота во второй половине XIX века	5
<i>Бочаров А. А.</i>	Матросы русского флота в дальних плаваниях во второй половине XIX – начале XX веков	6
<i>Бочаров А. А.</i>	Флот и становление отечественного кинематографа	7
<i>Буканова Р. Г., Насыров К. З.</i>	Контр-адмирал Иван Иванович Неплюев – реформатор материальной культуры Оренбургского края	7
<i>Буканова Р. Г., Насыров К. З.</i>	М. Т. Коняев и М. И. Войнович – забытые герои Патрасского морского сражения 1772 г.	10
<i>Буслова Л. И.</i>	Военно-морское гимнастическое заведение (1856–1878)	1
<i>Буслова Л. И.</i>	Документы РГАВМФ о деятельности Чарлза Камерона на службе в морском ведомстве	2

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Буслова Л. И.</i>	Их имена не должны быть забыты: архив и архивисты середины XIX – начала XX веков	4
<i>Валиев М. Т., Заднепровская А. Ю.</i>	Петр Николаевич Вагнер – генерал-майор флота, художник и профессор Академии художеств	7
<i>Вартанян Ю. Т.</i>	Центральный архив флота и морского ведомства в годы революции (1917–1918 гг.)	9
<i>Вартанян Ю. Т.</i>	Военно-Морской архив: от Ленина до Ельцина (1917–1992 гг.)	12
<i>Василенко В. Н.</i>	Первая парусная кругосветка XXI века	6
<i>Вахмистрова С. И.</i>	Вклад генерал-фельдмаршала И. Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования России (на примере Морского шляхетного кадетского корпуса)	1
<i>Виноградов С. Е.</i>	Организация линейных сил флота Черного моря в Первой мировой войне	8
<i>Виноградов С. Е.</i>	Модернизационный потенциал боевых кораблей судостроительных программ 1911–1914 гг. и его реализация в РККФ	9
<i>Виноградов С. Е.</i>	Отечественная индустрия военно-морских вооружений периода 1860–1917 гг. в документах и материалах Российского государственного архива Военно-Морского Флота	12

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Герман В. А.</i>	Научная деятельность С. И. Елагина по систематизации и публикации источников отечественной военно-морской истории	11
<i>Глазунова Л. В.</i>	Роль С. И. Елагина в изданиях Морского министерства	1
<i>Гладких С. А.</i>	Герой Порт-Артура Адриан Буторин	10
<i>Головнин П. А.</i>	К 200-летию «Инцидента Головнина». Российско-японские отношения в начале XIX века	6
<i>Головнин П. А.</i>	Дворяне Головнины и Вердеревские в Первой мировой войне	8
<i>Гордеев С. Ю.</i>	Роль Донской флотилии в событиях на Дону и воссоздании флота на Юге России. Ноябрь 1917 г. – лето 1919 г.	4
<i>Гостев И. М.</i>	Архангельск Петра I – колыбель российского Военно-морского флота	11
<i>Гребениčkова Г. А.</i>	Вклад адмирала С. К. Грейга (1735–1788) в развитие Балтийского флота	2
<i>Гребениčkова Г. А.</i>	Русско-шведская война 1788–1790 гг. в документах РГАВМФ	4
<i>Гребениčkова Г. А.</i>	Моряки-черноморцы во второй половине XVIII века: в мире и на войне	5
<i>Гребениčkова Г. А.</i>	Первые дальние плавания российских моряков (1770-е – 1780-е годы)	6

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Губер К. П.</i>	Судьбы офицеров Русского флота – участников Цусимского сражения	3
<i>Гуров С. А.</i>	Надводные корабли и подводные лодки Балтийского флота, отличившиеся в Первой мировой войне	8
<i>Данков М. Ю.</i>	Адмиралтейская шляпа «Lizett» и операция объединенного флота 1716 года	11
<i>Длужневская Г. В.</i>	Панорамы портовых городов мира в документах фотоархива Института истории материальной культуры РАН	2
<i>Длужневская Г. В.</i>	Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич – государственный деятель, реформатор флота и собиратель фотодокументов по истории и культуре Российской империи	5
<i>Дубин А. С.</i>	Гуманитарная миссия российских военных моряков в Италии (1908 год)	5
<i>Дубровская Е. Ю.</i>	Моряки Балтийского флота о событиях в Петрограде 1917 года	2
<i>Емелин А. Ю.</i>	Кризис офицерского состава русского флота накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.	3
<i>Емелин А. Ю.</i>	Деятельность Морского министерства по собиранию дневников и воспоминаний участников Русско-японской	4

Автор	Название статьи	Номер выпуска
	войны 1904–1905 гг. К истории формирования коллекции «Дневники, заметки, записки, вырезки из газет о Русско-японской войне», фонд 763	
<i>Емелин А. Ю., Кожухаров А. Н.</i>	Флагманский инженер-механик П. А. Машнин: на службе России и Болгарии	5
<i>Емелин А. Ю.</i>	«Слава» Коломейцова: к вопросу о конфликтах в кают-компаниях во время дальних плаваний	6
<i>Емелин А. Ю., Дружинин Ю. О.</i>	Энтузиаст «машущего полёта» лейтенант Владимир Дмитриевич Спицын	7
<i>Емелин А. Ю.</i>	К истории Георгиевской думы и думы Георгиевского оружия флота Балтийского моря 1914–1917 гг.	8
<i>Емелин А. Ю.</i>	Ярославское восстание 1918 г. и судьбы архивных документов учреждений морского ведомства	9
<i>Емелин А. Ю.</i>	Исторические журналы кораблей и соединений периода Русско-японской войны 1904–1905 гг.: от официоза к человеческим эмоциям	10
<i>Емелин А. Ю.</i>	Выставка документов к 250-летию со дня рождения Петра Великого (1922 г.) – первая выставка в нашем архиве	11
<i>Емелин А. Ю.</i>	История появления в архиве личных фондов вице-адмирала С. О. Макарова и адмирала Ф. В. Дубасова	12

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Ефремов Ф. Ю.</i>	Сражение у Балтийского порта 13 (25) – 14 (26) августа 1808 г.	4
<i>Захаров А. С.</i>	Капитан 1 ранга Федор Степанович Плещеев	10
<i>Зотова О. А.</i>	Контр-адмирал Николай Люцианович Подгурский (1877–1918) – моряк, изобретатель и «коммерсант поневоле»	7
<i>Зотова О. А.</i>	К 100-летию гибели линейного корабля «Императрица Мария»: события 7 (20) октября 1916 г. на Севастопольском рейде в рапортах врачей, оказывавших первую медицинскую помощь пострадавшим при взрыве	8
<i>Зотова О. А.</i>	Архив Адмиралтейств-коллегии в первые годы своей деятельности. Документальные свидетельства (1720-е – 1730-е гг.)	11
<i>Ивицкая О. Е.</i>	Один год из жизни адмирала. (Малоизвестные факты биографии адмирала А. В. Колчака)	5
<i>Кадырбаев А. Ш.</i>	Российские военные моряки – выходцы из иностранных фамилий в восточном средиземноморье. 1767–1833	5
<i>Караулова И. Б.</i>	Будущий член Адмиралтейств-Совета П. А. Караулов – участник Дарданелльского и Афонского сражений 1807 года	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Каримов О. В., Пумпянская О. В.</i>	Кризис российской военно-морской разведки (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.)	9
<i>Карпенко И. А.</i>	Офицеры российского флота – заключенные Петропавловской крепости в 1918 г.	9
<i>Климов В. Ю.</i>	Из истории Историографического института Токийского университета	4
<i>Климов В. Ю.</i>	Александр Федорович и Василий Васильевич Можайские и Япония	5
<i>Климова О. В.</i>	Подготовка экспедиции Хвостова на Сахалин в 1806 г. Анализ инструкций Резанова – Хвостову и Хвостова – Давыдову	5
<i>Коваль А. И.</i>	Российские мемориалы Русско-японской войны в Китае	3
<i>Козвонин А. В.</i>	Вклад русских моряков в африканистику: свидетельства участников Второй тихоокеанской эскадры (1904–1905 гг.)	7
<i>Козлов Д. Ю.</i>	Российский флот в Первой мировой войне: задачи, формы применения, достигнутые результаты	8
<i>Козлов Д. Ю.</i>	Органы стратегического руководства Российским флотом в 1917 году: от реформ Временного правительства до революционного коллапса	9
<i>Козлов Д. Ю.</i>	Сражение за Рижский залив летом 1915 года: перспективы исследований	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Козлов Д. Ю.</i>	Некоторые особенности планирующих и директивных документов российского и германского флотов периода Первой мировой войны: опыт сравнительного анализа (по материалам отечественных архивов и Федерального архива ФРГ)	12
<i>Козлова И. А.</i>	О судьбе литературного творчества адмирала Павла Васильевича Чичагова (1767–1849)	7
<i>Козырь В. В.</i>	Подготы России (о военно-морских подготовительных учебных заведениях России)	1
<i>Комиссаров Б. Н., Циуксон А. А.</i>	Юбилей пятидесятилетней службы И. Ф. Крузенштерна в дневнике Ф. П. Литке	1
<i>Кондакова О. Н.</i>	Алексей Петрович Боголюбов на службе в Морском ведомстве	7
<i>Кондакова О. Н.</i>	Обустройство портов восточной части Черного моря и деятельность Трапезундского порта в 1916–1917 гг.	8
<i>Конюхова Е. В.</i>	Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких в годы Русско-японской войны	3
<i>Копелев Д. Н.</i>	Капитал эстляндского рыцарства и продвижение остзейцев в Морской корпус в 1-й половине XIX века	1

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Копелев Д. Н.</i>	Международные центры пиратства начала XVIII века и российские власти (по материалам РГАВМФ)	2
<i>Копелев Д. Н.</i>	Даниил Якоб Вильстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг.	3
<i>Копелев Д. Н.</i>	Франсуа Гиймо де Вильбоа, «доверенный» царя Петра на флоте	5
<i>Копелев Д. Н.</i>	Мадагаскарская экспедиция Петра Великого: неизвестные страницы	11
<i>Копелев Д. Н.</i>	У истоков Русского географического общества. Великий князь Константин Николаевич: становление патриота, моряка и географа	12
<i>Костанов А. И.</i>	Русско-японская война и реформирование архивного дела в армии и на флоте	7
<i>Костюк А. В.</i>	Роль Петра I в создании системы медицинского обеспечения Военно-морского флота России	11
<i>Котов И. М.</i>	Три войны Ивана Спиридова	10
<i>Котов И. М.</i>	Судьбы эзельских гардемарин	11
<i>Крылова Э. А.</i>	Влияние опыта учебных плаваний практических эскадр Г. И. Бутакова на действия русских морских офицеров в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Кудрявский А. Р.</i>	Эскадренный броненосец «Император Александр III» в составе 2-й эскадры флота Тихого океана	6
<i>Кузинец И. М.</i>	Зарождение в России регулярного военно-морского кораблестроительного образования	1
<i>Кузинец И. М.</i>	Главное Адмиралтейство – символ великого города	2
<i>Кузнецов Н. А.</i>	Гибель шхуны «Крейсерок»	4
<i>Кузнецов Н. А.</i>	Последний белый адмирал: к биографии К. В. Шевелева	5
<i>Кузнецов Н. А.</i>	Василий Иванович Черникеев (1875–1949) – малоизвестный на Родине моряк-изобретатель	7
<i>Кузнецов Н. А.</i>	Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и Российский государственный архив Военно-Морского Флота: два десятилетия плодотворного сотрудничества	12
<i>Кузнецова К. Э.</i>	Дальние плавания судов, построенных моими предками	6
<i>Кузнецова К. Э.</i>	Вклад моряков-декабристов в науку и культуру России	7
<i>Куликов С. В.</i>	Материалы военно-морских игр как источник по истории отечественного Военно-Морского Флота на рубеже эпох (1910–1929 гг.)	9
<i>Куликов С. В.</i>	Тактические военно-морские игры в системе боевой подготовки Российского императорского флота 1880–1914 гг.	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Курносков С. Ю.</i>	Взаимодействие Российского государственного архива Военно-Морского Флота и Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого: выставочные проекты и научно-исторические исследования	12
<i>Лебедева Н. Б.</i>	История освоения Арктики в 1930-е гг. в документах Ленинградского политотдела Севморпути и подчиненных ему партийных организаций	2
<i>Левашко С. С.</i>	Тип и стилистика православных храмов-памятников в Китае	3
<i>Лисицкая А. А.</i>	С. И. Елагин – основоположник источниковедения военно-морской истории	12
<i>Мажара П. Ю.</i>	Новые материалы по истории Первой мировой войны в РГАВМФ из собрания Общества офицеров Российского императорского флота в Америке	8
<i>Мазур Т. П.</i>	Римские-Корсаковы – директора Морского корпуса	1
<i>Мазур Т. П.</i>	Аксонметрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (план П. Сент-Илера – А. Горихвостова – И. Соколова)	2
<i>Малевинская М. Е.</i>	Судьбы выпускников 1901 года (к 100-летию выпуска из Морского корпуса)	1

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Малевинская М. Е.</i>	Русско-японская война в дневниках и письмах русских моряков	3
<i>Малевинская М. Е.</i>	Востоковедческие материалы в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота. Общая характеристика	4
<i>Малевинская М. Е.</i>	Машинист 1-й статьи Афанасий Брагин о службе на крейсере «Владимир Мономах» (1897–1900)	5
<i>Малевинская М. Е.</i>	Вклад РГАВМФ в изучение вопросов истории Первой мировой войны	8
<i>Митюков Н. В.</i>	К вопросу об изучении опыта Русско-японской войны с помощью имитационных моделей	3
<i>Мозговой С. А.</i>	Чесменское сражение. К 250-летию	10
<i>Мозговой С. А.</i>	Петр I как основоположник сохранения морского наследия	11
<i>Назаренко К. Б.</i>	Первое изображение русского матроса: неизвестный рисунок первой четверти XVIII в. из собрания Национальной библиотеки Франции	11
<i>Назаренко К. Б.</i>	Российский государственный архив ВМФ и исторический факультет (Институт истории) Ленинградского-Санкт-Петербургского государственного университета	12

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Наймушин И. Н.</i>	Морское инженерное училище императора Николая I: проблемы комплектования и продолжительность службы выпускников во флоте в конце XIX – в начале XX века	1
<i>Новикова Л. И.</i>	К. Н. Матюшкин – основатель первой матросской библиотеки	7
<i>Петренко Е. Д.</i>	Эпидемические заболевания в Северном Причерноморье во второй четверти XIX в.: Русско-турецкая война, морские границы и взаимодействие гражданской и военно-морской медицины	10
<i>Петров А. Ю.</i>	Опыт взаимодействия Института всеобщей истории РАН и РГАВМФ по изучению истории севера Тихого океана и Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII – первой половине XIX в.	12
<i>Петров П. В.</i>	Роль военно-морского флота в обороне Южного Сахалина в 1904–1905 гг.	3
<i>Петров П. В.</i>	Краснознаменный Балтийский флот в предвоенный период, 1935–1941 гг. Основные проблемы развития	4
<i>Пилипенко А. Н.</i>	В чужих морях – по российским законам	6
<i>Поликарпов В. К.</i>	Вклад морской династии Рыковых в исследования и оборону российского побережья Тихого океана	6

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Пономарева Т. И.</i>	Плавание канонерской лодки «Хивинец» вдоль побережья Киренаики в 1908 г.	6
<i>Рыжикова Н. Н.</i>	Учебная литература для Навигацкой школы и Морской академии в эпоху Петра Великого (по материалам из фонда Центральной военно-морской библиотеки)	11
<i>Саберов Ф. К., Тетеря Л. Н.</i>	Трагическая судьба флотского офицера. Штрихи к портрету генерал-майора Г. Н. Мазурова	8
<i>Семенцов С. В.</i>	Развитие Приневья и Приладожья в VIII-XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации	2
<i>Скрицкий Н. В.</i>	Военмор Ключос и рождение советской морской пограничной охраны	5
<i>Смирнов В. Г.</i>	Моряк, дипломат, воспитатель, министр (об адмирале К. Н. Посъете)	2
<i>Смирнов В. Г.</i>	Первые женщины в морской картографии России	2
<i>Смирнов В. Г.</i>	Деятельность Морского благотворительного общества в годы Русско-японской войны	3
<i>Смирнов В. Г.</i>	Михаил Александрович Рыкачев – генерал и академик (к 170-летию со дня рождения)	5
<i>Смирнов В. Г.</i>	Плавание на винтовом корабле «Ретвизан» «по лучшим странам Европы»: путевые впечатления гардемарина Михаила Рыкачева (1858–1859)	6

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Смирнов В. Г.</i>	«Красный выбор» гардемарина Колбасьева	9
<i>Сосин В. В.</i>	Медицинские уроки Русско-японской войны (морская часть)	3
<i>Спиридонова Л. И.</i>	Финны – выпускники Морского кадетского корпуса	1
<i>Спиридонова Л. И.</i>	Подвиг крейсера «Варяг»	3
<i>Спиридонова Л. И.</i>	Подготовка к изданию РГАВМФ документов по исследованию северо-восточной части Тихого океана в XVIII – первой половине XIX в.	4
<i>Стрельбицкий К. Б.</i>	Судьбы офицеров польского ВМФ – выпускников военно-морских заведений России в период Второй мировой войны (1939–1945)	1
<i>Стрельбицкий К. Б.</i>	Советские моряки в озере Лох-Несс, или «Маршрут движения – Каледонский канал...»	4
<i>Сычев В. И.</i>	Корабли Черноморского флота при взятии турецкой крепости Анапа в 1807 г.	10
<i>Теренина С. В.</i>	«Фрегат „Надежда“» А. А. Бестужева-Марлинского. Опыт идентификации	5
<i>Теренина С. В.</i>	Два «Златоуста». Корабли русского Военно-морского флота в литературной, научной и политической программе М. В. Ломоносова	7
<i>Терещенков Л. А.</i>	Русско-японская война 1904–1905 гг. в экспозиции Центрального военно-морского музея (1937–1941)	10

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Удалова Е. Г.</i>	Морские офицеры Ермаковы – разные пути	9
<i>Федечкин А. Д.</i>	Участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях 1914–1915 гг.	8
<i>Федечкин А. Д.</i>	Артиллерия русских броненосных крейсеров в Рабоче-Крестьянском Красном флоте (по материалам РГАВМФ).	9
<i>Федоров Н. В.</i>	Труды адмирала А. Мэхэна и отечественное военно-морское образование	2
<i>Федорова Г. Н.</i>	«Воспоминания» контр-адмирала В. А. Белли как источник по истории Морского корпуса в начале XX века	1
<i>Федорова Т. С.</i>	Имя Михаила Аничкова в топонимике Санкт-Петербурга	2
<i>Федорова Т. С.</i>	Выпускники Греческой гимназии (корпуса) – воспитанники Морского кадетского корпуса	2
<i>Федорова Т. С.</i>	Г. И. Невельской и Амурская экспедиция	7
<i>Фомичева Н. Ф.</i>	Гражданский морской флот Ленинграда по документам Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга	2
<i>Фотуньянц В. Н.</i>	Морское училище в биографии А. И. Непенина (1885–1892)	1

Автор	Название статьи	Номер выпуска
<i>Фотуньянц В. Н.</i>	Морская крепость Императора Петра Великого в биографии А. И. Непенина	8
<i>Фотуньянц В. Н.</i>	Н. Н. Александров и Г. Н. Четверухин: две судьбы в эпоху войн и революций	9
<i>Фрумин Д. В.</i>	О первоначальном названии острова Высокий	6
<i>Ципленкин В. П.</i>	Участие морских сил России в боевых действиях на Нижнем Дунае в 1916–1917 гг.	8
<i>Ципленкин В. П.</i>	Значение «Книги Марсовой» для изучения боевых действий Северной войны (1700–1721)	11
<i>Шерафетдинова К. А.</i>	Исследователь Крайнего Севера Евстафий Алексеевич Тягин	6
<i>Шерафетдинова К. А.</i>	Николай Андреевич Римский-Корсаков (к 170-летию со дня рождения)	7
<i>Шерафетдинова К. А.</i>	Николай Андреевич Римский-Корсаков (к 170-летию со дня рождения)	7
<i>Шкаровский М. В.</i>	Храм Христа Спасителя (Спас-на-Водах) – памятник погибшим в Русско-японскую войну	3

Содержание

ХII Елагинские чтения – к 300-летнему юбилею архива.	
Предисловие директора РГАВМФ В. Г. Смирнова.....	3
Лисицкая А. А.	
С. И. Елагин – основоположник источниковедения военно-морской истории.....	8
Зотова О. А.	
Архив Морского министерства в здании Главного Адмиралтейства: размещение документов и условия их хранения в XIX – начале XX вв.	19
Емелин А. Ю.	
История появления в архиве личных фондов вице- адмирала С. О. Макарова и адмирала Ф. В. Дубасова.....	48
Варганян Ю. Т.	
Военно-Морской архив: от Ленина до Ельцина (1917–1992 гг.).....	62
Курносов С. Ю.	
Взаимодействие Российского государственного архива Военно-Морского Флота и Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого: выставочные проекты и научно-исторические исследования	74
Назаренко К. Б.	
Российский государственный архив ВМФ и исторический факультет (Институт истории) Ленинградского-Санкт- Петербургского государственного университета.....	78
Петров А. Ю.	
Опыт взаимодействия Института всеобщей истории РАН и РГАВМФ по изучению истории севера Тихого океана и Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII – первой половине XIX в.	90

Кузнецов Н. А. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и РГАВМФ: два десятилетия плодотворного сотрудничества	97
Копелев Д. Н. У истоков Русского географического общества. Великий князь Константин Николаевич: становление патриота, моряка и географа	104
Виноградов С. Е. Отечественная индустрия военно-морских вооружений периода 1860–1917 гг. в документах и материалах РГАВМФ	125
Козлов Д. Ю. Некоторые особенности планирующих и директивных документов российского и германского флотов периода Первой мировой войны: опыт сравнительного анализа (по материалам отечественных архивов и Федерального архива ФРГ).....	138
Именной указатель	165
Судовой указатель	171
Сведения об авторах	172
Перечень выпусков Елагинских чтений с указанием тем	174
Указатель статей, опубликованных в I–XII выпусках Елагинских чтений	175

Научное издание

Елагинские чтения

Выпуск XII

Сборник статей

Технический редактор Л. Е. Голубева
Вёрстка ООО «ПресСто»
Макет обложки ООО «ПресСто»

Подписано в печать 10.12.2023.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл печ. л. 10,29.
Тираж 150 экз.

Издательско-полиграфический комплекс «ПресСто»
153025, г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8
Тел.: 8-930-330-36-20
E-mail: pressto@mail.ru